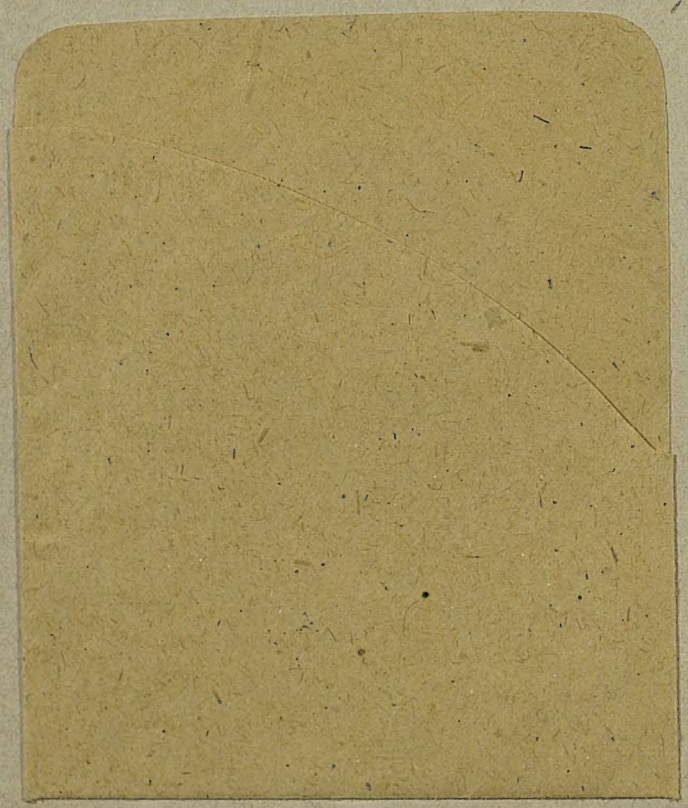
182 513.



КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

Колич. предыд. выдач.....

MR
0-7b
250
III/1 53
124/0
182 513

Баронъ Вольфъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКАГО ВЪ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

„Die staatsrechtliche Stellung des Grossfürstentums Finnland im Russischen Reiche".

Диссертація на соисканіе ученой степени доктора, представленная въ факультетъ политическихъ наукъ Тюбингенскаго университета.

Цѣна 1 руб.

Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей автора.

Съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ... ПРОФЕССУРЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1910.

182
513

Баронъ Вольфъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКАГО ВЪ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

„Die staatsrechtliche Stellung des Grossfürstentums Finnland im Russischen Reiche".

Диссертація на соисканіе ученой степени доктора, представленная въ факультетъ политическихъ наукъ Тюбингенскаго университета.

Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей автора.

Съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1910.

Зс
3761
Т

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
490309
Историческая

Печатано съ одобренія политическаго факультета Тюбингенскаго университета.

Докладчикъ: Профессоръ д-ръ *Трипель.*

Мартъ 1909.

МОЕЙ МАТУШКѢ

баронессѣ МАРІИ УЛЬРИХОВНѢ

фонъ-деръ-ОСТЕНЪ-САКЕНЪ.

ФИЛИППУ МОЛЬ

Сарсонесу МАРТИН ЛЛЕРХОВНЕ

фонр-дер-ОСТЕНР-САКЕНР.

Основаніемъ къ составленію настоящаго труда послужили лекціи профессора д-ра фонъ-Ульмана въ Мюнхенѣ. Помощь, любезно оказанная мнѣ сенаторомъ Эрштремомъ и профессоромъ д-ромъ Берендтсомъ въ С.-Петербургѣ, а также сенаторомъ д-ромъ Мехелиномъ въ Гельсингфорсѣ, была въ высшей степени драгоцѣнна при болѣе точномъ, на мѣстѣ, изученіи источниковъ. Всѣмъ этимъ лицамъ выражаю искреннѣйшую мою благодарность. Но въ первую очередь я долженъ упомянуть о моемъ уважаемомъ учителѣ, профессорѣ докторѣ Трипелѣ, руководству и поддержкѣ котораго я болѣе всего обязанъ окончаніемъ этого труда. Да будетъ мнѣ позволено принести ему здѣсь выраженіе чувства самой сердечной моей признательности.

Остенъ-Сакенъ.

Тюбингенъ, въ Мартѣ 1909 г.

самой сердечной моей признательности.

Тюбингенъ, въ Мартѣ 1909 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Источники и пособія. . . . . 9.
Введеніе . . . . . 15.
§ 1. Литература по вопросу о государственно-правовомъ положеніи Финляндіи . . . . . 19.
§ 2. Понятіе реальной уніи . . . . . 23.
§ 3. Понятіе государства. Суверенитетъ и государственная власть 29.
§ 4. Россія и Финляндія до XIX вѣка. Рѣшительная война 1808—1809 г.г. . . . . 38.
§ 5. Содержаніе и юридическій характеръ акта о удостовѣреніи $^{15}/_{27}$ Марта 1809 года . . . . . 45.
§ 6. Правовое положеніе Финляндіи на основаніи событій 1808 и 1809 г.г. . . . . 55.
I. Положеніе Финляндіи подъ властью Швеціи . . . . . 55.
II. Международно-правовое положеніе Финляндіи со времени присоединенія къ Россіи . . . . . 57.
III. Государственно-правовое положеніе Финляндіи. Его основы и характеръ . . . . . 62.
§ 7. Финляндія и Россія въ 1808—1908 г.г. . . . . 74.
I. Финляндія при Александрѣ I . . . . . 75.
II. Финляндія при Николаѣ I . . . . . 80.
III. Финляндія при Александрѣ II. . . . . 82.
IV. Финляндія при Александрѣ III. . . . . 88.
V. Финляндія при Николаѣ II . . . . . 93.
§ 8. Современное положеніе Финляндіи, какъ автономно управляющейся области Россійской Имперіи . . . . . 100.
§ 9. Аналогичныя отношенія зависимости въ современномъ государственномъ мірѣ . . . . . 109.
Заключеніе . . . . . 123.
Приложенія [1]: I, къ нѣмецкому тексту . . . . . 129.
» II, къ русскому переводу . . . . . 180.

[1]) Оглавленіе приложеній см. въ концѣ книги.

Источники и пособія. . . . . .

Литература по вопросу о государственно-правовомъ положе-

Понятіе государства. Суверенитетъ и государственная власть

Россія и Финляндія до XIX вѣка. Финляндская война 1808—

Содержаніе и юридическій характеръ акта о удостовѣреніи

Правовое положеніе Финляндіи на основаніи событій 1808 и

1809 гг. . . . . .

I. Положеніе Финляндіи подъ властью Швеціи . . . . . .

III. Государственно-правовое положеніе Финляндіи. Его основа

и характеръ

Финляндія и Россія въ 1808—1908 гг. . . . . .

III. Финляндія при Александрѣ II. . . . . .

§ 8. Современное положеніе Финляндіи, какъ автономно управ-

Аналогичныя отношенія зависимости въ современномъ госу-

дарственномъ мірѣ . . . . . .

Заключеніе . . . . . .

Приложенія [1]: I, къ нѣмецкому тексту . . . . . .

» II. къ русскому переводу . . . . . .

[1]) Отдѣленіе приложеній см. въ концѣ книги.

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБІЯ.

Привести исчерпывающимъ образомъ относящуюся къ настоящему вопросу литературу на всѣхъ языкахъ едва ли возможно, въ виду ея большого объема; господствующія воззрѣнія и соотвѣтствующіе матеріалы въ достаточной мѣрѣ содержатся въ нижеуказанныхъ трудахъ.

Приведенные въ алфавитномъ порядкѣ источники и пособія раздѣлены на 2 группы, причемъ въ первой изъ нихъ (А) поименованы сочиненія, касающіяся т.-наз. «финляндскаго вопроса», т. е. отношеній Финляндіи къ Россіи и ея положенія въ государствѣ; вторая же группа (Б) заключаетъ въ себѣ наиболѣе важныя сочиненія, посвященныя изложенію государственнаго и другихъ публичныхъ правъ, а также историческія изслѣдованія и труды, послужившіе источниками.

Впрочемъ, богатыя указанія на литературу можно найти и во многихъ изъ нижеприведенныхъ сочиненій, напр., въ «Finnländische Rundschau» I, 1901, стр. 170 и слѣд. Относительно русскихъ трудовъ ср. въ особенности «Финляндія въ русской печати. Матеріалы для библіографіи, собранные М. Бородкинымъ», СПБ. 1902 (здѣсь собрано свыше 6.000 названій брошюръ, газетныхъ статей, сочиненій, трактующихъ всевозможные касающіеся Финляндіи вопросы).

Нижеслѣдующій перечень ограничивается только сочиненіями, изданными на доступныхъ автору языкахъ.

А.

Arnheim, Der ausserordentliche finnländische Landtag 1899. Die Antwortschreiben der Stände auf die Kaiserlichen Vorlagen über die Umgestaltung des finnländischen Heerwesens. Uebersetzung des Originaltextes nebst einer Vorbemerkung. Лейпцигъ. 1900.

v. Bar, Der Burenkrieg, die Russifizierung Finnlands, die Haager Friedenskonferenz u. s. w. Ганноверъ. 1900.

— Zur finnländischen Frage въ «Das Recht», т. V.

Baschmakoff, Revue politique et parlementaire. XII. 1897, стр. 697.

Bellet, La crise finlandaise, journal des économistes. T. I. 1902, стр. 224.

Behrendts, Ueber Grenzmarkenpolitik und die finnländische Frage insbesondere. Рѣчь, произнесенная 14 января 1907 г. Спб. 1907.

— Кое-что о современныхъ вопросахъ. Ч. 5. Автономія Прибалтійскихъ губерній, Польши и Финляндіи. СПБ. 1907.

Bornhak, Russland und Finnland. Ein Beitrag zu der Lehre von den Staatenverbindungen. Лейпцигъ. 1900.

Chronique de Finlande, périodique publié depuis le 15 mars 1900. Парижъ.

Condition juridique de la Finlande, перев. съ русскаго, Парижъ. 1902. Société d'éditions scientifiques (появилось анонимно; авторъ—извѣстный своими сочиненіями о Финляндіи генералъ-лейтенантъ Бородкинъ).

La Constitution du grand-duché de Finlande, Парижъ. 1900. Société nouvelle de librairie et d'édition.

Corsi, Russia e Finlandia. Rivista internazionale di scienze sociali et discipline ausiliarie, vol. XX, aug. 1899, fasc. 80, стран. 501 и слѣд.

Danielson, Finnlands Vereinigung mit dem Russischen Reich. Съ шведскаго. Гельсингфорсъ. 1891.

Delpech, La question finlandaise, les droits du Grand-Duché de Finlande et le manifeste du tsar du $^{3}/_{15}$ février 1899. Парижъ. 1899 (extrait de la Revue générale de droit international public, sept.- oct. 1899).

Despagnet, La question finlandaise au point de vue juridique. Парижъ. 1901.

Diète de Finlande en 1899. Réponse des Etats aux propositions impériales concernant le service militaire personnel. Парижъ. 1900. Soc. nouv. de librairie et d'édition.

Еленевъ, La question finlandaise contemporaine d'après les sources russes et finlandaises. Съ русскаго. Парижъ 1891.

— Ученіе о финляндскомъ государствѣ. СПБ. 1893.

Finland, An english journal devoted to the cause of the finnish people, изд. Harald Perrot. Лондонъ, ежемѣсячно съ Іюня 1899 г.

Finnland: въ Schmollers Jahrbuch, т. 27, стр. 141 и слѣд.

Der finnländische Landtag 1904—1905. Лейпцигъ. 1905.

Finnländische Rundschau. Vierteljahrschrift für das geistige, sociale und politische Leben Finnlands. Изд. Браузеветтера, Лейпцигъ. 1900.

Fisher, Finland and the Tsars 1809—1899, 2 изд. Лондонъ. 1901.

Gemma, La Finlandia e l'impero russo. Rassegna Nazionale, Флоренція. 1899.

Getz, Das staatsrechtliche Verhältnis zwischen Finnland und Russland. Лейпцигъ. 1900.

Головинъ, Листки изъ настоящаго и прошлаго Финляндіи; настоящее политическое положеніе Великаго Княжества Финляндскаго, историко-политическій очеркъ непричастнаго наблюдателя. Спб. 1891.

Hermanson, Ein Beitrag zur Beurteilung der staatsrechtlichen Stellung des Grossfürstentums Finnland. Лейпцигъ. 1900—въ «Deutsche Juristen-Zeitung», т. VI. стр. 46 и слѣд.

Hisinger, On the validity of the fundamental laws of Finland, Стокгольмъ. 1892.

Hvasser, Kuoharinen, Geijer und Kekäläinen, Finnlands Gegenwart und Zukunft, eine Sammlung politischer Schriften, 2-изд. Стокгольмъ. 1854.

Justus, Zur Lage Finnlands, въ «Die Nation», изд. Barth. 8-й годъ № 5, 1900.

Коркуновъ, въ «Юридической Лѣтописи», 1890.

Leclercq, Le conflit entre la Russie et la Finlande. Бельгійская Revue générale, août—sept. 1901.

Linnedorfer, La situation de la Finlande (the Forum, Америка. Сент. 1901).

Mechelin, La question finlandaise, Гельсингфорсъ. 1893.

— La question finlandaise, въ «Revue politique et parlementaire» 1898, стр. 186 и слѣд.

— Къ вопросу объ автономіи Финляндіи и ея основныхъ законахъ. Критика сочиненія проф. Сергѣевскаго. Берлинъ. 1903.

— Разногласія по русско-финляндскимъ вопросамъ. Критическій обзоръ. Гельсингфорсъ. 1908. На шведскомъ, русскомъ и финскомъ языкахъ.

Мессарошъ. Финляндія—государство или русская окраина? Спб. 1897.

— Существуетъ ли конституція въ Финляндіи? Спб. 1900.

Michoud et de Lapradelle, La question finlandaise, Парижъ. 1901.

Moreau, La question finlandaise, Парижъ. 1900 (извлеченіе изъ «Revue de droit public et de la science politique etc.» № 5, sept.—oct. 1900).

Nyholm, Die Stellung Finnlands im russischen Kaiserreich. Лейпцигъ. 1901.

Oppenheimer, Reiger, de Louter, de Hartog, Die finnische Frage. Ein Gutachten (въ Laband, Archiv für öffentliches Recht, т. XV, 1900).

Ординъ, Покореніе Финляндіи, 2 тома. Спб. 1889.

Петровскій, Русская Финляндская Окраина. Сборникъ. Москва. 1891 и слѣд.

Протопоповъ, Финляндія. Сборникъ. Спб. 1898.

Pillet et Delpech, La question finlandaise, le manifeste du tsar examiné au point de vue du droit international. Парижъ. 1900 (извлеченіе изъ «Revue générale de droit international public», Май-Іюнь 1906).

Das Recht Finnlands und das Manifest des Zaren vom 15 Februar 1899. Einige Blätter aus dem Lebenskampfe einer kleinen Nation, безъ даты (1899?).

Das Recht Finnlands und seine Wehrpflichtfrage. Eine kurze aktenmässige Betrachtung von einem finnländischen Juristen. Лейпцигъ. 1900.

Rehm, Deutsche Juristen-Zeitung, т. V, № 22.

Réponse à la brochure officielle: «Le manifeste impérial du ²/ш 1899 et la Finlande» (non mis dans le commerce) 1899.

Сергѣевскій, Къ вопросу объ автономіи Финляндіи и ея основныхъ законахъ. Спб. 1902.

La Situation politique de la Finlande. Брюссель. 1900 (извлеченіе изъ Revue de Droit international et de législation comparée, 2-я серія, т. II. 1900).

Суворовъ. Къ вопросу о равноправіи; положеніе русскихъ въ Финляндіи и финляндцевъ въ Имперіи. Спб. 1907.

van der Vlught, Le conflit Finlandais envisagé au point de vue juridique. Парижъ. 1900.

Westlake, The case of Finland. The national Review, Мартъ 1900, стр. 111.

Помимо этихъ спеціальныхъ сочиненій, ср. еще слѣдующіе труды, въ коихъ затрагивается финляндскій вопросъ и содержатся важныя теоретическія изслѣдованія:

Bornhak. Einseitige Abhängigkeitsverhältnisse unter den modernen Staaten. Лейпцигъ. 1896 (Staats- und völkerrechtliche Abhandlungen von Jellinek und Meyer. Т. I, тетрадь 5).

Brie, Theorie der Staatenverbindungen. Штуттгартъ. 1886.

— Zur Lehre von den Staatenverbindungen. Въ «Grünhuts Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht der Gegenwart». Т. XI, 1883, стр. 85 и слѣд.

Engelmann, Das Staatsrecht des russischen Reiches. (HB. des öffentlichen Rechts) Фрейбургъ. 1889.

Heffter, Das europäische Völkerrecht der Gegenwart. 8-е изд. Geffken, т. II. Берлинъ. 1888.

v. Holtzendorff, Handbuch des Völkerrechts. Т. II, Гамбургъ. 1887.

Jellinek, Die Lehre von den Staatenverbindungen, Вѣна. 1882.

— Ueber Staatsfragmente. Гейдельбергъ. 1896.

— Allgemeine Staatslehre, 2-е изд. Берлинъ. 1905. (Das Recht des modernen Staates, т. I).

Коркуновъ, Русское государственное право. Т. I. 5-е изд. Спб. 1904.
Le Fur, Etat fédéral et confédération d'Etats, 1896.
Мартенсъ, Международное право цивилизованныхъ народовъ. Т. I. 5-е изд. Спб. 1904.
v. Oettingen, Abriss des russischen Staatsrechts. Берлинъ. 1899.
Polier et de Marans, Esquisse d'une théorie des Etats composés. Contribution à la théorie générale de l'Etat. Тулуза. 1902.
Rivier, Principes du droit des gens. T. I. Парижъ. 1886.
Романовичъ-Славатинскій, Система русскаго государственнаго права въ историко-догматическомъ изложеніи, Кіевъ. 1896.
Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Спб. 1883.
Чичеринъ, Народное представительство. 2-е изд. Москва. 1869.
v. Ullmann, Völkerrecht. Das öffentliche Recht der Gegenwart. Тюбингенъ. 1908.

Б.

Изложеніе публичнаго права Великаго Княжества даютъ:

Берендтсъ, Лекціи по административному праву Великаго Княжества Финляндскаго 2 тома. Спб. 1903.
— Краткій обзоръ финансовъ и финансоваго управленія Великаго Княжества Финляндскаго. Спб. 1900.
— Финансовое право Вел. Княж. Финляндскаго въ XIX вѣкѣ. Историческій очеркъ. Спб. 1900.
— Императорскій Александровскій университетъ въ Финляндіи. Изложеніе его организаціи и значенія въ публичной жизни Финляндіи. Спб. 1902.
Брокгаузъ и Ефронъ, Энциклопедическій словарь. Подъ ред. Андреевскаго. 1902. Т. LXX и LXXI. Ст. Финляндія.
Mechelin, das Staatsrecht des Grossfürstentums Finnland. (Hdb. des öffentlichen Rechts). Фрейбургъ. 1889.
— Précis du droit public du grand-duché de Finlande. Гельсингфорсъ. 1886.
Nyholm, см. выше.

По исторіи:

Koskinen, Finnische Geschichte. Лейпцигъ. 1874.
Schybergson, Geschichte Finnlands. Gotha. 1896. (Heeren, Ukert, Giesebrecht und Lamprecht, Geschichte der europäischen Staaten. LVII, 1-я ч.).

Болѣе или менѣе обстоятельное изложеніе исторіи Финляндіи, въ особенности ея отношеній къ Россіи, встрѣчается и во многихъ изъ сочиненій, указанныхъ въ отд. А, преимущественно у Ордина. Ср. также:

Schnitzler, L'empire des zars au point de vue actuel de la science. T. III. L'état et l'église. Парижъ и Страсбургъ. 1866.

Подробное изложеніе новѣйшей исторіи Финляндіи даетъ:

Бородкинъ, Исторія Финляндіи. Время Императора Александра II. Спб. 1908.

— Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Бобрикова. Спб. 1905.

Важнѣйшіе акты и матеріалы находятся въ Архивѣ русскаго Государственнаго Совѣта и, въ особенности, въ Архивѣ Финляндскаго Статсъ-Секретаріата (Statssekretariatets Akter), хранящемся частью въ Статсъ-Архивѣ въ Гельсингфорсѣ (древнѣйшее время), частью—въ С.-Петербургѣ.

Оффиціальнымъ сборникомъ всѣхъ узаконеній, рескриптовъ и. т. п. для Финляндіи является:

Samling af Plakater, Förordningar, Manifester och Påbud, издававшійся въ Гельсингфорсѣ съ 1809 г. на шведскомъ, финскомъ и отчасти русскомъ языкахъ. Съ 1860 г. оффиціальный сборникъ законовъ издается ежегодно въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 28 Ноября 1859 г., подъ названіемъ «Сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго, Storfurstendömet Finlands Författningssamling», на трехъ мѣстныхъ языкахъ.

Кромѣ того, ср.: **Акты,** для выясненія политическаго положенія Великаго Княжества Финляндскаго. Гельсингфорсъ 1890.

Бореніусъ. То же названіе. 2-е изд. Спб. 1908.

de Martens et de Cussy, Recueil manuel, т. II. Лейпцигъ 1846.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XXI.

Шиловскій, Акты, относящіеся къ положенію Финляндіи. СПБ. 1905.

Цѣнное собраніе историческихъ матеріаловъ находится во владѣніи графа фонъ-деръ-Палена, въ Курляндіи.

Введеніе.

Начало XIX столѣтія имѣло величайшее значеніе въ исторіи развитія русскаго государства. Особенно важною была эта эпоха въ томъ отношеніи, что съ нею совпала наивысшая точка тѣхъ стремленій русской политики, которыя имѣли въ виду привлечь Россію къ участію въ общей политикѣ Европы въ качествѣ *европейской* державы. Если начатая Петромъ Великимъ политика съ задачею «прорубить окно въ Европу» (по его собственнымъ словамъ) оказала большіе успѣхи еще въ предшествовавшемъ столѣтіи, если Императрицы Елисавета и, въ особенности, Екатерина II играли часто рѣшающую роль въ разрѣшеніи европейскихъ вопросовъ, то именно первыя десятилѣтія XIX вѣка ознаменовались сильнымъ дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ стремленій и окончательнымъ укрѣпленіемъ политическаго положенія Россіи. Наполеоновскіе походы вовлекли и Востокъ Европы въ борьбу народовъ; мощное движеніе, потрясшее Западную Европу въ первое десятилѣтіе этого вѣка, распространилось и на Россію, хотя и не въ той степени, какъ на культурныя страны континента, но все же настолько, что ввело могущественное славянское государство въ общую европейскую политику въ небывалыхъ дотолѣ размѣрахъ. Новая европейская держава, выросшая и укрѣпившаяся подъ властью Екатерины, встала въ наполеоновское время на твердую почву и сдѣлалась общепризнаннымъ рѣшающимъ факторомъ въ міровой политикѣ.

Внушительное положеніе, окончательно занятое государствомъ, не могло остаться безъ вліянія на дальнѣйшее направленіе его политики. Сознаніе собственной силы было для Россіи наиболѣе твердою точкою опоры для осуществленія своихъ давнишнихъ территоріальныхъ стремленій. И мы видимъ, какъ широко въ пространственномъ отношеніи обогащается въ это время территорія государства. На югѣ пріобрѣтается Бессарабская губернія (въ 1813 г.), Вѣнскій конгрессъ (постановленіе конгресса 9 іюня

1815 г., ст. 1) предоставилъ Россіи бо́льшую часть Польскаго королевства и такимъ образомъ округлилъ территорію государства къ западу. Но еще ра́ньше во владѣніе Россіи поступили шведскія провинціи, подъ названіемъ «Великаго Княжества Финляндскаго». Это послѣднее завоеваніе не только прибавило новыя земли къ уже имѣющемуся составу; значеніе его гораздо больше, такъ какъ оно явилось послѣднимъ дѣломъ длившейся цѣлыя столѣтія политики, окончательнымъ результатомъ длиннаго ряда усилій русскихъ царей подчинить своей власти и эту часть обширной восточно-европейской низменности. Если географическое положеніе Финляндіи и ея топографическая тѣсная связь съ Россіей сами по себѣ выдвигали соединеніе ихъ, какъ естественную цѣль развитія Россіи, то мысль объ этомъ и намѣреніе ее осуществить должны были выступить еще гораздо рѣзче съ того рѣшительнаго момента, когда русская столица была перенесена во вновь основанный Санктъ-Петербургъ, непосредственно къ самой границѣ Финляндіи. Вѣдь обращалъ свой взоръ на Финляндію и Петръ Великій, и Ништадскій миръ 30 августа 1721 г. предоставилъ въ его обладаніе ближайшую область, часть нынѣшней Выборгской губерніи. Русская политика территоріальныхъ пріобрѣтеній, считающая одною изъ важнѣйшихъ государственныхъ задачъ «достиженіе естественныхъ границъ», не переставала затѣмъ, въ теченіе XVIII столѣтія, работать въ пользу присоединенія Финляндіи. Императрица Елисавета пыталась (манифестъ $^{18}/_{30}$ марта 1742 г.) путемъ заманчивыхъ обѣщаній свободы оторвать Финляндію отъ Швеціи и, когда это не удалось, силою пріобрѣла нѣсколько земель (остальную часть Выборгской губерніи; Абоскій миръ 7 августа 1743 г.). Наконецъ, Александръ I, послѣ побѣдоноснаго похода 1808—1809 г.г., окончательно оторвалъ отъ Швеціи всю Финляндію.

Такимъ образомъ, все необъятное пространство между Балтійскимъ, Бѣлымъ и Чернымъ морями и Ураломъ стало политически единымъ цѣлымъ. Физическое и географическое единство совпало съ единствомъ политическимъ. Но единство это проведено было не настолько, чтобы положеніе Финляндіи въ странѣ не отличалось существенно отъ положенія остальныхъ земель Россіи: въ законодательствѣ и управленіи страна эта сохранила и пріобрѣла такъ много своеобразныхъ учрежденій, что въ составѣ госу-

дарства должна была казаться совершенно особенною его частью, не однородною съ другими. Хотя съ внѣшней стороны, въ отношеніи общеевропейской политики, Финляндія исчезла въ одномъ общемъ «русскомъ государствѣ», однако внутри нея продолжали жить прежнія формы и установленія, подобныхъ или однородныхъ коимъ не имѣется въ остальной части государства. Ими было положено начало того своеобразнаго развитія, которое получила Финляндія подъ русскимъ владычествомъ въ теченіе XIX столѣтія. Въ нихъ корень такъ называемаго «финляндскаго вопроса». Въ то время, какъ вся остальная Россія образовала одинъ общій блокъ, Финляндія осталась внѣ движенія, постепенно соединившаго въ одно цѣлое всѣ области гигантскаго государства. Стремленія внутренней политики правительства, самое крайнее направленіе которой получило свое выраженіе въ т.-наз. «панславизмѣ», не распространялись, по крайней мѣрѣ—до самаго послѣдняго времени, на Финляндію. Страна эта, при присоединеніи ея къ государству, сохранила не только наименованіе «Великаго Княжества Финляндскаго»,— но также свое собственное устройство, съ постановкою законодательной и административной власти совершенно на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ въ остальномъ государствѣ.

Вопросъ о характерѣ этого особаго положенія трактовался внѣ заинтересованныхъ странъ какъ чисто академическій, пока событія новѣйшаго времени, казавшіяся направленными къ полному уничтоженію финляндской автономіи, не возбудили вниманія широкихъ круговъ и не повели къ оживленному обмѣну мнѣній не только въ повременной печати, но и въ литературѣ государственнаго права. Вопросъ о томъ, какова юридическая природа русскаго государства, представляетъ ли оно собою государство сложное или единое, сталъ такимъ образомъ исходною точкою весьма оживленнаго научнаго спора, и мнѣнія относительно государственно-правового положенія Финляндіи сильно расходятся.

Въ послѣдующемъ изложеніи заключается попытка подвергнуть критическому освѣщенію высказанныя до сего времени мнѣнія объ отношеніи Финляндіи къ Имперіи, дабы такимъ путемъ составить собственное сужденіе о государственно-правовыхъ свойствахъ Финляндіи.

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА Историческая

§ 1. Литература по вопросу о государственно-правовомъ положеніи Финляндіи.

Обозрѣвая мнѣнія, высказанныя до сихъ поръ съ авторитетныхъ сторонъ о государственно-правовомъ характерѣ Финляндіи [1]), мы встрѣчаемъ прежде всего два рѣзко противоположныхъ мнѣнія, изъ которыхъ одно отказывается признать государственное существованіе за Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ [2]), а другое полагаетъ возможнымъ настаивать на самостоятельности Финляндіи, какъ государства, на основаніи исторически установившихся фактовъ [3]).

Однако, приверженцы послѣдняго мнѣнія далеко не согласны между собою въ вопросѣ о томъ, какъ именно точнѣе опредѣлить отношеніе Финляндіи къ Россіи. Они могутъ быть раздѣлены на различныя группы въ зависимости отъ характера, придаваемаго Финляндскому «государству» [4]) разными сторонниками этой теоріи. Среди нихъ надо различать прежде всего двѣ группы: одни находятъ въ отношеніяхъ обоихъ «государствъ» признаки такъ называемой реальной уніи; другіе стремятся изъ фактическаго отношенія между Россіей и Финляндіей вывести заключеніе, что въ данномъ случаѣ «Unterstaat» или «Nebenstaat» юридически подчинено высшему или главному государству, «Oberstaat»'у или «Hauptstaat»'у.

---

[1]) Труды болѣе раннихъ писателей здѣсь въ расчетъ не приняты. По сравненію съ изданіями послѣдняго времени, они не представляютъ заслуживающихъ вниманія взглядовъ или опредѣленій и имѣютъ въ настоящее время лишь чисто историческій интересъ.

[2]) Таковы Іеллинекъ, Ривье, Ф.-Гольцендорфъ, Ф.-Ульманъ, Ф.-Мартенсъ, Коркуновъ, Ординъ, Берендтсъ и др.

[3]) Сюда принадлежатъ всѣ финляндскіе писатели новѣйшаго времени, какъ-то: Мехелинъ, Германсонъ, Даніельсонъ; затѣмъ Нигольмъ, Гетцъ, Энгельманъ, Борнгакъ, Бри, Фишеръ, Деспанье, Дельпекъ, Моро, Философовъ, Чичеринъ. Тутъ названы нѣкоторые представители этой партіи, которая численно значительно превосходитъ противную.

[4]) Говоря съ точки зрѣнія этой партіи; поэтому слово это и поставлено въ ковычки.

При этомъ нѣкоторые изъ писателей, считающихъ Финляндію государствомъ, не смогли уяснить себѣ, къ какой категоріи государственныхъ соединеній отнести данное сочетаніе; они или оставляли вопросъ открытымъ [1]), или усматривали въ этомъ соединеніи новую своеобразную категорію, не имѣющую аналогіи среди современныхъ государственныхъ образованій [2]).

Наконецъ, пытались разрѣшить вопросъ, называя данное соединеніе личной уніей. Это мнѣніе надо рѣшительно отклонить. Едва ли требуются пространныя объясненія, чтобы признать, что понятіе личной уніи никоимъ образомъ не можетъ быть примѣнено къ данному случаю. По общепринятому въ настоящее время мнѣнію, личная унія вообще не есть *правовое* отношеніе между государствами, но—юридически случайное—соединеніе ихъ подъ однимъ властителемъ, въ силу совпавшихъ постановленій законовъ о престолонаслѣдіи, соединеніе, которое прекращается ipso jure съ измѣненіемъ порядка престолонаслѣдія въ одномъ изъ государствъ. Оба государства остаются абсолютно самостоятельными, и каждое изъ нихъ имѣетъ свои собственные законы престолонаслѣдія, опредѣленія коихъ, если таковыя расходятся, снова прекращаютъ соединеніе государствъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что соединеніе Финляндіи съ Россіей существуетъ не на основаніи случайнаго тождества финляндскаго Великаго Князя и русскаго Императора, но есть соединеніе неразрушимое и длительное, покоящееся на опредѣленномъ правѣ, на правѣ, которое не есть «личное право одного и того же лица на разныя короны» (фонъ-Юрашекъ). Финляндія не имѣетъ собственнаго, отличнаго отъ русскаго, закона престолонаслѣдія, но получаетъ своего властителя на основаніи опредѣленій

---

[1]) Таковы Даніельсонъ, Гетцъ, Нигольмъ, Фишеръ, Моро, «Situation politique de la Finlande», стр. 32—33.

[2]) Bornhak назвалъ данное отношеніе «несовершенною инкорпораціею» («Einseitige Abhängigkeitsverhältnisse», стр. 62 и слѣд.; «Russland und Finnland», стр. 21). Подобныя же соединенія въ исторіи государствъ онъ находитъ въ случаяхъ соединенія Россіи съ Польшею (съ 1815 по 1831 г.г.) и Пруссіи съ Лауэнбургомъ (съ 1865 по 1876 г.г.).

Michoud-Lapradelle («La question finlandaise», стр. 79) признаютъ, что данное отношеніе не соотвѣтствуетъ ни одному изъ извѣстныхъ видовъ государственныхъ соединеній, но полагаютъ, что конструировать всеобщую и исчерпывающую теорію государственныхъ соединеній и не нужно; они должны разсматриваться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

русскаго закона о престолонаслѣдіи. Наличность же такого закона, равно какъ и полной самостоятельности (которой у Финляндіи въ международномъ отношеніи, какъ мы увидимъ, вовсе нѣтъ), является существеннымъ условіемъ для личной уніи. Такимъ образомъ, ничѣмъ нельзя оправдать мнѣнія, будто Финляндію соединяетъ съ Россіей личная унія. Притомъ мнѣніе это, насколько извѣстно, никогда не было защищаемо сколько либо значительнымъ числомъ авторовъ и высказано только у Бракелли [1]) и въ «Готскомъ Календарѣ» [2]). Иначе обстоитъ дѣло съ утвержденіемъ, что Финляндія находится съ Россіею въ отношеніи реальной уніи, или что здѣсь низшее государство (Unterstaat) подчинено высшему государству (Oberstaat), или же когда конструируется новая категорія даннаго отношенія. Ибо, во-первыхъ, здѣсь оперируютъ съ понятіями, которыя надо заново создать, чтобы разрѣшить данный случай, а затѣмъ утвержденія эти подкрѣпляются такими доказательствами, которыя нельзя прямо отбросить.

Энгельманъ [3]) подробно не обосновываетъ своего мнѣнія о томъ, что Финляндія есть «конституціонная монархія, соединенная съ Россіей реальной уніей».

Мехелинъ [4]) говоритъ: «Принадлежащая Русскому Императору, въ качествѣ Великаго Князя Финляндскаго, государственная власть въ Финляндіи осуществляется имъ на основаніи финляндскаго государственнаго устройства, и основные законы, опредѣляющіе это устройство, могутъ быть измѣнены только путемъ финляндскаго законодательства. Иначе говоря: Финляндія есть конституціонная монархія, соединенная съ Россіей, въ государственно-правовомъ отно-

[1]) Brachelli, Statistische Skizze der europäischen Staaten, 4-е изд., 1884, стр. 327.

[2]) Gothaer genealogisches Taschenbuch, 1881, стр. 915. Это же мнѣніе высказывалось также неоднократно въ періодическихъ изданіяхъ и листкахъ временъ литературной борьбы по «финляндскому вопросу». Ср., кромѣ того, Delpech, La question finlandaise, стр. 23: «Il ne peut s'agir, bien entendu, que d'une union réelle, l'existence du monarque commun n'étant point accidentelle et l'union devant persister, même en cas d'extinction de la dynastie régnante; tout ce qui a pu être dit de contraire dans la presse périodique procède d'une regrettable confusion entre l'union personnelle et l'union réelle».

Мнѣніе, будто личною уніею является каждое соединеніе государствъ, съ общностью (хотя бы и юридически необходимою) Монарха, не соотвѣтствуетъ уровню современной науки.

[3]) Engelmann, Das Staatsrecht des Kaisertums Russland (HB. des öffentliche Rechts). Фрейбургъ, 1889.

[4]) Mechelin, Staatsrecht, стр. 340.

шеніи координированная съ Имперіей. Соединеніе Финляндіи съ Россіей соотвѣтствуетъ такимъ образомъ понятію реальной уніи».

Бри [1]) полагаетъ, что «отношеніе между Россіей и Финляндіей, хотя оно юридически и менѣе оттѣнено, и въ немъ проявляется извѣстный перевѣсъ Россіи, подходитъ подъ понятіе реальной уніи».

Геффкенъ [2]) говоритъ: «Финляндія состоитъ съ Россіей въ реальной уніи... Мнѣніе, будто въ основѣ реальной уніи должно лежать взаимное соглашеніе, не доказано; суть заключается въ фактическомъ отношеніи. Государственная территорія, имѣющая собственный сеймъ и собственную монетную систему, конечно не можетъ считаться въ государственно-правовомъ отношеніи просто инкорпорированною».

Дельпекъ [3]) говоритъ: «Финляндія и Россія могутъ по справедливости считаться двумя отдѣльными государствами, представляющими много сходства съ союзомъ государствъ (... реальная унія есть только разновидность союза государствъ), ибо та и другая владѣютъ отдѣльными учрежденіями и имѣютъ внутренній суверенитетъ, осуществляемый спеціальными органами; единство суверена существуетъ только физически, тогда какъ съ конституціонной точки зрѣнія Царь есть также Великій Князь и соединяетъ такимъ образомъ въ своемъ лицѣ двѣ разныя юридическія личности» [La Finlande et la Russie peuvent justement apparaître comme deux Etats distincts offrant plus d'un trait de ressemblance avec une Confédération d'Etats . . . (l'union réelle n'est guère qu'une variante de la Confédération d'Etats); car l'une et l'autre possèdent des institutions séparées et ont une souveraineté interne, exercée par des organes spéciaux; par ailleurs, l'unité du souverain n'existe qu'au point de vue physique, attendu qu'au point de vue constitutionnel le tsar est aussi grand-duc et réunit ainsi sur sa tête deux personalités juridiques distinctes].

Чичеринъ [4]) находитъ, что «существенный признакъ реальной

---

[1]) Brie, Theorie der Staatenverbindungen, стр. 70.

[2]) Примѣч. къ Heffter, Völkerrecht, т. II, 8-е изд., стр. 52.

[3]) Delpech, La question finlandaise, стр. 23; van der Vlught, Pour la Finlande, стр. 7.

[4]) Чичеринъ, Народное представительство. Два другихъ русскихъ автора, Сергѣевичъ и Романовичъ-Славатинскій (см. источники), придерживаются того же воззрѣнія; нынѣ Романовичъ-Славатинскій заявилъ (Новое Время 29 Января 1910 г. № 12171), что онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія «державной нераздѣльности Русскаго Государства». Despagnet, въ La question finlandaise, стр. 76—78, приходитъ послѣ долгихъ выводовъ къ тому же заключенію, что и эти авторы.

уніи тотъ, что троны обоихъ государствъ неразрывно связаны другъ съ другомъ, причемъ каждое изъ этихъ государствъ сохраняетъ свою политическую независимость, свое управленіе и устройство... На этомъ основаніи Финляндія соединена съ Россіей въ 1809 году».

Представителями второй группы являются прежде всего *Ремъ* [1]) и *Германсонъ* [2]). Хотя они разсматриваютъ Финляндію какъ государство, но признаютъ ея подчиненіе Россіи и видятъ въ Финляндіи «Unterstaat» (подгосударство, низшее государство) или «Nebenstaat» (побочное государство). Это мнѣніе и его обоснованіе придется ближе разсмотрѣть въ другомъ мѣстѣ [3]), теперь же необходимо подвергнуть ближайшему изслѣдованію теорію, по которой въ данномъ случаѣ видятъ реальную унію.

§ 2. Понятіе реальной уніи.

Наша ближайшая задача—точно опредѣлить понятія, съ которыми мы далѣе будемъ имѣть дѣло. Прежде чѣмъ изслѣдовать данный конкретный случай, надо установить, что мы понимаемъ подъ реальной уніей и что—подъ государствомъ. Только послѣ этого можно продолжать разсмотрѣніе вопроса.

Опредѣленіе понятія реальной уніи въ литературѣ весьма различно. Правда, окончательно установилось воззрѣніе, что дѣло касается юридическаго, а не случайнаго соотношенія между нѣсколькими государствами, обусловливаемаго совпаденіемъ правъ на нѣсколько престоловъ въ одномъ лицѣ. Однако, мнѣнія далеко расходятся какъ по вопросу о томъ, требуется ли и достаточна ли общность главы государства для существованія реальной уніи, или же соединенныя государства должны имѣть общими и другіе органы, такъ и по вопросу о родѣ происхожденія этого соединенія и его юридическомъ характерѣ [4]).

---

[1]) Rehm, въ Deutsche-Juristen-Zeitung, V, № 22.

[2]) Hermanson, Beitrag, стр. 13 и слѣд., 42 и слѣд.

[3]) Ср. ниже, стр. 107 и слѣд.

[4]) Вотъ нѣсколько важнѣйшихъ опредѣленій понятія реальной уніи, которая обыкновенно, по примѣру Zachariä (Deutsches Staats- und Bundesrecht, I, 104), обозначается какъ обусловленное основными законами соединеніе нѣсколькихъ государствъ подъ властью одного Государя.

Jellinek, Staatenverbindungen, стр. 215: «Реальная унія есть такая форма союза государствъ, которая возникаетъ въ томъ случаѣ, если два или болѣе независимыхъ

Одни находятъ безразличнымъ, какимъ путемъ произошло

другъ отъ друга государствъ соединяются, для обоюдной защиты, въ такой правовой союзъ, что носителемъ ихъ государственныхъ властей является одно и то же физическое лицо, причемъ отъ соединенныхъ такимъ образомъ государствъ зависитъ распространить этотъ союзъ также и на другія государственныя функціи».

Тотъ же авторъ, Allgemeine Staatslehre, стр. 735: «Реальная унія есть союзъ двухъ или нѣсколькихъ государствъ, основанный на соглашеніи, въ силу котораго одно физическое лицо является ихъ общимъ государемъ, занимающимъ однако въ каждомъ изъ соединенныхъ государствъ юридически совершенно независимыя одно отъ другого положенія . . . При этомъ могутъ или должны быть и другія, въ зависимости отъ соглашенія, общія обстоятельства».

Rehm, Allgemeine Staatslehre, стр. 103: «Длительная личная унія, т. е. реальная унія, есть такая личная унія въ болѣе широкомъ смыслѣ, которая основывается на связывающей заинтересованныя государства согласованности ихъ порядковъ престолонаслѣдія и потому обладаетъ (по сравненію съ ограниченною иногда только жизнью отдѣльнаго государя продолжительностью личной уніи) дѣйствительною природою относительной длительности».

Gareis, Allgemeines Staatsrecht (HB. d. öff. R., I, I), стр. 105: «Реальная унія есть соединеніе двухъ (или нѣсколькихъ) государствъ при одномъ главѣ государства, существованіе и дѣятельность коего, въ качествѣ главы обоихъ (или нѣсколькихъ) государствъ, соотвѣтствуютъ правомѣрно установленному интересу этихъ государствъ, т. е. есть конституціонное единеніе государствъ. Реальная унія есть конституціонно установленная личная унія».

Schulze, Lehrbuch des deutschen Staatsrechts, т. I, стр. 43: «Реальная унія возникаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда у двухъ или нѣсколькихъ государствъ имѣются, въ силу основныхъ ихъ законовъ, нѣкоторыя общія государственныя учрежденія, причемъ однако они продолжаютъ свое существованіе отдѣльныхъ государствъ».

Brie, Theorie der Staatenverbindungen, стр. 69: «Реальная унія есть союзъ государствъ съ правомѣрною общностью лица монархическаго главы государства».

Kohler, Einführung in die Rechtswissenschaft, стр. 197: «Реальная унія бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда глава правленія одного государства является, въ силу конституціи, непремѣнно также главою правленія и другого государства».

v. Juraschek, Personal-und Realunion, стр. 95: «Реальная унія есть такое соединеніе государствъ, которое состоитъ въ общности одного или нѣсколькихъ, обусловленныхъ основнымъ закономъ, государственно-правовыхъ институтовъ или отношеній между нѣсколькими государствами, однако *безъ созданія, наряду съ ними или надъ ними, новаго государства*».

Ulbrich, Die rechtliche Natur der österreichisch - ungarischen Monarchie, стр. 6: «Реальная унія есть обусловленное основными законами длительное соединеніе государствъ, уничтоженіе котораго требуетъ согласія обоихъ государствъ, выраженнаго въ конституціонной формѣ правомѣрно представляющими ихъ органами».

Löning, Handwörterbuch der Staatswissenschaften, т. VI, стр. 927: «Къ международно-правовымъ договорнымъ отношеніямъ принадлежатъ реальныя уніи, въ которыхъ два государства обязываются, посредствомъ договора, ввести у себя общій порядокъ престолонаслѣдія и измѣнять его только по обоюдному согласію. Однако соглашеніе можетъ относиться къ общности еще и другихъ государственныхъ установленій».

соединеніе, чрезъ соглашеніе ли [1]) двухъ самостоятельныхъ государствъ, по односторонней ли волѣ высшей власти (einer übergeordneten Macht), или въ силу обычнаго права: все дѣло въ фактическомъ характерѣ отношеній [2]).

---

v. Liszt, Völkerrecht, стр. 48: «Реальная унія создается конституціонною, слѣдовательно—желанною, общностью главы государства».

v. Holtzendorff, Handbuch des Völkerrechts, т. II, стр. 129: «Рѣшающимъ условіемъ является существенное для реальной уніи требованіе юридической невозможности разрыва соединенія двухъ *дотолѣ самостоятельныхъ* государственныхъ территорій и представительнаго единства существующей власти Государя» («Die ausschlaggebenden Punkte liegen in den für die Realunion wesentlichen Erfordernissen: der rechtlich ausgeschlossenen Lösbarkeit der Verbindung zweier ehemals selbständig gewesener Staatsgebiete, der repräsentativen Einheit der bestehenden Herrschergewalt»).

Phillimore, Commentaries upon international law, т. I, стр. 89: «Когда многія государства соединены постояннымъ образомъ подъ властью одного государя (реальная унія)...»

Wheaton, Elements du droit international, стр. 53: «Унія... есть реальная.. (когда) государства соединены неразрывнымъ союзомъ при общей династіи, но при различныхъ основныхъ законахъ и государственно-правовыхъ учрежденіяхъ».

Calvo, Dictionnaire de droit international public et privé, т. I, стр. 288: «Унія государствъ при общемъ государѣ есть реальная, когда индивидуальная верховная власть каждаго изъ нихъ (во внѣшнихъ сношеніяхъ) исчезаетъ въ общей верховной власти, проистекающей изъ уніи».

[1]) Не договоръ. Обоснованное въ послѣднее время *Биндингомъ* (Binding, Die Gründung des norddeutschen Bundes, Лейпцигъ, 1889) различіе между соглашеніемъ и договоромъ принято *Еллинекомъ* (Jellinek, System der subjektiven öffentlichen Rechte, Фрейбургъ, 1892) и обстоятельно изложено *Трипелемъ* (Triepel, Völkerrecht und Landesrecht, Лейпцигъ, 1899). Мы присоединяемся къ мнѣнію, что соглашеніе есть «соединеніе нѣсколькихъ лицъ съ одинаковымъ или общимъ интересомъ для одинаковаго, направленнаго на одну и ту же цѣль волеизъявленія» (изложеніе Трипеля, стр. 49 и слѣд.), въ противоположность договору, представляющемуся «соединеніемъ нѣсколькихъ лицъ съ различными, но соотвѣтствующими интересами для противоположныхъ по содержанію, но направленныхъ на одну и ту же цѣль волеизъявленій» (Трипель, стр. 40, 35 и слѣд.).

[2]) *Brie*, Theorie der Staatenverbindungen, стр. 71: «Для понятія реальной уніи безразличенъ способъ происхожденія правовой обязанности, въ отношеніи соединенія, нашедшаго въ ней свое выраженіе; реальная унія можетъ быть основана какъ на обычномъ правѣ или на законѣ (волѣ вышестоящей государственной власти), такъ и на договорѣ вступающихъ въ унію».

G. Meyer, Deutsches Staatsrecht, стр. 38: «Правовою основою можетъ быть договоръ, но можетъ быть и обычное право или воля вышестоящаго государя».

Rehm, l. c., стр. 103: «Соединеніе можетъ быть вызвано къ жизни договоромъ, обычаемъ или властью, стоящею выше участвующихъ въ немъ государствъ».

Geffcken, примѣч. у *Heffter*, тамъ же, стр. 32: «Предположеніе, будто въ основѣ реальной уніи должно лежать обоюдное соглашеніе соотвѣтствующихъ составныхъ частей, не доказано; все дѣло въ фактическомъ отношеніи».

Этому воззрѣнію противостоитъ другое, которое усматриваетъ основаніе происхожденія реальной уніи только въ соглашеніи соединяющихся частей [1]). Въ дѣйствительности, всѣ извѣстные намъ примѣры рѣдкой въ исторіи реальной уніи покоятся на соглашеніяхъ.

Различіе остается, наконецъ, и во взглядахъ о томъ, состоитъ ли реальная унія въ общности одного Монарха или также и другихъ государственныхъ органовъ.

То воззрѣніе, которое, исходя изъ этимологіи слова, хочетъ распространить понятіе *личной* уніи на всякую (даже основанную на правѣ) общность монархическаго главы и, противопоставляя сему понятіе *реальной* уніи, усматриваетъ въ ней общность не только лицъ, но и другихъ государственныхъ учрежденій [2]), должно быть

Anschütz, у *v. Holtzendorff-Kohler*, Enzyklopädie der Rechtswissenchaft, т. II, стр. 397: «Не имѣетъ значенія, заявлена ли воля (государствъ) точно въ соглашеніи или только подтверждена молчаливымъ согласіемъ; все дѣло только въ содержаніи волеизъявленія».

[1]) *Jellinek*, Staatenverbindungen, стр. 199: «Только договоръ, а не какая либо иная правовая форма, можетъ придать правовую основу соединенію государствъ, если они не подчинены какой либо высшей волѣ, или не соединены такимъ образомъ, чтобы одно изъ нихъ юридически подчинялось другому». Тамъ же, стр. 104.

Löning, см. выше, стр. 24.

Rivier, Principes, I, стр. 97: «Два государства... могутъ быть соединены въ силу состоявшагося между ними международнаго соглашенія. Въ этомъ случаѣ унія называется реальною».

Bornhak, Allgemeine Staatslehre, стр. 209: «Новѣйшая теорія справедливо допускаетъ, что такое соединеніе покоится не только на согласованныхъ между собою конституціонныхъ правилахъ соединенныхъ государствъ, которыя могутъ быть каждымъ изъ этихъ государствъ односторонне отмѣнены, но и на договорѣ, устанавливающемъ правовое соединеніе и осуществляемомъ чрезъ посредство согласованныхъ между собою конституціонныхъ правилъ».

[2]) *Bluntschli*, Das moderne Völkerrecht, стр. 95: «Если соединенныя государства имѣютъ общими не только главу государства, но, кромѣ того, и другіе органы, правительственные или законодательные, то такая реальная унія вызываетъ...; соединеніе Австрійской имперіи съ Венгерскимъ королевствомъ по конституціи 1867 г. превратилось, въ силу общаго министерства иностранныхъ дѣлъ и делегаціи, изъ простой личной уніи въ реальную».

Оставаясь послѣдовательнымъ, Блюнчли разсматриваетъ состоявшее до 1906 г. отношеніе между Швеціею и Норвегіею какъ личную унію. Ср. выше, стр. 21, прим. 2. Подобно тому, *Rivier* (Principes, I, стр. 97; Учебникъ, стр. 102) утверждаетъ, что реальная унія общностью монарха не обусловливается. Сюда же можетъ быть отнесено и воззрѣніе *v. Juraschek'a* на личную и реальную унію. Ср. его трудъ: Personal- und Realunion, стр. 67 и слѣд. Оспариваетъ его *Jellinek*, Staatenverbindungen, стр. 205 и слѣд.

отвергнуто какъ устарѣвшее и уже не соотвѣтствующее взглядамъ современной науки. Оно только значительно увеличиваетъ путаницу въ понятіяхъ.

Различіе въ пониманіи существа реальной уніи объясняется крайнимъ разнообразіемъ возможныхъ случаевъ образованія и соединенія государствъ, проявляющимся на практикѣ съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ уніи между двумя или нѣсколькими государствами. До сихъ поръ нѣтъ теоріи, которая, собравъ такіе случаи въ жизни государствъ, дала бы схему, позволяющую опредѣлить однородно существо всѣхъ такихъ государственныхъ соединеній; не удастся также никогда установить общій планъ, въ который могли бы быть включены всѣ различные виды этихъ соединеній и который сталъ бы общепризнаннымъ. Ибо всѣ тѣ уніи двоихъ государствъ, которыя приводятся какъ примѣры реальной уніи, образованы каждая по особому, единожды только осуществленному принципу и носятъ каждая совершенно своеобразный отпечатокъ. Однако, при болѣе близкомъ разсмотрѣніи этихъ случаевъ, во всѣхъ уніяхъ, если только онѣ не представляютъ собою личной уніи въ техническомъ значеніи этого понятія, можно найти общія существенныя черты, и, если объединить ихъ, можно получить опредѣленіе понятія, которое примѣнимо ко всякому примѣру этого рода.

Мы видимъ, что реальная унія есть прежде всего соединеніе двухъ или нѣсколькихъ *государствъ*. Теорія не установила, можетъ ли это соединеніе происходить только путемъ соотвѣтственнаго соглашенія независимыхъ государствъ, или его можетъ также создать какая либо высшая воля, т. е. могутъ ли, напримѣръ, прежнія провинціи или составныя части государства, которыя отняты у другого государства, вступить въ реальную унію съ завоевавшей ихъ державой путемъ признанія ихъ ею отдѣльными государствами. Не рѣшая этого спорнаго вопроса, мы все же приходимъ къ выводу, что реальная унія представляетъ всегда соединеніе *государствъ*.

Къ спорному вопросу о способахъ возникновенія этого соединенія присоединяется еще и другой. Нѣтъ единогласія по вопросу о томъ, достаточно ли, для образованія реальной уніи, соединенія двухъ различныхъ монаршихъ достоинствъ въ одномъ homo plures sustinens personas, или же къ этому должна быть присоединена еще и общность другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій

(напр. делегацій и общихъ министерствъ двора и иностранныхъ дѣлъ, военнаго и финансовъ въ Австро-Венгріи). Не оспаривается, что реальная унія есть, по общему правилу, соединеніе монархическихъ государствъ. Хотя такая унія и была бы мыслима между республиканскими государствами, однако въ исторіи такого примѣра не было, и онъ лежитъ внѣ круга возможныхъ случаевъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію. Заниматься же схоластическими конструкціями, съ дѣйствительностью ничего общаго не имѣющими, не наше дѣло (Еллинекъ: «Gebilde der Wirklichkeit abgewendeter scholastischer Konstruktion»). Но если не рѣшенъ спорный вопросъ о предѣлахъ необходимой общности органовъ соединенныхъ въ реальную унію государствъ, то все же нельзя не признать, что соединеніе это выражается всегда въ юридически обоснованной общности *главы государства.*

Мы можемъ, наконецъ, установить и третій, весьма существенный признакъ, на который обратили вниманіе только немногіе писатели. Если во всѣхъ вышеприведенныхъ опредѣленіяхъ прямого указанія на этотъ признакъ не встрѣчается, то implicite онъ во всѣхъ нихъ содержится, и ни одно изъ нихъ не находится въ противорѣчіи съ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдуя взаимоотношенія соединенныхъ государствъ въ извѣстныхъ намъ изъ исторіи примѣрахъ реальной уніи и принимая притомъ въ соображеніе теоретическіе выводы относительно взаимнаго правового положенія этихъ государствъ, мы должны признать необходимымъ условіемъ существованія реальной уніи сохраненіе въ уніи независимости соединенныхъ государствъ и ихъ равноправности [1]). Общій властитель занимаетъ въ каждомъ изъ соединенныхъ государствъ положеніе органа, которое юридически совершенно независимо отъ его положенія въ другомъ. Если же въ уніи имѣются, кромѣ монарха, еще и другіе общіе органы, то таковые не могутъ быть поставлены выше самихъ соединенныхъ государствъ и не образуютъ органовъ

[1]) Со всею послѣдовательностью эту точку зрѣнія установили только: *Jellinek*, см. выше, стр. 23 прим. 4; *онъ же*, Allgemeine Staatslehre, стр. 727; затѣмъ *Ulbrich*, l. c., стр. 9: «Истинная реальная унія предполагаетъ равноправность и самостоятельность обоихъ соединенныхъ государствъ»; наконецъ, *Held*, System des Verfassungsrechts der monarchishen Staaten Deutschlands, т. I: «Реальная унія есть обусловленное основнымъ закономъ, длительное, не отъ случайнаго совпаденія въ одномъ лицѣ преемственныхъ правъ соотвѣтственныхъ государствъ зависимое, соединеніе нѣсколькихъ государствъ, безъ пораженія ихъ относительной самостоятельности».

высшаго (Oberstaat) или общаго государства (Gesammtstaat), въ которое сомкнулись бы оба отдѣльныя государства; они не болѣе какъ органы, предназначенные выполнять общія обоимъ государствамъ задачи.

Оба государства должны, такимъ образомъ, быть снабжены взаимно одинаковыми правами и обязанностями и пользоваться одинаковыми правами по отношенію къ иностраннымъ державамъ, такъ какъ въ международно-правовомъ отношеніи они являются единымъ государствомъ; они должны быть независимы другъ отъ друга и быть соединены равноправно.

Итакъ, мы видимъ, что реальная унія есть соединеніе государствъ; это соединеніе есть длительное и покоится на юридической общности главы государства; оно существуетъ только между самостоятельными и равноправными государствами.

Реальная унія есть длительное, покоящееся на обязательномъ правовомъ основаніи соединеніе двухъ или нѣсколькихъ самостоятельныхъ и равноправныхъ государствъ при одной общей главѣ государства.

§ 3. Понятіе государства. Суверенитетъ и государственная власть.

Второе понятіе, которое намъ необходимо формулировать,— одно изъ важнѣйшихъ и одновременно труднѣйшихъ во всей наукѣ государственнаго права. Выясненіе основного вопроса о существѣ государства можетъ быть различнаго рода, и выводы получаются существенно разные, въ зависимости отъ исходной точки зрѣнія и хода изслѣдованія. Въ безконечномъ изобиліи опредѣленій государства наблюдается поразительное разнообразіе самыхъ неожиданныхъ комбинацій, и установленныхъ наукою понятій государства гораздо больше, чѣмъ самихъ государствъ.

Однако, въ послѣднее время наукѣ удалось установить нѣсколько отдѣльныхъ существенныхъ положеній, относительно которыхъ нынѣ существуетъ почти общее согласіе. Исходя изъ нихъ, можно получить опредѣленное мѣрило для признанія наличности государства въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Эти положенія получаются при разложеніи государства эмпирическимъ путемъ на элементы, которые заключаются, какъ пока-

зываетъ опытъ, во всѣхъ государственныхъ образованіяхъ и безъ которыхъ въ человѣческомъ представленіи не можетъ существовать никакое государство. Съ какой бы точки зрѣнія мы ни разсматривали государство, на какія бы категоріи мы его ни дѣлили, мы видимъ всегда, что существованіе государства связано съ наличностью трехъ признаковъ, исчерпывающихъ его существо; признаки эти — *народъ*, *территорія*, *центральная власть*. Ясно прежде всего, что необходимую основу всякаго государства составляютъ люди, ибо государство—специфически человѣческое учрежденіе, человѣческое сообщество. Понятіе же сообщества, т. е. соединенія ряда отдѣльныхъ индивидовъ подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія, приводитъ насъ къ понятію народа, какъ совокупности индивидовъ, подчинившихъ свою совмѣстную жизнь особой организаціи. Если же основное вещество государства составляютъ всегда люди, то, конечно, не въ смыслѣ безпорядочно собравшейся толпы, а въ видѣ народа (Staatsvolk), въ смыслѣ организованнаго множества. Этой организаціи присуще свойство правовой, т. е. она выражается во властвованіи и подчиненіи образующихъ ее людей по принципамъ права [1]). Право же можетъ быть осуществляемо только тамъ, гдѣ имѣется господствующая власть, которая въ состояніи его выполнять, проводить и въ крайнихъ случахъ утверждать силою. Каждая объединенная организація людей, составившаяся для опредѣленной цѣли, должна быть руководима единою центральною волею, исходящею отъ этой власти. Эта власть— центральная и господствующая, т. е. непреодолимая, снабженная силою приказанія и принужденія; она опредѣляетъ волю отдѣльнаго лица съ юридическимъ принужденіемъ. Въ характерѣ этой власти лежитъ рѣшающій критерій государства. Государственная власть, и только она, есть власть принужденія высшей степени, въ отличіе отъ власти всякаго иного союза. Только государственная власть является, далѣе, всеохватывающею властью, т. е. принадлежащія ей права охватываютъ всѣ области государственной жизни. Къ понятію государства принадлежитъ, затѣмъ, опредѣленное пространство, представляющее сферу его господства. Эта ограниченная часть земной поверхности, на которой осуществляется господство, есть территорія (Gebiet, «die Stätte, wo geboten wird»)

[1]) Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы имѣли въ виду изслѣдовать здѣсь существо права или задачи государства.

государства; территорія принадлежитъ къ признакамъ понятія государства потому, что иначе, безъ этой границы, его нельзя было бы юридически заключить [1]).

Государство покоится на территоріальномъ основаніи, оно не можетъ существовать безъ присущей ему территоріи, надъ которой оно осуществляетъ особую власть; никакое государство не можетъ состоять безъ объединеннаго народа, ибо оно есть союзъ, образованный людьми; никакое государство немыслимо безъ существенной для него высшей власти, заключающей территорію и народъ въ одно единство. Съ другой стороны, всякое образованіе, въ которомъ народъ объединенъ на опредѣленной территоріи подъ высшей центральной властью, есть безусловно государство. Государственная территорія и государственный народъ, какъ естественныя основы, и государственная власть, какъ заключительное формальное основаніе, суть три элемента государства. Далѣе характерно для государства то, что оно имѣетъ выполнять высшую, по сравненію съ задачами другихъ союзовъ, всеохватывающую цѣль. Его задачи охватываютъ все, что можетъ содѣйствовать благу и успѣшному развитію всѣхъ принадлежащихъ къ нему индивидовъ. Говоря отрицательно, оно не можетъ допускать ничего такого, что можетъ угрожать его подданнымъ или подвергать опасности ихъ жизнь и интересы; оно должно заботиться о ихъ безопасности, и такъ какъ послѣдняя обрѣтаетъ въ государствѣ и чрезъ его посредство первѣйшее и лучшее свое обезпеченіе, то самосохраненіе, самоутвержденіе является важнѣйшею задачею каждаго государственнаго общенія; такъ обстоитъ дѣло во внѣшнихъ отношеніяхъ. Но та же задача встаетъ предъ государствомъ и внутри его: и здѣсь оно обязано брать подъ защиту гражданъ противъ неправаго вторженія въ сферу ихъ интересовъ; это—установленіе права, защита права. Однако государство обязано быть не только защитникомъ, охранителемъ, но также множителемъ (Mehrer) и ревнителемъ; заботы о благоденствіи и культурѣ составляютъ его важную задачу.

---

[1]) Полное значеніе территоріальной основы государства, наряду съ личною, установило лишь современное воззрѣніе. Античному взгляду было чуждо представленіе, понимающее господство надъ территоріей (die Gebietshoheit), какъ вещную основу господства. Государство было общиною гражданъ, государство и страна были синонимы. Только въ XIX столѣтіи въ опредѣленіяхъ государства появляется элементъ территоріи.

Эта обобщенность задачъ и универсальность цѣли столь существенны и характерны для государства, что включить ихъ въ опредѣленіе понятія государства представляется необходимымъ. Ибо онѣ составляютъ для цѣльнаго государства (Vollstaat), т. е. единаго государства, существующаго независимо и въ обладаніи всѣхъ средствъ власти, важный отличительный признакъ по сравненію съ другими цѣлевыми союзами (Zweckverbänden), въ особенности съ коммунами, сфера компетентности которыхъ представляется всегда ограниченною кругомъ специфическихъ задачъ.

Но, сколь важною ни казалась бы эта особенность государственной цѣли, все же мы въ ней не можемъ видѣть рѣшающаго признака государства [1]). Мы должны отличать существо института, т. е. существенныя для него свойства, отъ цѣли, которую онъ имѣетъ выполнять [2]). Одинъ и тотъ же институтъ можетъ служить различнымъ цѣлямъ, не измѣняя притомъ своего особаго существа. Поэтому понятіе юридическаго института не можетъ быть опредѣляемо по той цѣли, которой онъ служитъ. Такимъ путемъ нельзя было бы, притомъ, выйти за общія формулы, которыя не допускали бы яснаго различія въ нѣкоторыхъ затруднительныхъ близкихъ случаяхъ (напр. въ случаѣ сравненія большой, автономно организованной провинціи, снабженной широкою компетенціею, съ небольшимъ государствомъ, находящимся въ фактической и юридической зависимости отъ другого государства).

Рѣшающею является, въ концѣ концовъ, «сумма власти, остающаяся въ распоряженіи общенія» («Summe der Macht, die der Gemeinschaft zur Verfügung bleibt»), т. е. права господства въ вышеуказанномъ смыслѣ.

Единая организація этой власти въ соединеніи съ цѣлью, которую государство преслѣдуетъ, дѣлаютъ его субъектомъ права, носителемъ правъ и обязанностей, и именно не физическимъ, а т.-наз. юридическимъ лицомъ, съ единою союзною организаціею, т. е.—корпораціею. Государство не общество, не правоотношеніе,

---

[1]) Этотъ взглядъ развитъ *Rosin*'омъ, Souveränität, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung.—Также у *Hirth*'а, Annalen des deutschen Reichs, стр. 265 и слѣд. (отдѣльн. оттиск.).

[2]) *Laband*, Staatsrecht d. D. R., I, стр. 63.

но союзъ, корпорація, субъектъ права. Только такимъ образомъ можно его юридически понять и объяснить [1]).

Мы можемъ поэтому сказать, что государство налицо, когда множество осѣдлыхъ индивидовъ на опредѣленной территоріи объединено въ корпорацію, снабженную господствующею властью [2]), *для цѣлей споспѣшествованія жизненнымъ интересамъ народа* [3]).

Но тутъ надо помнить еще объ одномъ обстоятельствѣ, имѣющемъ рѣшающее значеніе при установленіи предѣловъ понятія государства. Это—понятіе суверенитета и вопросъ о томъ, представляется ли суверенитетъ существеннымъ признакомъ власти, примѣняемой государствомъ, и должно ли государство поэтому быть непремѣнно сувереннымъ или нѣтъ.

Суверенитетъ чаще всего опредѣляется отрицательно, какъ свойство государства не подчиняться никакой высшей, надъ нимъ стоящей, власти. Онъ есть, такимъ образомъ, «отрицаніе всякаго подчиненія или ограниченія государства другою властью». Говоря положительно, онъ есть summa potestas государства, его свойство быть высшею и независимою властью. Однако это опредѣленіе легко можетъ дать поводъ къ ложному представленію. Легко можетъ явиться мысль, будто «высшая» власть — сино-

---

[1]) Это воззрѣніе теперь преобладаетъ. Въ періодъ теоріи естественнаго права оно было обосновано *Гроціемъ*, развито *Гоббсомъ* и другими, въ Германіи же въ прежнее время было наиболѣе рѣшительно установлено *Gerber'омъ* (Grundsätze des deutschen Staatsrechts, 2-е изд.). Большая заслуга въ разработкѣ теоріи о корпораціи принадлежитъ затѣмъ *Gierke* (Genossenschaftsrecht, I—III; *онъ же*, Die Genossenschaftstheorie und die deutsche Rechtssprechung). Хорошее изложеніе юридическаго понятія государства и теоріи субъекта правъ даетъ, отвергая особенно воззрѣніе на государство какъ на правовое отношеніе, *Jellinek* (Allgemeine Staatslehre, стр. 155 и слѣд., въ особенн. стр. 160—165).

[2]) Ученіе о господствѣ государства обосновалъ *Gerber*, l. c., стр. 3 и слѣд.

[3]) Новѣйшія опредѣленія государства, въ основахъ своихъ, суть только видоизмѣненія одной этой основной мысли. *Jellinek*, Allgemeine Staatslehre, стр. 176: «Государство есть корпорація осѣдлаго народа, снабженная первоначальною властью господства, или корпорація территоріальная, снабженная первоначальною силою господства» («Der Staat ist die mit ursprünglicher Herrschergewalt ausgerüstete Körperschaft eines sesshaften Volkes, oder die mit ursprünglicher Herrschermacht ausgestattete Gebietskörperschaft»). *Anschütz* у *v. Holtzendorf*, *Kohler*, l. c., II, стр. 453: «Государство есть соединеніе людей опредѣленной территоріи подъ высшею властью». *Schulze*, Lehrbuch des deutschen Staatsrechts: Государство есть «соединеніе осѣдлаго народа въ одну общую личность подъ высшею властью».

нимъ абсолютнаго всемогущества, не связаннаго никакими внѣшними границами, будто суверенная общественность стоитъ поэтому надъ правомъ и внѣ права. Это невѣрно. Ибо каждое государство, даже и абсолютное, связано опредѣленнымъ правопорядкомъ, съ отпаденіемъ котораго оно прекращаетъ свое существованіе, и на его мѣсто вступаетъ анархія. Суверенитетъ есть правовое понятіе, мыслимое только въ предѣлахъ права, которое всегда могло бы быть уничтоженнымъ при государственномъ всемогуществѣ. Только въ предѣлахъ права, т. е. совокупности обязательныхъ нормъ, регламентирующихъ образъ дѣйствія каждаго по отношенію къ другимъ, мыслимъ порядокъ, организація, которую представляетъ государство. Но всякій правопорядокъ есть граница для абсолютнаго произвола [1]). Суверенная власть поэтому всегда правомѣрная власть (хотя она и не имѣетъ твердо установленныхъ границъ). Съ этой точки зрѣнія, суверенитетъ есть «способность осуществлять въ предѣлахъ права высшую, никакой иной силѣ не подчиненную власть»; онъ есть «способность исключительнаго юридическаго самоопредѣленія и самообязыванія» [2]).

Но является дальнѣйшій вопросъ: всякая ли государственная власть по необходимости «суверенная власть»? Равнозначаще ли понятіе «государства» съ понятіемъ «суверенаго государства»?

---

[1]) Опредѣленія Rosin'a, l. c.,—будто суверенитетъ заключается въ способности опредѣлять границы своего правомочія исключительно по собственной волѣ—и Jellinek'a (Staatenverbindungen, стр. 30 и сл.)—будто суверенитетъ заключается въ способности обязываться исключительно по собственной волѣ—представляются невѣрными съ нашей точки зрѣнія. Въ высшей степени мѣтко имъ возражаетъ Hänel (Deutsches Staatsrecht, I, стр. 117, прим. 2): «Всякое общество и всякое право основаны на абсолютномъ отрицаніи возможности опредѣлять границы правомочія исключительно по собственной волѣ и на абсолютномъ утвержденіи, что индивидуальныя воли въ общественной сферѣ взаимно опредѣляютъ и должны опредѣлять область своихъ правомочій. Даже высшая власть, если только она не ставитъ порядокъ рабства на мѣсто общества и права, наталкивается на непреодолимыя границы, охраняющія подчиненныхъ этой власти. Это значитъ не что иное, какъ то, что предѣлы господствующей воли опредѣляются не ею самою, а чужой волей . . . Весь вопросъ въ томъ, можетъ или не можетъ государственная власть произвольно установлять право—или не приходится ли ей признавать право нормою, по самому существу связывающею и ее самое. Въ этомъ смыслѣ государственная власть обязывается не собственною волею, а необходимо существующимъ правомъ, отъ котораго она не въ силахъ уклониться».

[2]) Ср. *Jellinek*, Staatslehre, стр. 467. Подобно у *Le Fur*, État fédéral etc., стр. 443: «Суверенитетъ есть свойство государства обязываться или опредѣляться только по собственной своей волѣ, въ предѣлахъ высшаго принципа права и соотвѣтственно общей цѣли, которую оно призвано осуществлять».

Долгое время литература держалась этого утвержденія [1]). *Bodin* развилъ эту теорію въ своемъ трудѣ «Республика» [2]). Затѣмъ она была признана писателями слѣдующаго періода, прежде всего Гроціемъ [3]), и положена въ основаніе ихъ пониманія государства. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ ученіе о суверенитетѣ, какъ о существенномъ признакѣ государства, признавалось единогласно; до новѣйшаго времени оно находило приверженцевъ [4]) и въ теоріи еще далеко не разбито. Но теперь оно едва ли живнеспособно, такъ какъ оно не въ состояніи разъяснить явленія современнаго міра государствъ. Возникнувъ въ то время, когда образованіе сильныхъ единыхъ государствъ съ необычайной концентраціей власти вызывало потребность въ теоретическомъ обоснованіи этого явленія, оно было призвано выполнить историческую миссію тѣмъ, что явилось абсолютною противоположностью теократическимъ воззрѣніямъ среднихъ вѣковъ. Оно имѣло полное оправданіе въ эпоху абсолютизма, развитію и расцвѣту котораго оно способствовало. Однако оно было уже недостаточно для пониманія и удовлетворительнаго

---

[1]) Относительно исторіи понятія суверенитета ср. *Rehm*, Allgemeine Staatslehre, § 10 и слѣд.; *онъ же*, Geschichte der Staatsrechtswissenschaft, стр. 192 и слѣд.; Jellinek, стр. 420 и слѣд. *Gierke*, Genossenschaftsrecht, III, § 11.

[2]) *Bodin*, Les six livres de la République, кн. I, гл. 1; гл. 8.

[3]) *Grotius*, De jure belli ac pacis, кн. I, гл. 3, VII, 1.

[4]) *Hänel*, Deutsches Staatsrecht, I, стр. 113: «Господство государства обосновывается юридически и нравственно только его общею цѣлью. Эта послѣдняя требуетъ (однако не терпя и большаго), чтобы въ предѣлахъ территоріи не было никакой волевой силы и никакого господства, которыя не были бы охвачены государствомъ и подчинены его господству настолько и въ томъ видѣ, насколько необходимо, чтобы приладить ихъ къ его правовому общему распорядку, ближе опредѣляемому территоріальными предѣлами его организаціи и его общею цѣлью. Въ этомъ смыслѣ государственное господство является высшимъ господствомъ по сравненію со всякою другою волевою силою или господствомъ. При всемъ томъ суверенитетъ государства есть отличительный признакъ, который . . . составляетъ своеобразность его существа». *Zorn*, Staatsrecht des Deutschen Reiches, I, стр. 63: «Суверенитетъ есть первый и высшій признакъ понятія государства»; стр. 65: «Суверенитетъ есть высшая власть. По идеѣ невозможно ни существованіе надъ суверенною властью другой, высшей власти, ни дѣленіе суверенитета». То же *Waitz*, Grundzüge der Politik, стр. 18; *Jhering*, Zweck im Recht, I, стр. 312; *Seydel*, Bayerisches Staatsrecht, I, стр. 351 и слѣд.; *онъ же*, Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. XXVIII, 1872, стр. 188 и слѣд.; *Gierke*, тамъ же, XXX, 1874, стр. 304; *Bornhak*, Allgem. Staatslehre, стр. 10; *Le Fur*, l. c., стр. 354 и слѣд., *Combotheera*, La conception juridique d'Etat, 1889.

объясненія нѣкоторыхъ государственныхъ образованій того времени [1]).

Эта неудовлетворительность обнаружилась еще въ большей мѣрѣ въ новѣйшее время. Политическія отношенія со времени возникновенія теоріи суверенитета вызвали явленія, существованіе которыхъ не позволяло считать опредѣленіе государства, какъ соединенія подъ высшей властью, подходящимъ къ нѣкоторымъ государственнымъ образованіямъ. Появились общественные союзы, юридически зависимые отъ государствъ, поставленные подъ ихъ господство, но осуществляющіе все же такія функціи (въ государственно-правовомъ и, въ особенности, въ международно-правовомъ смыслѣ), которыя принадлежатъ обыкновенно только государствамъ, а не другимъ союзамъ. Для пониманія этихъ такъ-называемыхъ «полусуверенныхъ» или «несуверенныхъ» государствъ старая теорія уже недостаточна. Государственныя отношенія настоящаго времени уже давно выросли изъ тѣсныхъ рамокъ, которыми непримиримое ученіе о суверенитетѣ ограничивало понятіе государства. Такимъ образомъ, историческія государственныя образованія привели къ предположенію, что суверенитетъ, если подъ нимъ понимается способность исключительнаго юридическаго самоопредѣленія, вовсе *не есть существенный признакъ государства*, что многіе общественные союзы, называющіе себя государствами и называемые такъ всѣмъ міромъ, скорѣе не обладаютъ тою высшею независимою властью, которая связана только нормами международнаго и собственнаго внутренняго (государственнаго) права. Поэтому вполнѣ мыслимо государство, юридически подчиненное другому, зависимое, несамостоятельное [2]). Это—«несуверенныя государства». Какъ далеко простирается эта зависимость отъ внѣшней власти и какія границы поставлены компетенціи послѣдней—зависитъ отъ условій отдѣльнаго случая. Однако и въ этихъ отношеніяхъ зависимости подчиненная общественность не опускается на степень хотя бы автономной провинціи, но остается государствомъ, ибо она удерживаетъ три существенные его элемента: собственный народъ, собственную территорію и собственную государственную власть. ***Власть***

---

[1]) Объ этомъ см. *Jellinek*, Staatslehre: Исторія понятія суверенитета; также стр. 473 и слѣд.

[2]) О понятіи «полусуверенитета» см. *Bornhak*, Einseitige Abhängigkeitsverhältnisse, 1; ср. далѣе *Бончевичъ*, Полусуверенитетъ, 1903.

эта не должна быть непремѣнно суверенною. Ея объемъ составляетъ вопросъ, независимый отъ ея существованія. Въ предѣлахъ компетенціи рѣшенія ея имѣютъ послѣдній и высшій авторитетъ, снабженный принудительною властью. Она всегда—и это для нея существенно—*не производная отъ какой либо другой господствующей власти, а первоначальная, изъ собственной власти исходящая и по собственному праву существующая, основная власть.* Своими полномочіями она не пожалована или снабжена свыше, отъ стоящаго надъ нею государства, но выводитъ ихъ изъ первоначальнаго права. Это—первое различіе между несуверенными государствами и близко стоящими къ нимъ коммунальными союзами. Изъ этого собственнаго правомочія вытекаетъ, однако, присущая и несувереннымъ государствамъ *неотъемлемость опредѣленнаго круга верховныхъ правъ.* Если бы высшая власть могла по своей волѣ отнять или умалить предоставленныя подчиненному союзу права, если бы сумма власти послѣдняго находилась такимъ образомъ въ распоряженіи высшаго государства, то она выводилась бы не изъ собственнаго права, но изъ уступки, изъ разрѣшенія, которое внѣшняя власть даетъ или не даетъ по своему усмотрѣнію. Но затѣмъ—второй отличительный признакъ—у каждаго несувереннаго государства имѣется неизмѣнное право господства внутри, территоріальное верховенство, которое у него не можетъ быть настолько отнято, чтобы не существовало ясно различаемой границы между волеизъявленіями высшей и низшей власти. Права высшаго государства находятъ свою юридическую границу въ существованіи низшаго. Эта граница не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вопросъ о расширеніи компетенціи суверенной власти и прекращенія не могутъ быть разрѣшаемы иначе, какъ по соображенію съ границами, опредѣляющими существованіе несувереннаго государства. Правда, граница эта принципіально неопредѣлима, она передвигается въ зависимости отъ конкретныхъ условій отдѣльнаго случая; но тѣмъ не менѣе она всегда существуетъ.

Итакъ, для того, чтобы на-лицо были государственная власть и съ нею государство, организація послѣдняго должна длительно покоиться на собственныхъ его волевыхъ актахъ, на его собственныхъ законахъ, и общественный союзъ долженъ обладать правомъ господства [1]*), неотъемлемымъ для высшаго государства и принадлежащимъ низшему по собственному праву.*

[1]) Въ указанномъ выше (стр. 30) смыслѣ.

§ 4. Россія и Финляндія до XIX столѣтія. Рѣшительная война 1808—1809 г.г. [1]).

Благодаря географическому положенію Финляндіи, непосредственно примыкающей къ великой русской равнинѣ, уже въ древнѣйшія времена завязались отношенія между финскими племенами и самымъ сѣвернымъ изъ тогдашнихъ многочисленныхъ мелкихъ славянскихъ государствъ—Новгородомъ. Эти отношенія были сначала враждебны и происходили изъ стремленій предпріимчиваго и сильнаго торговаго города подчинить своему вліянію и эти отдаленныя земли. Однако, эти скорѣе случайныя, чѣмъ планомѣрныя, воинственныя предпріятія не простирались далеко за окрестности Ладожскаго озера и восточныя границы страны. Въ XII столѣтіи шведы ввели въ Финляндіи христіанство, основали поселенія и вскорѣ пріобрѣли господствующее вліяніе на страну и ея судьбы. Ихъ настойчивое поступательное движеніе привело ихъ вскорѣ во враждебное соприкосновеніе съ Новгородомъ, и послѣдующія столѣтія, XIII и XIV, ознаменовываются частыми сраженіями и стычками шведскихъ войскъ съ новгородскими, продолжавшимися, съ перемѣннымъ счастьемъ, до мирныхъ договоровъ въ Орѣховѣ (Нотеборгъ, 12/24 августа 1323 г. [2]) и въ Дерптѣ (1351 г.). Болѣе значительными столкновеніями ознаменовалось время могущественнаго русскаго Царя Іоанна III, безуспѣшно предпринявшаго большой походъ на финско-шведскую территорію (1495—1497 г.г.). Такія столкновенія, то меньшія, то большія, не прекращались и наблюдаются съ перерывами до времени Петра I. Это же время было рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи финско-русскихъ отношеній. Ибо, если въ прежнихъ столкновеніяхъ и играла, безъ сомнѣнія, величайшую роль точка зрѣнія территоріальная, то отнынѣ преобладающее значеніе впервые пріобрѣтаетъ проницательная увѣренность русской поли-

[1]) По исторіи Финляндіи до ея присоединенія къ Россіи и по исторіи войны 1808—1809 г.г. ср. труды *Koskinen'a и Schybergson'a.* Въ послѣднемъ содержится много указаній на соотвѣтствующую спеціальную литературу. Чрезвычайно подробное изложеніе отношеній Финляндіи и Россіи съ древнѣйшихъ временъ до рѣшительной войны, равно какъ и исторію послѣдней, даетъ на основаніи точнаго изученія источниковъ *Ординъ* въ I томѣ своего большого труда. Весь томъ (около 400 страницъ) посвященъ точному историческому анализу. Несмотря на многократно встрѣчающуюся односторонность и не вполнѣ безпристрастное изображеніе, трудъ этотъ даетъ все же наиболѣе точное объясненіе событій.

[2]) Ср. *Ординъ,* I, приложеніе 2-е.

тики, что дѣло идетъ о пріобрѣтеніи, касающемся жизненнаго вопроса нарождающейся Имперіи. Петръ Великій впервые въ полной мѣрѣ призналъ огромное значеніе Балтійскаго моря для будущаго величія Имперіи, и пріобрѣтеніе возможно большаго берегового пространства должно было представляться ему вопросомъ наибольшей важности. Перенесеніе же столицы во вновь основанный С.-Петербургъ на берегу Финскаго залива могло только способствовать сознанію, что обладаніе Финляндіею являлось для Россіи дѣломъ насущной необходимости. Ништадтскій миръ $\frac{30 \text{ августа}}{11 \text{ сентября}}$ 1721 г., завершившій продолжительную войну со Швеціей, отдалъ въ русское владѣніе пограничныя земли, часть теперешней Выборгской губерніи [1]). Постоянная вражда между Швеціей и Россіей привела, послѣ кончины Петра I, уже въ 1741 г. къ новой войнѣ, начало которой было неблагопріятно для Россіи. Русская Императрица Елисавета сдѣлала попытку мирнымъ путемъ отдѣлить Финляндію отъ Швеціи, обѣщавъ въ манифестѣ 18/30 марта 1742 г. [2]) свою поддержку финляндцамъ, если они отдѣлятся отъ шведовъ и устроятъ самостоятельное государство. Это предложеніе осталось безрезультатнымъ, и счастливо продолженная Россіею война закончилась Абоскимъ миромъ 7/19 августа 1743 г. [3]), по которому послѣдняя часть Выборгской губерніи перешла въ русское владѣніе. Такъ постепенно, но медленно, русская власть проникала все далѣе въ Финляндію. И въ мирное время Россія не переставала дѣйствовать въ пользу отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи. Въ послѣдніе годы того же столѣтія (1788, 1790 г.г.) происходили также враждебныя столкновенія. Новое же столѣтіе сдѣлало, наконецъ, возможнымъ, благодаря образовавшейся политической группировкѣ, рѣшительный шагъ, продиктованный русскою политикою территоріальнаго расширенія [4]).

---

[1]) Статья 4 мирнаго договора. См. *Ординъ*, изд. 1889 г., I, приложеніе 4-е.

[2]) На нѣмецкомъ языкѣ приведенъ у *Ордина*, I, приложеніе 5-е. Русскій оригиналъ утраченъ.

[3]) *Ординъ*, I, приложеніе 6-е.

[4]) Отношенія между Финляндіею и Россіею со временъ Петра I хорошо представлены, помимо вышеназванныхъ трудовъ, *Fisher*'омъ, въ трудѣ Finland and the Tsars, гл. II; *Despagnet*, l. c., стр. 16 и слѣд.; краткія изложенія даютъ большинство болѣе значительныхъ сочиненій, относящихся къ вопросу о государственно-правовомъ положеніи Финляндіи. Богатый обзоръ источниковъ и справочныхъ изданій по исторіи войны 1808—1809 г.г. приводитъ *Schybergson*, стр. 469, прим. 1.

А именно, послѣ побѣдъ Наполеона въ 1806 году, рѣшившихъ на нѣкоторое время судьбы континентальной Европы, Швеція продолжала упорно держаться союза съ Англіей, величайшимъ врагомъ Наполеона, и дождалась того, что Наполеонъ, при своемъ свиданіи съ Императоромъ Александромъ I въ Тильзитѣ, потребовалъ отъ него энергичнаго давленія на Швецію. Требованіе Россіи о томъ, чтобы Швеція прервала союзъ съ Англіей, не было уважено Швеціею и дало непосредственный поводъ къ переходу русскими войсками 9/21 февраля 1808 г. границы Финляндіи, безъ предварительнаго объявленія войны. Началась война, которая должна была рѣшить участь Финляндіи.

Въ самое короткое время русскія войска заняли южныя области Финляндіи, и въ началѣ марта непріятельская армія, не давъ ни одной битвы, такъ далеко отступила на сѣверъ, что значительная часть страны оказалась фактически въ русскомъ владѣніи. Что это завоеваніе не должно было быть выпускаемо изъ рукъ, было ясно для Александра и его совѣтниковъ, и сомнѣнія имѣлись только относительно самой формы присоединенія. Партія, во главѣ которой стоялъ Спренгтпортенъ,—впослѣдствіи Финляндскій генералъ-губернаторъ,—совѣтовала предоставить Финляндіи самую широкую самостоятельность, соединивъ ее съ Россіею на основаніи договора Монарха съ финскимъ народомъ; послѣдній долженъ былъ принести присягу на вѣрность новому Монарху, а онъ, съ своей стороны, обязаться управлять страною такъ, какъ она управлялась до тѣхъ поръ. Противная партія разсматривала вопросъ съ точки зрѣнія осуществленія идеаловъ Петра I: Финляндіи надлежало сдѣлаться русскою провинціею, но снабженною многими привилегіями, соотвѣтствующими древнимъ исключительнымъ правамъ страны. Подъ давленіемъ событій и благодаря быстрымъ успѣхамъ русскихъ войскъ, рѣшительный перевѣсъ взяло послѣднее мнѣніе, и 16/28 марта 1808 г. Александръ I разослалъ европейскимъ державамъ декларацію, объявлявшую, что бывшая до тѣхъ поръ шведскою часть Финляндіи признается имъ областью [1]), завоеванною русскимъ оружіемъ, и

[1]) Употребленное въ текстѣ декларації слово «область» соотвѣтствуетъ понятію «провинція» и употребляется именно для обозначенія вновь завоеванной территоріи съ особымъ управленіемъ. Ср. Приложеніе № 33.

присоединяется на вѣчныя времена къ Россійской Имперіи [1]). Нѣсколько дней спустя, а именно 20 марта/1 апрѣля, изданъ былъ манифестъ, возвѣщавшій самому населенію о «покореніи шведской Финляндіи и о присоединеніи оной навсегда къ Россіи». «Страну сію», говорилось въ немъ, «оружіемъ Нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи, и вслѣдствіе того повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство» [2]). На основаніи этого манифеста, въ Або 9/21 и 10/22 мая, а въ остальныхъ завоеванныхъ городахъ и провинціяхъ—10/22 мая и въ послѣдующіе дни, населеніемъ была принесена присяга на вѣрноподданство Русскому Императору (ср. Приложеніе 14).

Однако, завоеваніе еще не было вполнѣ обезпечено, и финско-шведскія войска не думали еще сдаваться. Швеція получила помощь отъ Англіи, и сильный англійскій флотъ появился въ Балтійскомъ морѣ; событія въ Европѣ, война Наполеона съ Австріей—требовали отъ Россіи большого напряженія силъ въ другомъ пунктѣ. Къ тому же въ апрѣлѣ мѣсяцѣ произошло нѣсколько неудачныхъ для русской арміи сраженій, вынудившихъ ее къ временному отступленію. Спренгтпортенъ не преминулъ воспользоваться случаемъ, чтобы снова настоятельно подчеркнуть необходимость привлечь финляндцевъ на сторону Россіи путемъ подтвержденія ихъ политическихъ правъ и созыва сейма. И вотъ, подъ вліяніемъ этихъ представленій, Александръ издалъ манифестъ отъ 5/17 іюня, обращенный къ «Намъ вѣрноподданнымъ обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи» и удостовѣрявшій непоколебимое намѣреніе Александра не выпускать болѣе Финляндію изъ своего владѣнія слѣдующими словами: «Въ чредѣ народовъ, Скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени восприяли навсегда свое мѣсто». Одновременно странѣ обезпечивалось сохраненіе древнихъ присущихъ ей установленій [3]).

Въ теченіе лѣта военное счастье колебалось то въ ту, то въ другую сторону; правда, южныя провинціи были окончательно

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. XXX, № 22899.

[2]) Тамъ же, 1808 г., № 22911. *Ордина*, II, стр. 91 и слѣд. Прил. № 34.

[3]) Statssecretariatets Akter 1808, № 1—5. Копія въ Главномъ Архивѣ русскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Affaires finlandaises. См. приложеніе 1-е.

завоеваны, но дальше къ сѣверу русскіе отряды были не разъ отбрасываемы назадъ, и только въ сентябрѣ перевѣсъ ихъ оказалъ рѣшительное дѣйствіе. Когда 7/19 ноября 1808 г. было заключено перемиріе, почти вся Финляндія уже находилась въ русскомъ владѣніи. Еще осенью того же года русское правительство приступило къ введенію новаго внутренняго устройства въ странѣ. Въ Петербургъ были вызваны депутаты для того, чтобы сообщить о желаніяхъ и нуждахъ страны самому Императору. Депутація, принятая Его Величествомъ 17/30 ноября, заявила, что она на это не уполномочена; одновременно она указала на созывъ сословій, какъ на лучшее средство для разрѣшенія вновь народившихся задачъ [1]). Мысль объ этомъ созывѣ, отцомъ которой былъ Спренгтпортенъ, явилась, какъ мы видѣли, гораздо раньше, была одобрена Государемъ и должна была осуществиться уже въ началѣ слѣдующаго года, когда сословные депутаты собрались въ Борго. Между тѣмъ, постановленіемъ 19 ноября—1 декабря 1808 г. для высшаго управленія страною [2]) былъ учрежденъ «Комитетъ Главнаго Правленія Финляндіи», съ Генералъ-Губернаторомъ во главѣ. Вся власть была сосредоточена въ рукахъ Генералъ-Губернатора, фактическаго начальника всего управленія, съ правомъ непосредственнаго доклада Государю [3]). Этимъ же указомъ повелѣвалось созвать собраніе депутатовъ всѣхъ сословій [4]). Объявленіемъ отъ 20 января—

[1]) Петиція депутатовъ (точная дата ея врученія неизвѣстна) помѣщена у *Ордина*, II, прил. 133-е. Заявленіе отъ 19 ноября/1 Декабря 1808 г. напечатано на французскомъ языкѣ у *Ордина*, II, прил. 132-е: «мы не замедлили бы представить о мѣрахъ, наиболѣе по нашему убѣжденію примѣнимыхъ и необходимыхъ для будущаго счастья Финляндіи, если бы порядокъ нашего назначенія соотвѣтствовалъ духу основныхъ законовъ (постановленій 1617 и 1723 г.г.) и если бы мы могли себя считать представителями всего народа».

[2]) Statssecretariatets Akter 1808, № 9, листы 7—10; 60—84. Ср. *Ордина*, II, стр. 240. Пунктъ 1 гласитъ: «Учредить Комитетъ Главнаго Правленія Финляндіи, который бы имѣлъ верховное вліяніе на управленіе землею подъ непосредственнымъ начальствомъ Генералъ-Губернатора».

[3]) Первоначально производство дѣлъ предполагалось чрезъ посредство Министровъ. Пунктъ 11 проекта гласилъ: «Генералъ-Губернаторъ представляетъ всѣ дѣла по ихъ принадлежности чрезъ Министровъ, отъ коихъ равнымъ образомъ получаетъ и Высочайшія повелѣнія». Государь вычеркнулъ этотъ пунктъ и приписалъ: «кромѣ сего пункта, всѣ же представленія дѣлать ко мнѣ».

[4]) Пунктъ 15: «Сдѣлать въ новоприобрѣтенной Финляндіи генеральное и конституціонное собраніе изъ депутатовъ всѣхъ состояній. Оно откроетъ мысли и надобности народа, средства къ поправленію и согласитъ умы финновъ».

1 февраля 1809 г. собраніе это созывалось на 10/22 марта 1809 г. въ Борго [1]).

Императоръ Александръ I лично отправился въ Финляндію для открытія сейма, и дни черезъ два по его пріѣздѣ, 15/27 марта 1809 г., была распубликована грамота Императора, имѣющая характеръ удостовѣрительнаго акта. Она гласитъ [2]):

«Божіею Милостью, Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и пр. пр. пр., объявляемъ: Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, *признали Мы за благо симъ вновь утвердить* и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности, и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили».

16/28 марта 1809 г. сеймъ былъ торжественно открытъ въ присутствіи Императора. Александръ I при этомъ сказалъ

---

[1]) «По соединенію волею Провидѣнія и успѣхами Нашего оружія Великаго Княжества Финляндскаго навсегда съ нашей Имперіей, благосостояніе его жителей дѣлается однимъ изъ первыхъ предметовъ Нашихъ попеченій. Въ убѣжденіи, что для достиженія этой жизненной цѣли всѣ сословія Финляндіи поспѣшатъ оказать Намъ содѣйствіе своими усиліями, Мы рѣшили, сообразно съ установленіями страны, собрать ихъ на сеймъ; вслѣдствіе чего Мы повелѣли и повелѣваемъ настоящею грамотою, дабы общій сеймъ былъ созванъ на 10 марта сего года въ Борго. На сей конецъ уполномоченные всѣхъ сословій отправятся туда въ порядкѣ, предписанномъ правилами сейма, для сужденій по тѣмъ предметамъ, кои Мы признаемъ за благо довѣрить ихъ обсужденію». Ср. *Constitution du Grand-duché de Finlande*, стр. 109; *Ординъ*, II, стр. 302.

[2]) Оригиналъ этого акта, написанный на русскомъ языкѣ, теперь не существуетъ; вѣроятно, онъ былъ уничтоженъ во время большого пожара въ Або въ 1827 г. См. Statssecretariatets Akter 1809, № 8, листъ 1. Также у *Ордина*, II, стр. 335, *Шиловскій*, Акты и т. д. Шведскій переводъ этого удостовѣрительнаго акта см. въ приложеніи 2. Почти всѣ изслѣдованія, приводящія этотъ документъ, пользовались не первоначальнымъ русскимъ, а шведскимъ текстомъ; такъ, *Koskinen*, l. c., стр. 576; *Constitution*, стр. 110; *Fisher*, l. c., стр. 39; *Michoud-Lapradelle*, l. c., стр. 17; Das *Recht* Finnlands und das Manifest des Zaren, стр. 3, и мн. др.—Документъ носитъ названіе «грамоты», тогда какъ шведскій текстъ озаглавленъ словомъ «Försäkringsakt» (удостовѣрительный актъ). Въ этомъ нѣтъ однако существенной разницы, какъ утверждаетъ *Ординъ* (II, стр. 340), ибо выраженіе «грамота» употребляется именно для завѣренія милости, пожалованія или какихъ либо правъ. Въ остальномъ шведскій текстъ содержитъ нѣкоторыя отступленія отъ русскаго. Ниже придется къ этому вернуться.

рѣчь [1]) на французскомъ языкѣ, въ которой выразился, между прочимъ, такъ: «J'ai promis de maintenir votre constitution, vos lois fondamentales; votre réunion ici vous garantit Ma promesse. Cette réunion fera époque dans votre existence politique, elle est destinée à affermir les noeuds qui vous attachent au nouvel ordre des choses, à completer les droits que le sort de la guerre m'a déférés par les droits plus chers à Mon coeur...». На слѣдующій день, 17/29 марта, сословія принесли присягу на вѣрность, а затѣмъ [2]) Генералъ-Губернаторъ прочелъ переводъ грамоты 15/27 марта. Ораторы сословій благодарили, и Императоръ еще разъ держалъ рѣчь, въ которой онъ снова подтвердилъ конституцію страны [3]). Этимъ окончилась офиціальная часть сессіи сейма, и начались засѣданія. При отъѣздѣ Императоръ 23 марта/4 апрѣля издалъ манифестъ, которымъ доводилъ до всеобщаго свѣдѣнія о присягѣ сословій и о содержаніи документа 15/27 марта [4]). Сеймъ занялся 4 Императорскими предложеніями [5]) относительно внутренняго управленія страной, высказалъ по нимъ свое мнѣніе и былъ закрытъ 7/19 іюля 1809 г. рѣчью Императора [6]).

Между тѣмъ, враждебныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ продолжались въ теченіе весны и лѣта 1809 года. Однако шведамъ болѣе не удавалось оттѣснить русскія войска, которыя вскорѣ перешли шведскую границу на далекомъ сѣверѣ и вступили на шведскую территорію. Положеніе было для шведовъ совершенно критическимъ, когда удалось привести къ концу уже давно начатые мирные переговоры. Въ Фридрихсгамѣ, въ Финляндіи, 5/17 сентября былъ подписанъ мирный договоръ.

Особаго интереса заслуживаютъ его статьи, касающіяся перехода Финляндіи изъ шведскаго владѣнія въ русское. Это статьи IV и VI [7]).

---

[1]) См. Statssecretariatets Akter 1809, № 6, листы 85—86. Также у *Ордина*, II, стр. 342; *Constitution*, стр. 110. Ср. приложеніе 3-е.

[2]) Невѣрно утвержденіе—(*Nyholm*, l. c., стр. 39, *Despagnet*, l. c., стр. 53, *Берендтсъ*, Лекціи, стр. 17),—будто присяга была принесена послѣ прочтенія удостовѣрительнаго акта. Ср. приложеніе 4-е.

[3]) Statssecretariatets Akter 1809, № 6, л. 98; *Constitution*, стр. 111; *Ординъ*, II, стр. 356. Ср. приложеніе 5-е.

[4]) Ср. приложеніе 6-е. См. также *Ординъ*, II, стр. 358; *Constitution*, стр. 112.

[5]) Statssecretariatets Akter 1809, № 6, л. 87—95.

[6]) Statssecretariatets Akter 1809, № 6, л. 202—204. Ср. приложеніе 7-е.

[7]) Ср. *de Martens et de Cussy*, Recueil manuel, II, стр. 338; Полн. Собр. Зак., т. XXX, № 23884; *Ординъ*, II, прил. 125-е.

Статья IV гласитъ: «S. M. le roi de Suède, tant pour elle que pour ses successeurs au trône et au royaume de Suède, renonce irrévocablement et à perpétuité, en faveur de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, et de ses successeurs au trône et à l'empire de Russie, à tous ses droits et titres sur les gouvernements ci-après spécifiés, qui ont été conquis par les armes de S. M. Impériale, dans la présente guerre, sur la couronne de Suède, savoir: (слѣдуетъ перечисленіе уступленныхъ территорій). Ces gouvernements, avec tous les habitants, villes, ports, forteresses, villages et îles, ainsi que les dépendances, prérogatives, droits et émoluments, appartiendront désormais en toute propriété et souveraineté à l'empire de Russie et lui restent *incorporés*» (ср. Прил. № 41, п. 3).

Статья VI гласитъ: «S. M. l'empereur de toutes les Russies ayant donné déja les preuves les plus manifestes de la clémence et de la justice avec lesquelles Sa Majesté a résolu de gouverner les habitants des pays qu'elle vient d'acquérir, en les assurant *généreusement et d'un mouvement spontané* du libre exercice de leur religion, de leurs droits de propriété et de leurs privilèges, S. M. suédoise se voit par-là dispensée du devoir, d'ailleurs sacré, de faire des réserves là-dessus en faveur de ses anciens sujets» [1]).

1/13 октября этотъ договоръ былъ ратификованъ въ С.-Петербургѣ, и въ тотъ же день Александръ I издалъ манифестъ, оповѣщавшій объ инкорпораціи Финляндіи и мирѣ со Швеціею [2]).

§ 5. Содержаніе и юридическій характеръ удостовѣрительнаго акта 15/27 марта 1809 года.

Всѣми этими событіями завершилось присоединеніе Финляндіи къ Россіи; Финляндія была Швеціею признана составною частью

---

[1]) При переговорахъ относительно мирнаго договора, шведскій представитель Стединкъ настаивалъ на томъ, чтобы сохраненіе религіи, законовъ и преимуществъ Финляндіи было обезпечено особою статьею. Представитель Россіи, графъ Румянцевъ, этому противился. «Я не могу допустить», говоритъ онъ въ письмѣ къ Александру отъ 9 сентября, «обсужденія подобной статьи, опираясь на то, что все въ ней излагаемое составляетъ предметъ внутренняго управленія». Позднѣе русскому представителю былъ предложенъ новый проектъ, являвшійся компромиссомъ между настояніями обѣихъ сторонъ, который и былъ принятъ. Этотъ проектъ легъ въ основу окончательной редакціи ст. VI. Относительно мирныхъ переговоровъ ср. «Négociations de paix 1809. Protocoles» (въ Архивѣ русскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). Также *Ордина*, II, стр. 434—476. Русскій текстъ—см. Приложеніе 38-е.

[2]) Ср. приложеніе 8-е.

Россійской Имперіи и вступила въ новое государственно-правовое положеніе. Прежде чѣмъ изслѣдовать это положеніе на основаніи относящихся къ данному вопросу актовъ этого періода, мы должны особо остановиться на удостовѣрительномъ актѣ 15/27 марта 1809 г. Необходимо прежде всего установить его содержаніе и его юридическій характеръ, а затѣмъ опредѣлить его значеніе въ связи съ другими актами.

Александръ I подтвердилъ «религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности, и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались...».

Что же разумѣлось подъ «коренными законами» и «конституціями»?

Въ то время, когда Александръ I завоевалъ Финляндію, дѣйствовали, въ качествѣ общепризнанныхъ, два шведскихъ коренныхъ или конституціонныхъ закона, содержавшіе основные принципы государственной организаціи. Это были «Форма Правленія» («Regeringsform») отъ 21 августа 1772 г. и «Актъ соединенія и безопасности» («Förenings- och Säkerhets-Akt») отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 г. Законъ 1772 г.[1]) опредѣлялъ права короля и представлявшаго населеніе собранія сословій, безъ согласія котораго король не могъ ни издать никакого новаго закона (Lag), ни отмѣнить какой либо дѣйствующій (ст. 40). На ряду съ этой конституціей послѣ государственнаго переворота 1789 года вступилъ въ дѣйствіе «Актъ соединенія и безопасности» [2]), конституція, сводившая въ болѣе автократическомъ духѣ, чѣмъ предшествующая, ограниченіе королевской власти къ минимуму [3]); согласно статьѣ 9, оставалась въ силѣ конституція 1772 г., поскольку она не была отмѣнена новыми опредѣленіями; оставалось поэтому также право населенія на представительство въ сословномъ собраніи [4]).

[1]) Ср. *Dareste*, Constitutions modernes, II, стр. 146 и слѣд.

[2]) Ср. *Dareste*, l. c., стр. 160 и слѣд.

[3]) Ст. 1: «Nous reconnaissons avoir un Roi héréditaire, qui a tous pouvoirs pour gouverner, maintenir, protéger et défendre l'Etat; faire la guerre, conclure la paix et les alliances avec les puissances étrangères; faire grâce, restituer la vie, l'honneur et les biens; disposer à son plaisir de tous les emplois de l'Etat, lesquels devront être confiés à des Suédois, faire régner et maintenir la loi et le droit. Les autres objets intéressant l'Etat seront traités de la manière que le Roi jugera préférable».

[4]) Со времени изданія акта 1789 г. и послѣдовавшаго затѣмъ присоединенія къ Россіи, въ Финляндіи сохраняютъ силу слѣдующіе §§ «Формы Правленія»: 2, 5, 9, 11 (3,1), 15, 39, 40, 41, 44, 45 (46, 47, 49, 50, 51, 52—до изданія сеймоваго устава 1869 г.), 54. Впрочемъ, финляндскіе юристы по этому вопросу не пришли къ соглашенію.

Достаточно, казалось бы, изслѣдовать только содержаніе этихъ обоихъ законовъ, чтобы уяснить себѣ, какія именно права утвердилъ Императоръ Александръ I. Но въ новѣйшее время съ русской стороны было высказано мнѣніе, что въ удостовѣрительной грамотѣ вовсе не имѣлись въ виду собственно основные законы (1772 и 1789 г.г.). Это мнѣніе было впервые высказано *Ординымъ* [1]) и затѣмъ повторялось неоднократно. Согласно этой версіи, Александръ I утвердилъ не два вышеназванныхъ конституціонныхъ закона, а только общіе законы страны, «общій кодексъ» 1734 г., содержащій гражданскіе, уголовные, полицейскіе, судебные, торговые и другіе законы, церковный законъ 1686 г. и жалованныя грамоты о преимуществахъ отдѣльныхъ сословій. Утвержденіе это основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1) тамъ, гдѣ въ шведскомъ переводѣ говорится объ основныхъ законахъ («Grundlagar»), русскій текстъ употребляетъ выраженіе «коренные законы». Коренные же законы суть издревле въ народѣ живущіе законы, укоренившіеся въ исторіи страны. Если бы Александръ I хотѣлъ утвердить основные или конституціонные законы, то онъ бы употребилъ для этого выраженіе «основные законы» (отъ корня «основаніе»). Здѣсь не могутъ разумѣться законы 1772 и 1789 г.г., ибо они не были ни древними, ни укоренившимися въ сознаніи простонародья, какъ, напр., личная свобода крестьянъ (въ противоположность къ русскому крѣпостному праву).

2) Въ текстѣ стоитъ далѣе «согласно конституціямъ», но не «согласно конституціи». Множественное число доказываетъ, что здѣсь разумѣются не конституція, но отдѣльныя права сословій и отдѣльныхъ лицъ, принадлежавшія имъ согласно спеціальнымъ уставамъ и статутамъ.

3) Александръ I, говорится далѣе, не могъ бы, если бы и хотѣлъ, утвердить законы 1772 и 1789 годовъ. Они содержатъ принципъ конституціонной монархіи, которому Александръ I, какъ Самодержецъ, не могъ дать санкціи. Кромѣ того, въ нихъ объявляется государственною религіею евангелическо-лютеранское исповѣданіе, чего равнымъ образомъ не могъ сдѣлать Александръ I, государь православный.

4) Если бы въ удостовѣрительной грамотѣ разумѣлись законы 1772 и 1789 г.г., то во всякомъ случаѣ столь важные документы

---

[1]) Ср. *Ординъ*, II, стр. 3, 336 и слѣд. и др.

были бы прямо упомянуты. Но этого при жизни Александра I никогда не происходило. И въ позднѣйшихъ актахъ «Форма Правленія» не упоминалась опредѣленно, о ней рѣчь зашла впервые во времена Александра II. Конституціонные законы не могутъ быть признаваемы дѣйствующими tacito consensu.

Противъ этого можно возразить слѣдующее:

1) Что касается выраженія «коренные законы», то несомнѣнно, что въ то время оно употреблялось не для обозначенія законовъ особенно важныхъ или старыхъ, но именно такихъ, которые регулировали организацію государственной власти, права цѣлыхъ сословій и ихъ участіе въ законодательной дѣятельности,—т. е. какъ-разъ для обозначенія того, что называется «основными», «конституціонными законами». Это выраженіе было употреблено русскимъ правительствомъ въ актѣ, обращенномъ къ финляндцамъ, и по всей справедливости можно допустить, что оно было примѣнено въ обычномъ для того времени, ясномъ и для финляндцевъ, смыслѣ. Въ Финляндіи же тогда оба закона 1772 и 1789 г.г. считались, безъ сомнѣнія, «основными законами». Притомъ, имѣются документы позднѣйшаго времени, ясно доказывающіе, что въ Россіи подъ «коренными законами» разумѣлись именно конституціонные законы страны. Такъ, напримѣръ, въ манифестѣ о коронованіи Николая I отъ 22 августа (3 сентября) 1826 г. [1]) говорится: «Исполнившееся Наше и Нашей Возлюбленной Супруги Коронованіе запечатлѣло Священнымъ Актомъ узы, которыя связываютъ насъ съ жителями странъ, которыя мы унаслѣдовали по кореннымъ законамъ». Равнымъ образомъ, и въ двухъ манифестахъ 1840 г. [2]) выраженіе «коренные законы» употреблено несомнѣнно въ значеніи основныхъ законовъ.

2) Столь же неосновательно указаніе на употребленное въ русскомъ оригиналѣ множественное число «конституціямъ». Въ объявленіи отъ 20 января (1 февраля) 1809 г. [3]) ясно говорится: «Nous avons résolu, conformément aux *constitutions* du pays, de les réunir en diète...». Здѣсь употреблено также множественное число; однако, рѣчь можетъ идти только о конституціонныхъ законахъ, такъ какъ только на основаніи ихъ могъ быть созванъ сеймъ.

---

[1]) Т.-наз. «Pardons-Plakat», ср. «Plakater...» за 1826 г.

[2]) Ср. приложеніе 9-е.

[3]) Ср. стр. 43, прим. 1.

Употребленіе множественнаго числа вполнѣ понятно и правильно, такъ какъ дѣло идетъ не объ одномъ конституціонномъ законѣ, а о двухъ совершенно отдѣльныхъ и вовсе не тожественныхъ законахъ.

Затѣмъ указывалось еще на то, что со временъ Александра II (удостовѣрительный актъ 19 февраля / 3 марта 1855 г.) слова «по конституціямъ» замѣнялись словами «по установленіямъ» [1]). И въ этомъ нельзя видѣть доказательства въ пользу утвержденія, будто тутъ разумѣются собственно не конституціонные законы: всякая конституція состоитъ изъ ряда особыхъ установленій, которыя такъ или иначе регулируютъ взаимоотношенія отдѣльныхъ факторовъ публичной власти.

3) Возраженіе, основывающееся на томъ соображеніи, что Александръ I, какъ Самодержецъ, не могъ подписать документа, которымъ онъ ограничивалъ свою власть, предоставляя сословіямъ участіе въ вопросахъ законодательства, также должно быть отвергнуто. Если бы Александръ утвердилъ только «Форму Правленія», то возраженіе это, быть можетъ, было бы и справедливо. Но «Форма Правленія» была во всемъ главномъ замѣнена «Актомъ соединенія и безопасности», установившимъ фактическое единодержавіе монарха. Всѣ постановленія «Формы Правленія», отнимавшія у короля право объявленія войны, ограничивавшія его законодательную иниціативу, урѣзывавшія его права по назначенію чиновниковъ и судей, съ 1789 года—отпали. Единственнымъ ограниченіемъ монарха осталось обязательство не установлять никакихъ новыхъ налоговъ и не измѣнять и не создавать закона (Lag) безъ участія собранія сословій, которое онъ могъ созывать, когда ему угодно.

Ограниченіе королевской власти было, такимъ образомъ, очень незначительное. Неужели Александръ I не могъ наложить на себя это ограниченіе—Онъ, который 6 лѣтъ спустя создалъ для Польши конституцію, предоставлявшую монарху гораздо меньшія права,—Онъ, по приказу котораго Сперанскій выработалъ для всей Россіи проектъ вполнѣ конституціоннаго правленія,—который въ 1810 году, учредивъ Государственный Совѣтъ и Министерства, положилъ начало задуманной имъ гигантской реформѣ всей системы управленія? Либеральный образъ мыслей Александра извѣстенъ: неоднократно

[1]) Ср. *Шиловскій*, I, с. 12.

въ рѣчахъ, циркулярныхъ нотахъ и т. п. Онъ возвѣщалъ, что наиболѣе выгоднымъ для государства считаетъ парламентарный строй. Стоитъ вспомнить только Его изреченіе, что законъ выше Его! Что же касается вопроса объ евангелическо-лютеранской церкви, то почему бы Русскій Императоръ не могъ оставить чужому исповѣданію тѣ права, которыя оно уже имѣло? Вѣдь утвердилъ же Русскій Самодержецъ Ништадскимъ миромъ 1721 г. это право за балтійскими провинціями! И ознакомленіе съ исторіей культуры того времени подтверждаетъ намъ, что конецъ XVIII-го и начало XIX вѣка ознаменовались господствомъ широкой терпимости въ религіозныхъ дѣлахъ, вызванной и питавшейся разлагающею критикою раціонализма.

Однимъ изъ тончайшихъ шахматныхъ ходовъ въ политикѣ Александра I было—даровать Финляндіи не только второстепенныя и кажущіяся права, но широкія, создававшія фактически новую эру. Этимъ онъ сразу привлекъ финляндцевъ на свою сторону и обезопасилъ себя отъ возстаній и нападеній съ тыла, близъ самой своей резиденціи, какъ разъ въ то время, когда ему безпрерывно угрожали и противостояли мощныя силы Наполеона.

4) Если, наконецъ, указываютъ, что оба закона 1772 и 1789 г.г. не были опредѣленно названы въ удостовѣрительной грамотѣ, несмотря на то, что сдѣлать это было очень просто, и обстоятельство это будто бы доказываетъ, что было серьезное основаніе противъ ихъ подтвержденія, то на такое указаніе можно прежде всего возразить, что смыслъ удостовѣренія—утвержденіе этихъ обоихъ законовъ—былъ для финляндцевъ въ то время настолько ясенъ, что едва ли представлялась необходимость въ особомъ на нихъ указаніи. Затѣмъ, имѣется рядъ выраженій Императора, несомнѣнно доказывающихъ, что именно разумѣлъ Александръ, утверждая основные законы страны.

Въ актахъ Статсъ-Секретаріата въ Статсъ-Архивѣ въ Гельсингфорсѣ находится описаніе финляндскаго государственнаго устройства, устройства сейма и церемоніала его открытія, которое достаточно сравнить съ исторіею сейма 1809 г., чтобы найти въ нихъ самыя детальныя сходственныя черты [1]). Русское правительство должно было во всякомъ случаѣ знать, что описаніе это отражаетъ понятія финляндцевъ, и что съ этой именно

[1]) Ср. приложеніе 10-е.

точки зрѣнія будутъ оцѣнены сеймъ и его положеніе. Понятія эти ясно обнаружились въ рѣчи епископа Тенгстрема [1]) при открытіи сейма въ Борго. Тамъ же находится форма удостовѣренія, дававшагося шведскими королями при восшествіи на престолъ. Изъ бумагъ архива видно, что этотъ документъ послужилъ образцомъ для удостовѣрительнаго акта Александра I, въ которомъ тогда было сдѣлано, соотвѣтственно обстоятельствамъ, лишь нѣсколько измѣненій; въ этой формѣ опредѣленно названы оба закона 1772 и 1789 г.г. [2]).

Мы можемъ сослаться, далѣе, на вышеприведенное объявленіе 20 января 1809 г., на рѣчь Государя 16/28 марта 1809 г., въ которой говорится «J'ai promis de maintenir votre constitution, vos lois fondamentales»; на рѣчь слѣдующаго дня, въ коей сказано: «En leur promettant de maintenir leurs lois fondamentales»; на манифестъ 15/27 марта 1810 г., въ которомъ говорится о «nation libre et jouissant des droits que sa constitution lui garantit» [3]). Всѣ эти факты и выраженія, которыхъ при желаніи можно привести гораздо больше, доказываютъ вполнѣ неопровержимо, что Александръ I, утверждая основные законы страны, разумѣлъ «Форму Правленія» и «Актъ Соединенія и Безопасности». И его Преемники, всѣ безъ исключенія, при каждомъ утвержденіи основныхъ законовъ разумѣли то же самое. Достаточно вспомнить объ адресѣ финляндскаго Сената по поводу восшествія на престолъ Императора Николая I, содержавшемъ очень ясныя рѣчи, оставшіяся притомъ безъ возраженія [4]); или о томъ, что Александръ II на докладѣ финляндскаго комитета въ 1862 году собственноручно написалъ: «Постановленіе 21 августа 1772 г. отмѣнено позднѣйшимъ актомъ отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 г. Слѣдовательно, сей послѣдній законъ одинъ теперь обязателенъ и долженъ непремѣнно служить руководствомъ впредь». Въ заключительномъ опредѣленіи сеймоваго устава отъ 3/15 апрѣля 1869 г. [5]) говорится: «Сохраняя за Собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ Правленія отъ 21 августа 1772 г.

---

[1]) Ср. приложеніе 14-е.

[2]) Ср. приложеніе 11-е.

[3]) Statssecretariatets Akter 1810, № 15, листы 1—8. Ср. приложеніе 12-е.

[4]) Statssecretariatets Akter 1825, № 293. Ср. приложеніе 13-е.

[5]) Ср. *Dareste*, l. c., II, стр. 165 и слѣд.; *Constitution*, стр. 73 и слѣд., а также соотвѣтствующее мѣсто въ Das *Recht* Finnlands, стр. 4.

и въ Актѣ Соединенія и Безопасности отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 г. и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ сеймовомъ уставѣ, Мы Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей уставъ, какъ ненарушимый основной законъ».

Наконецъ, имѣются доказательства и изъ новѣйшаго времени въ подтвержденіе защищаемаго нами мнѣнія. Въ новомъ сеймовомъ уставѣ отъ 7/20 іюня 1906 г., въ § 23 [1]), присяга тальмана формулирована такъ: «Я такой то обѣщаю . . . . . охранять права какъ Государя Императора и Великаго Князя, такъ и сейма и финскаго народа, согласно основнымъ законамъ». Въ § 80 сеймовый уставъ объявляется «основнымъ закономъ». Въ Высочайшемъ же указѣ отъ 28 ноября (11 декабря) 1906 г. проводится строгое различіе между областями законодательства: основныхъ законовъ и общаго законодательства [2]).

Все это ясно доказываетъ, что русскіе государи, начиная съ Александра I, умѣли дѣлать различіе между основными и другими законами и хорошо знали, какіе законы они подтверждали въ удостовѣрительныхъ актахъ. Это могли быть только основные законы, которые составляли шведскую конституцію, такъ какъ Финляндія подъ шведскимъ владычествомъ не имѣла своей особой конституціи, но подчинялась, какъ и Швеція, дѣйствію конституціи этой послѣдней (ср. однако Прил. 51).

Итакъ, 15/27 марта 1809 г. Александръ I утвердилъ для Финляндіи шведское политическое устройство.

Для сужденія объ удостовѣрительномъ актѣ представляется далѣе важнымъ установить его юридическій характеръ: было ли утвержденіе основныхъ законовъ, правъ и привилегій даромъ государя, свободною уступкою, одностороннимъ актомъ,—или соглашеніемъ двухъ контрагентовъ, договоромъ (ср. Прил. 14).

17/29 марта 1809 г. сословія принесли присягу въ вѣрности, и непосредственно вслѣдъ затѣмъ [3]) была прочитана Высочайшая удостовѣрительная грамота. Такимъ образомъ, съ одной стороны, Государь утвердилъ основные законы страны, съ другой—сословія принесли ему присягу въ вѣрности. Можно, казалось бы, допустить, что здѣсь на-лицо обмѣнъ взаимно обязывающихъ дѣйствій, и въ событіяхъ

[1]) Ср. Сеймовый Уставъ для Великаго Княжества Финляндскаго отъ 7/20 іюня 1906 г., изданный *Серпьевскимъ*, СПБ. 1907, стр. 21.

[2]) Ср. Сборникъ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго за 1906 г., № 61.

[3]) Ср. стр. 44, прим. 2.

въ Борго видѣть «соединеніе нѣсколькихъ лицъ различнаго, но соотвѣтствующаго, интереса въ волеизъявленіяхъ по содержанію противоположныхъ, но на одну и ту же цѣль направленныхъ» (договоръ) [1]). Но это недопустимо по двумъ основаніямъ. Вообще говоря, это недопустимо уже потому, что договоръ есть всегда юридическая сдѣлка, т. е. имѣющее правовое значеніе волеизъявленіе. Основаннымъ на правѣ могло быть въ этомъ случаѣ только волеизъявленіе одной стороны, именно русскаго Императора. Волеизъявленіе же Финляндіи не могло имѣть значенія юридическаго, такъ какъ война со Швеціей, которой принадлежала Финляндія, еще не была окончена, и Финляндія не была дѣеспособнымъ субъектомъ права [2]), а договоръ мыслимъ только между таковыми.

Боргоскій сеймъ не имѣлъ за собою никакого правового основанія, ибо только король шведскій, и никто другой, былъ въ правѣ его созвать. Такимъ образомъ, заключить юридическую сдѣлку съ Финляндіей во время Боргоскаго сейма было невозможно. Событія въ Борго нельзя разсматривать какъ договоръ [3]); они не подчиняются собственно никакой юридической квалификаціи [4]).

Но изъ изслѣдованія историческихъ фактовъ вытекаетъ, что допущеніе здѣсь договора противорѣчитъ фактическому поведенію обѣихъ сторонъ.

Утвержденіе основныхъ законовъ было въ дѣйствительности свободнымъ одностороннимъ актомъ Александра, «une concession purement gracieuse et simplement unilatérale» (Despagnet). Достаточно напомнить, что фактически Финляндія была во власти Россіи, что русская держава—политически это было ясно—дли-

---

[1]) Ср. стр. 25, прим. 1.

[2]) Ср. ниже, стр. 65—66.

[3]) Это утверждаютъ, хоть и не столь опредѣленно, *Nyholm*, l. c., стр. 38 и слѣд., *Mechelin*, Meinungsverschiedenheiten etc., стр. 53: «Соединеніе Финляндіи съ Россіею произошло не по одностороннему приговору, а по акту двухстороннему: съ одной стороны, Александръ I утвердилъ основные законы страны, съ другой—сословія, на основаніи этого удостовѣренія, признали Александра I Монархомъ Финляндіи». Подобно этому, и *Despagnet*, l. c., стр. 51 и слѣд., считаетъ предположеніе о договорѣ «основаніемъ всей аргументаціи относительно положенія Финляндіи». Излагаемыя имъ мысли страдаютъ, однако, недостаточнымъ знакомствомъ автора съ исторіей. Ср. также *Polier-de-Marans*, Esquisse d'une théorie des états composés, стр. 67. Противныя мнѣнія: Das Recht Finnlands und seine Wehrpflichtfrage, стр. 23; *Pille. Delpech*, Question finlandaise, стр. 19. См. Прил. 12—14, 38.

[4]) Ср. *Bornhak*, Russland und Finnland, стр. 14.

тельно обладала ею, и Финляндія находилась, слѣдовательно, въ свободномъ распоряженіи Александра; что значительная часть населенія принесла присягу на вѣрность прежде, чѣмъ Императоромъ было, въ какой либо обязательной формѣ, обѣщано сохраненіе конституціи [1]). Политическія условія, при которыхъ собрался сеймъ въ мартѣ 1809 года, не оставляли ему никакого выбора въ рѣшеніи вопроса о томъ, слѣдуетъ ли дѣлать то, что предписываетъ Россія, или должно перейти на сторону Россіи лишь подъ условіемъ сохраненія конституціи. Сословія, созванныя по доброй волѣ Императора, вовсе не были въ состояніи, по самому положенію вещей, отказаться отъ принесенія присяги на вѣрность. Даже если бы Императоръ и не далъ обѣщанія сохранить всѣ права и привилегіи, финляндцы безъ сомнѣнія были бы принуждены подчиниться русскому приказу. Что таково было тогда общее мнѣніе, даже и въ компетентныхъ финляндскихъ кругахъ, вытекаетъ изъ многихъ подробностей, коихъ здѣсь нѣтъ возможности привести, какъ, напр., изъ рѣчей сословныхъ представителей на сеймѣ 16/28 марта [2]), или изъ самыхъ словъ удостовѣрительнаго акта отъ 15/27 марта при закрытіи сессіи: «Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, *признали Мы за благо* симъ *вновь* утвердить»... Смѣло можно допустить, что здѣсь дѣло идетъ не только объ обычныхъ въ такихъ указахъ фразахъ, составляющихъ выраженіе суверенной власти, но что при этомъ былъ подчеркнутъ образъ дѣйствія, котораго рѣшилъ держаться Императоръ. Тотъ же взглядъ ясно выражается въ статьѣ VI Фридрихсгамскаго мирнаго договора: «Поелику Его Величество... самыми несомнѣнными опытами милосердія... ознаменовалъ уже образъ правленія своего..., обезпечивъ, *по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія* (généreusement et d'un mouvement spontané), свободное отправленіе...» (ср. Прил. 13, 14).

Въ виду всего изложеннаго, удостовѣрительная грамота отъ 15/27 марта 1809 г. безъ сомнѣнія является актомъ одностороннимъ.

---

[1]) Правда, въ воззваніи русскаго главнокомандующаго графа Буксгевдена къ населенію, отъ 10—22 февраля 1808 г., говорилось уже о созывѣ сейма; но сохраненіе этого учрежденія было прямо обѣщано впервые въ манифестѣ 5—17 іюня того же года. Ср. *Ординъ*, II. стр. 22, 136. Ср. Прил. 33.

[2]) Ср. приложеніе 14-е.

§ 6. Правовое положеніе Финляндіи на основаніи событій 1808 и 1809 годовъ.

На событіяхъ 1808 и 1809 годовъ, имѣвшихъ столь важное значеніе для Финляндіи, основывается ея государственно-правовое положеніе, создавшееся для нея при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ. Но какіе именно событія и акты послужили этимъ основаніемъ, каково ихъ значеніе, или какую юридическую природу получила, благодаря имъ, финская общественность? На эти вопросы мы и постараемся отвѣтить. Декларації и манифесты Александра I, равно какъ и Фридрихсгамскій мирный договоръ, точно опредѣлили правовое положеніе Финляндіи въ двухъ отношеніяхъ: въ международно-правовомъ и въ государственно-правовомъ. Однако, при созданіи этого положенія обѣ категоріи (международное и внутреннее государственное право) принимались въ расчетъ неодинаково, и правовая постановка ихъ совершенно различна. Поэтому обѣ стороны правового положенія Финляндіи (въ международно-правовомъ и въ государственно-правовомъ отношеніяхъ) мы должны будемъ разсматривать отдѣльно.

Прежде всего, однако, необходимо упомянуть о положеніи, которое занимала Финляндія во времена шведскаго надъ ней господства, т. е. до 1808—1809 годовъ.

I. Положеніе Финляндіи подъ властью Швеціи.

Съ самаго подчиненія своего шведскому владычеству, Финляндія, имѣя съ страною завоевателей только сравнительно короткую и находящуюся въ отдаленныхъ необитаемыхъ мѣстностяхъ общую границу (къ тому же отдѣленная Ботническимъ заливомъ), неизбѣжно должна была занять, какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, нѣсколько обособленное положеніе. Такъ, напр., съ 1587 года страна эта имѣла особое обозначеніе «Великое Княжество», и въ шведскихъ законахъ часто «шведы» и «финляндцы» упоминаются раздѣльно и рядомъ. При Эрикѣ XIV въ теченіе короткаго времени существовало даже Герцогство Финляндское, управлявшееся герцогомъ Іоанномъ, братомъ Эрика XIV, какъ короннымъ вассаломъ и герцогомъ. Однако, за исключеніемъ этого короткаго періода, Фин-

ляндія всегда была не чѣмъ инымъ, какъ совокупностью нѣсколькихъ шведскихъ провинцій. Финляндія вошла въ составъ шведскаго государства путемъ завоеванія и образовала одну изъ его земель. Собственныхъ законовъ страна не имѣла; обыватели всѣхъ сословій пользовались одинаковыми правами, предоставленными шведамъ шведскимъ закономъ. Финляндія не имѣла автономіи и не составляла одного цѣлаго въ административномъ отношеніи. Это была совокупность отдѣльныхъ провинцій (Län), подчиненныхъ общему шведскому законодательству. Представители финляндскихъ сословій постоянно участвовали въ шведскомъ риксдагѣ.

Финляндія была, такимъ образомъ, шведскою областью, хотя ея географическое положеніе обусловливало въ извѣстной степени привилегированное ея положеніе. Оно выражалось, напр., въ томъ, что нѣсколько разъ, особенно въ XVII вѣкѣ, собирались особые мѣстные финляндскіе сеймы, даже для отдѣльныхъ провинцій.

Однако страна не имѣла никакой государственно-правовой индивидуальности, и финляндскія провинціи Швеціи не составляли особаго государства.

Этотъ фактъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, относительно которыхъ среди ученыхъ нѣтъ разногласія [1]).

---

[1]) *Mechelin*, Précis du droit public, стр. 1: «Не было больше политическаго различія между шведами и финляндцами, Финляндія стала съ тѣхъ поръ нераздѣльною частью шведскаго королевства....».

Bornhak. Russland und Finnland, стр. 7: «Завоеваніемъ Финляндія совершенно соединилась со Швеціею. Въ государственно-правовомъ отношеніи Финляндія была во время своего соединенія со Швеціею не чѣмъ инымъ какъ шведскою областью». См. *Behrendts*. Grenzmarkenpolitik, стр. 12; *Nyholm*, l. c., стр. 47.—*Le Hénaff*, La nouvelle constitution finlandaise (Bulletin mensuel de la société de législation comparée, № 10—12, Парижъ 1906 г.): «Финляндія была присоединена къ Швеціи въ 1323 г.; она немедленно заняла мѣсто среди шведскихъ провинцій и какъ таковая воспользовалась конституціонными установленіями страны...»—*Moreau*, l. c., стр. 2: «Финляндія была нераздѣльною частью шведской монархіи... ея политическое и административное устройство не отличалось отъ того, которое существовало въ остальныхъ шведскихъ провинціяхъ».—*Despagnet*, l. c., стр. 16: «Завоеванная шведами въ XII и XIII столѣтіяхъ, Финляндія съ XIV столѣтія была обращена въ шведскую провинцію, управляемую согласно той же конституціи, тѣмъ же судебнымъ и административнымъ законамъ». То же у *Коркунова*, въ Юридической Лѣтописи 1890 г., и во всѣхъ затрагивающихъ этотъ вопросъ сочиненіяхъ другихъ авторовъ.

II. Международно-правовое положеніе Финляндіи со времени соединенія съ Россіей.

Что касается вновь созданнаго международно-правового положенія Финляндіи, то оно основано на декларацiи европейскимъ державамъ отъ 16/28 марта 1808 г. и на статьѣ IV Фридрихсгамскаго мирнаго договора. Декларація объявила Финляндію провинціею, инкорпорированною на вѣчныя времена въ составѣ Россійской Имперіи [1]). Въ Фридрихсгамскомъ мирномъ договорѣ это положеніе затѣмъ было подтверждено; Швеція признала положеніе Финляндіи, какъ оно было формулировано въ декларацiи державамъ, словами статьи IV: «Ces gouvernements.... appartiendront désormais en toute propriété et souveraineté à l'empire de Russie et lui restent incorporés» [2]).

Въ теченіе XIX столѣтія это правовое положеніе не было измѣнено никакимъ актомъ; оно существуетъ такимъ образомъ и сейчасъ. Въ международномъ отношеніи Финляндія не существуетъ какъ особое государство, она—русская провинція, подобно, пожалуй, Прибалтійскимъ губерніямъ или Кавказу. Поэтому въ теченіе столѣтія, истекшаго со времени присоединенія къ Россіи, Финляндія въ международно-правовомъ отношеніи никогда не выступала какъ самостоятельный факторъ. Подобно тому, какъ до войны 1808—1809 г.г. по отношенію къ иностраннымъ державамъ она была шведскою провинціею, такъ въ настоящее время она—русская провинція. Не будучи же членомъ международно-правового общенія, субъектомъ международнаго права, она не имѣетъ и правъ и обязанностей, принадлежащихъ каждому субъекту международнаго права въ силу этого его положенія. Объ иностранныхъ своихъ дѣлахъ она заботится не сама, регулированіе ея отношеній къ иностраннымъ государствамъ относится къ исключительной компетенціи русскаго Правительства. Финляндія не имѣетъ за-границей никакихъ дипломатическихъ представителей, не принимаетъ и не посылаетъ пословъ, не можетъ также (безъ согласія Россіи) содержать консуловъ въ иностранныхъ государ-

[1]) Ср. стр. 40. Также у *Schybergson*'а, l. c., стр. 491; *Hermanson*, Beitrag, стр. 48.

[2]) Ср. стр. 45 и приложеніе 13, 38, 41 п. 3.

ствахъ или давать таковымъ уполномочія. Слѣдовательно, въ международномъ отношеніи она недѣеспособна, а потому не можетъ и вступать ни въ какія договорныя отношенія [1]). Это касается, конечно, всѣхъ тѣхъ договоровъ, содержаніе которыхъ принадлежитъ къ сферѣ иностранной политики, то-есть такихъ, которые регулируютъ внѣшнія проявленія власти государства, уступку или пріобрѣтеніе территоріи, международныя обязательства на случай войны, мирные договоры и т. п. Въ новѣйшее время этимъ чисто «политическимъ» договорамъ противопоставлены, въ видѣ особой категоріи, такіе договоры, которые заключаются между двумя или нѣсколькими государствами относительно опредѣленнаго порядка во внутреннихъ дѣлахъ. Къ этимъ послѣднимъ договорамъ, названнымъ *Мартенсомъ* [2]) «соціальными», принадлежатъ тѣ, которые «служатъ удовлетворенію соціальныхъ интересовъ и культурнымъ нуждамъ какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ общественныхъ классовъ и лицъ». Къ нимъ надо причислить прежде всего договоры торговые и о мореплаваніи, договоры о выдачѣ, о натурализаціи, договоры для защиты опредѣленныхъ интересовъ или группъ интересовъ и т. д. Высказывалось [3]) сомнѣніе, чтобы такіе договоры, содержаніе которыхъ имѣетъ отношеніе къ внутреннимъ дѣламъ, могли быть заключаемы, съ распространеніемъ ихъ дѣйствія на Финляндію, тѣмъ же путемъ, какъ и договоры чисто политическіе, т. е. безъ непосредственнаго участія самой Финляндіи. Однако, это несомнѣнно такъ, ибо не только Финляндія, не будучи субъектомъ международнаго права, не можетъ

---

[1]) Для краткости тутъ говорится о «договорахъ» вездѣ, гдѣ, строго говоря, слѣдуетъ понимать «договоры и соглашенія».

[2]) *Мартенсъ*, Международное право, I, стр. 422—423 (ссылки по пятому русскому, исправленному и дополненному изданію). Независимо отъ Мартенса и почти одновременно съ нимъ, пришелъ къ мысли о дѣленіи на договоры «административные» и «политическіе» *Jellinek*, Staatenverbindungen, стр. 106. Внѣ сомнѣнія вѣрно (*v. Ullmann*, Völkerrecht, стр. 275 и слѣд.), что при такомъ принципіальномъ дѣленіи характеристики нѣкоторыхъ договоровъ встрѣчаются извѣстныя затрудненія. Но это есть неудобство всякаго подраздѣленія предмета на разныя категоріи соотвѣтственно различнымъ точкамъ зрѣнія. Нельзя, конечно, установить точно предѣльную черту, за которою договоръ перестаетъ быть политическимъ (politischer Natur zu sein) и начинаетъ уже относиться къ группѣ «соціальныхъ» договоровъ. Мѣриломъ оцѣнки договора въ такихъ именно случаяхъ должны быть моменты, имѣющіе «преобладающее значеніе» (die «prävalierenden Momente»), преимущественный или общій характеръ договора. И съ этой точки зрѣнія такое дѣленіе представляется безусловно правильнымъ и желательнымъ.

[3]) Ср. *Hermanson*, l. c., стр. 66 и слѣд.

заключать даже и такихъ договоровъ (каждый договоръ предполагаетъ сношеніе государства съ государствомъ), но русскій Императоръ представляетъ во *всѣхъ* отношеніяхъ международнаго права *всю* Россію, включая Финляндію, и ему одному принадлежитъ поэтому рѣшающая власть во всѣхъ международныхъ дѣлахъ даже тогда, когда таковыя касаются внутреннихъ дѣлъ только той части территоріи, которая является субъектомъ международнаго права. Это вытекаетъ уже изъ того, что во многихъ трудно разграничиваемыхъ случаяхъ было бы едва ли возможно опредѣлить необходимый для дѣйствительности договора порядокъ его заключенія, если бы русскій Императоръ не имѣлъ права самостоятельно и единолично заключать и такіе договоры [1]).

Образъ дѣйствій Финляндіи по отношенію къ иностраннымъ державамъ долженъ руководиться тѣми принципами, которые въ данное время диктуются интересами русской политики. Такъ какъ Финляндія не есть субъектъ международнаго права, то самостоятельно она не можетъ вести войны (въ международно-правовомъ смыслѣ) [2]) или заключать миръ. Но каждая война, которую ведетъ Россія, и связанныя съ нею тяготы столь же касаются Финляндіи,

---

[1]) За время, въ продолженіе котораго финляндскій сеймъ не созывался (съ 1809 по 1863 г.г.), было заключено нѣсколько договоровъ (Staatsverträge) безъ участія финляндскихъ органовъ. Таковы: дополнительный актъ къ Фридрихсгамскому трактату отъ 29 августа / 10 сентября 1817 г. и «Acte additional aux Traités existant... entre le Danemarc et la Russie, signé á Copenhague le 14 Octobre 1831», и др.

[2]) *Rehm* (D. J.-Z., V, 22) говоритъ: «Финляндія представляетъ индивидуальность въ международноправовомъ отношеніи.... правда, международноправовая дѣеспособность Финляндіи ограничена ея принадлежностью къ Россіи, но этимъ отъ нея не отнятъ ея характеръ отдѣльнаго международноправового организма... Выступленіе Финляндіи противъ Россіи было бы, по отношенію къ третьимъ государствамъ, не только внутреннимъ возстаніемъ въ Россіи, но финско-русской войною, причемъ нѣтъ надобности въ признаніи Финляндіи воюющею державою. При этомъ выступленіи третьи государства были бы обязаны оставаться нейтральными»—эти сужденія *Рема* явное противорѣчіе всѣмъ фактамъ. Съ точки зрѣнія военной, финско-русская война, какъ организованная массовая борьба при помощи смертоноснаго оружія, представляется конечно возможною; но съ точки зрѣнія международнаго права это вещь невозможная, такъ какъ Финляндія не представляетъ международноправовой единицы и никогда таковой не представляла. По вопросу о подчиненности Финляндіи въ международноправовомъ отношеніи ср. *Hermanson*, l. c.. стр. 48, 55, 65 и слѣд., также *Bornhak*, Russland und Finnland, стр. 31: «Такъ какъ въ международномъ общеніи Финляндія не имѣетъ значенія субъекта государственнаго права, то она является въ немъ русскою провинціею и представлена русскою государственною властью. Для другихъ

какъ и всякой другой части русскаго государства. Изъ сказаннаго въ концѣ концовъ вытекаетъ, что финляндцы за-границею должны считаться и признаваться русскими, и что русскому дипломатическому и консульскому представительству принадлежатъ право и обязанность оказывать имъ свою защиту.

Указанное международно-правовое положеніе Финляндіи имѣетъ большое значеніе для сужденія объ общемъ правовомъ положеніи Финляндіи. Но для отвѣта на вопросъ о томъ, является ли Финляндія государствомъ,—ибо для того, чтобы состоять съ Россіей въ реальной уніи, изъ чего мы исходили, Финляндія должна быть, какъ мы видѣли, государствомъ,—мы не можемъ вывести изъ этой подчиненности Финляндіи никакихъ положительныхъ отправныхъ основаній. На приведенный вопросъ нѣкоторые писатели отвѣчаютъ отрицательно, исходя изъ того основанія, что Финляндія не представляетъ международно-правовой личности: только такая территорія можетъ считаться государствомъ, которая въ общеніи народовъ выступаетъ самостоятельною независимою державою, ибо государство есть прежде всего власть, особенно во внѣшнихъ отношеніяхъ. Представители этой теоріи [1]) опираются на фактъ несуществованія такого, даже несувереннаго или зависимаго государства, которое не имѣло бы способности выступать самостоя-

государствъ территорія Финляндіи является русскою государственною территоріею—находящіеся за-границею финляндцы считаются тамъ русскими и пользуются охраною, обезпечиваемою Россіею ея подданнымъ. Русскія посольства и консульства за-границею представляютъ и финскіе интересы, иностранныя посольства принимаются только Россіею, и она одна можетъ признавать иностранныхъ консуловъ, имѣющихъ осуществлять свои должностныя функціи въ предѣлахъ Финляндіи. Финляндія не можетъ ни вести войны, ни заключать мира, но каждая война и каждый мирный договоръ Россіи касается и Финляндіи... Международныхъ договоровъ финская государственная власть заключать не можетъ». Тотъ же *авторъ*, Einseitige Abhängigkeitsverhältnisse, стр. 64.—*Fisher*, Finland and the Tsars, стр. 53: «Что касается иностранныхъ державъ, то Финляндія никогда не имѣла... самостоятельнаго существованія... въ дипломатическомъ отношеніи, она инкорпорирована Россіею и не можетъ имѣть международныхъ отношеній».—*Delpech*, Question finlandaise, стр. 19: «Въ отношеніи Финляндіи... главнѣйшія международныя прерогативы (attributions), право мира и войны, право заключенія трактатовъ, право представленія (droit de légation)—принадлежатъ только Россіи, которая, будучи отвѣтственною передъ иностранными державами, оставила въ своемъ вѣдѣніи все, что касается внѣшнихъ сношеній». То же *Despagnet*, *Geffcken*, *Michoud-Lapradelle*, *Mechelin* и др.

[1]) Именно *Rehm*, Allgemeine Staatslehre, стр. 28 и слѣд.; *Rosenberg*, Archiv für öffentliches Recht, XIV, стр. 362 и слѣд.; *Stöber*, тамъ же, I, стр. 638 и слѣд.; *Behrendts*, Grenzmarkenpolitik, стр. 8; и мн. др.

тельно и по отношенію къ иностраннымъ государствамъ [1]). Но изъ того, что всѣ существующія несуверенныя государства являются носителями извѣстныхъ международныхъ правъ, нельзя все же сдѣлать прямого заключенія о невозможности существованія государства безъ международно-правовой личности. Если такого государства нѣтъ, то это еще не доказываетъ, что его и не можетъ быть. Даже болѣе: нельзя выставлять международно-правовую личность признакомъ понятія государства, видѣть критерій государства въ его способности быть субъектомъ международнаго права. Опровергнуть утвержденіе, что въ этомъ заключается petitio principii, никому не удалось [2]). Международно-правовая личность можетъ, какъ это правильно замѣчаетъ Еллинекъ [3]), быть только слѣдствіемъ, но не

---

[1]) Всѣ несуверенныя государства, если даже они и «ограниченно дѣеспособные» субъекты международнаго права, имѣютъ особый кругъ дѣятельности въ области иностранной политики. Отдѣльныя государства союзныхъ государствъ (Bundesstaaten) могутъ выступать субъектами международнаго права, хотя бы и въ весьма ограниченномъ числѣ случаевъ. Швейцарскіе кантоны пользуются въ силу основного правила (союзная конституція, ст. 3) о томъ, что за ними сохраненъ суверенитетъ, поскольку таковой не ограниченъ конституціею, правомъ заключенія съ третьими государствами договоровъ, касающихся государственнаго хозяйства, сосѣдскихъ сообщеній и полиціи (союзн. конст., ст. 9). Отдѣльныя государства Сѣверо-Американской уніи могутъ (съ разрѣшенія Конгресса) заключать договоры между собою или съ другими государствами (конституція, гл. I, отд. 10,3), конституціею у нихъ опредѣленно не отнято также право дипломатическаго представительства. Международноправовое положеніе германскихъ союзныхъ государствъ опредѣляется общимъ положеніемъ, заключающимся въ томъ, что за отдѣльными государствами сохраняются всѣ тѣ права, кои имперскою конституціею не оставлены за самою Имперіею. Власть заключать договоры не покрывается соотвѣтствующей компетенціей Имперіи, и предѣлы этой власти совпадаютъ, такимъ образомъ, съ предѣлами власти законодательной и исполнительной. Имперскою конституціею отдѣльныя государства не лишены права входить въ дипломатическія сношенія съ посторонними государствами, принимать и посылать посланниковъ. Это право отдѣльныхъ союзныхъ государствъ соперничаетъ съ правомъ Имперіи, т. е. они въ правѣ наряду съ имперскими посольствами учреждать свои спеціальныя мѣстныя посольства. Далѣе, имъ принадлежитъ также пассивное (но не активное) право имѣть консульства. Вассальныя государства Порты (ср. *v.-Ullmann*, Völkerrecht, ст. 102 и слѣд.) пользуются частичною международною правоспособностью. Договоры нѣкоторыхъ видовъ они могутъ заключать самостоятельно (ср. *v.-Liszt*, Völkerrecht, стр. 52); не исключается дипломатическое представительство вассальныхъ государствъ у сюзерена. Имъ предоставляется принимать дипломатическихъ агентовъ (для соблюденія, главнымъ образомъ, хозяйственныхъ интересовъ), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и посылать таковыхъ (ср. *v.-Ullmann*, l. c., стр. 103).

[2]) Возраженія *Rehm'* а, l. c., абсолютно неосновательны, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ *Jellinek*, Allgemeine Staatslehre, стр. 475, прим. 1.

[3]) *Jellinek*, l. c.

основаніемъ государственнаго характера общественнаго союза: ибо международное право предполагаетъ существованіе государствъ. Теоретически вполнѣ мыслимо государство (и, какъ показываетъ исторія международнаго права, таковыя дѣйствительно бывали), которое не участвуетъ въ общеніи народовъ благодаря своему обособленному географическому положенію или другимъ обстоятельствамъ, не заинтересовано въ регулированіи юридическихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ этого общенія, и потому не можетъ быть названо субъектомъ международнаго права. Государство становится участникомъ международно-правового общенія лишь съ того момента, когда оно вступаетъ въ него посредствомъ какихъ либо отношеній. Пока оно, по тѣмъ или инымъ причинамъ, этого не сдѣлало, оно не можетъ быть субъектомъ международнаго права, несмотря на тотъ фактъ, что оно государство.

Изъ этого слѣдуетъ, что государство не должно непремѣнно быть субъектомъ международнаго права, и что изъ отсутствія у какого либо общественнаго союза международно-правовой личности нельзя еще выводить заключенія объ отсутствіи у него государственнаго характера [1]).

Въ томъ фактѣ, что Финляндія въ международно-правовомъ отношеніи является только провинціею Россіи, мы еще не можемъ видѣть доказательства въ пользу или противъ государственнаго характера страны; фактъ этотъ имѣетъ цѣну для нашего изслѣдованія лишь постольку, поскольку онъ находится въ тѣснѣйшей причинной связи съ положеніемъ, занимаемомъ Финляндіею по отношенію къ русскому государству. Этимъ государственно-правовымъ положеніемъ Финляндіи мы теперь и займемся.

III. Государственно-правовое положеніе Финляндіи. Его юридическія основы и характеръ.

Первымъ документомъ, имѣющимъ значеніе для нашего изслѣдованія, является манифестъ 20 марта (1 апрѣля 1808 г. [2]),

[1]) Поэтому общаго международнаго права, «мірового международнаго права», распространяющаго свое дѣйствіе на всѣ государства міра, не существуетъ. Ср. *Triepel*, Völkerrecht und Landesrecht, стр. 83 и слѣд.

[2]) Ср. историческое изложеніе, стр. 41. Приложеніе № 34.

изданный уже послѣ занятія русскими войсками большей части Финляндіи [1]). Манифестъ этотъ объявилъ о совершившейся инкорпораціи Финляндіи въ русскомъ государствѣ. Финляндія признается окончательно перешедшею въ русское владѣніе. Александръ I является сувереномъ страны, которую онъ присоединяетъ къ своему владѣнію, какъ вновь пріобрѣтенную провинцію, безъ какихъ бы то ни было оговорокъ въ пользу ея жителей. Соотвѣтственно сему, обывателямъ вмѣняется въ обязанность присягнуть на вѣрность своему новому властителю; требованіе это и содержится въ манифестѣ. Спустя нѣкоторое время, все населеніе оккупированной территоріи принесло присягу на вѣрность русскому Императору. Присяга эта была принесена по обычной въ Россіи формулѣ, Императору, какъ Самодержцу Россіи, а въ ея составѣ—и завоеванной части Финляндіи [2]).

Слѣдуетъ манифестъ 5/17 іюня. Финляндія, говорится въ немъ, инкорпорирована въ русскомъ государствѣ, которое составляетъ единую Имперію. Финляндцы отнынѣ принадлежатъ къ чредѣ народовъ, скипетру россійскому подвластныхъ; Финляндія—новая русская провинція. Но въ то же время странѣ въ оффиціальной формѣ обезпечивается сохраненіе ея прежнихъ установленій. Здѣсь впервые ясно выступаетъ форма, которая должна была быть придана присоединенію страны. Этотъ манифестъ характеренъ для опредѣленія новаго правового положенія страны, такъ какъ онъ строго проводитъ границы, въ предѣлахъ которыхъ должно происходить это опредѣленіе. *Финляндія разумѣлась частью русскаго государства съ особыми установленіями*, тѣми самыми, которыми она обладала въ силу своей принадлежности къ Швеціи.

Слѣдующимъ важнымъ актомъ было удостовѣреніе отъ 15/27 марта 1809 года. Александръ I утвердилъ, наряду съ другими правами и привилегіями, основные законы края. Тутъ разумѣлись шведскіе основные законы (см. стр. 52), дѣйствовавшіе также въ Финляндіи. Государь гарантировалъ сословіямъ сохране-

---

[1]) Финляндія была занята русскими войсками до 63-го градуса широты. Занятая часть обнимала тогдашній главный городъ края, Або, главнѣйшіе остальные города и самое ядро страны—всю южную половину.

[2]) Правда, въ шведскомъ и финскомъ переводахъ къ выраженію: «служить Его Императорскому Величеству Императору...» было прибавлено «Князю и Императору». Но, по положенію дѣла, это было не болѣе, какъ уступкою чувствамъ населенія, а не принципіальнымъ измѣненіемъ оффиціальнаго оригинала. Ср. Прил. 37.

ніе установленій, которое Онъ обѣщалъ уже раньше, что видно также изъ текста, гласящаго: «признали Мы за благо симъ *вновь* утвердить....» Это подтвержденіе понималось, такимъ образомъ, не въ качествѣ существеннаго измѣненія вновь созданнаго положенія Финляндіи, но какъ сохраненіе основныхъ законовъ, касающихся того положенія, которое Финляндія уже получила. Русской провинціи Финляндіи опредѣленно сохранялись законы, дѣйствовавшіе въ эпоху шведскаго владычества. Нигдѣ не указывалось и не было выражено, чтобы положеніе страны, какъ таковой, по отношенію къ завоеванному государству этою гарантіею сколько либо измѣнялось.

Шведской провинціи, которая благодаря завоеванію перешла, въ качествѣ провинціи же, въ русское владѣніе, были подтверждены права, которыя до тѣхъ поръ никоимъ образомъ не придавали ей государственнаго характера (ибо изъ-за того, что на Финляндію распространялось дѣйствіе шведской конституціи, она еще не становилась государствомъ).

Отнынѣ Финляндія была отдѣлена отъ Швеціи. Связь съ нею была совершенно порвана. Но благодаря тому, что Финляндія была совсѣмъ отдѣлена отъ Швеціи, и одновременно за нею утверждалась шведская конституція въ качествѣ уже специфически финляндской, Финляндія вполнѣ могла сдѣлаться государствомъ. Такъ утверждаютъ сторонники государственной самостоятельности Финляндіи. Удостовѣрительнымъ актомъ отъ 15/27 марта, говорятъ они, публичная власть въ Финляндіи поставлена на совершенно другое основаніе, чѣмъ то, на которомъ базируется власть въ Русской Имперіи. Тогда какъ русскій Императоръ—неограниченный Самодержецъ, монархъ Финляндіи представляется, въ силу законовъ 1772 и 1789 гг., монархомъ конституціоннымъ, связаннымъ представительствомъ сословій. Эти законы утвердилъ русскій Императоръ, ясно отказавшись при томъ отъ своего самодержавія въ отношеніи Финляндіи; абсолютизмъ не распространяется на Финляндію, ибо это противорѣчило бы торжественно утвержденнымъ основнымъ законамъ края. Такимъ образомъ, на основаніи удостовѣрительнаго акта отъ 15/27 марта, Финляндія будто бы, въ силу необходимости, стала особымъ государствомъ.

Въ чемъ именно заключается основная неправильность этой аргументаціи, ясно видно изъ вышеприведеннаго изложенія событій. Слѣдуя этой аргументаціи, впадаютъ въ рѣшительную ошибку,

заключающуюся въ томъ, что *Борго̀ский удостовѣрительный актъ разсматривается самъ по себѣ, отдѣльно отъ предыдущихъ и послѣдующихъ актовъ, и что въ основу государственно-правового положенія Финляндіи полагается единственно этотъ актъ.*

Если бы это удостовѣреніе было единственнымъ основаніемъ правового положенія Финляндіи, то приведенная аргументація была бы безупречна, и Финляндія несомнѣнно была бы совершенно отдѣльнымъ отъ Россіи Государствомъ, связаннымъ съ нею только личностью общаго монарха.

Но если взглянуть на то же удостовѣреніе въ связи съ предшествующими актами,—а иначе нельзя поступить,—то получается совсѣмъ иное. Тогда окажется, что Финляндія была инкорпорирована въ русскомъ государствѣ, какъ составная его часть, удостовѣрительною же грамотою было оффиціально подтверждено и формально обѣщано сохраненіе правъ страны, уже завѣренныхъ при самой ея инкорпораціи. Съ этой точки зрѣнія, удостовѣрительный актъ 15/27 Марта является продолженіемъ и дополненіемъ манифеста 5/17 Іюня 1808 г.

Но затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду еще одно важное соображеніе.

Удостовѣреніе въ Борго не можетъ быть *единственнымъ* основаніемъ [1]) государственно-правового положенія Финляндіи, ибо въ то время, когда Александръ I давалъ сословіямъ свое увѣреніе, была еще въ полномъ ходу война со Швеціею за обладаніе Финляндіей; de jure Финляндія тогда не была Ему подвластна, она не представляла еще составной части русскаго государства и тѣмъ менѣе могла быть въ международно-правовомъ или въ государственно-правовомъ отношеніи субъектомъ права, переговоры котораго съ Россіей могли бы имѣть юридическую цѣнность.

[1]) Это, однако, утверждаютъ: *Nyholm*, l. c., стр. 31, и слѣд.; стр. 36: «Собраніе въ Борго должно служить исходнымъ основаніемъ для сужденія о положеніи Финляндіи». *Getz*, Das staatsrechtliche Verhältnis и т. д., стр. 5; *Situation* politique, стр. 9: «Основы политическаго положенія Финляндіи, соединенной съ Россіею, заключаются исключительно въ удостовѣрительномъ актѣ 27 Марта 1809 г.» *Moreau*, l. c., стр. 22; *Michoud Lapradelle*, стр. 24: «Финляндскій вопросъ былъ цѣликомъ и окончательно разрѣшенъ не въ Фридрихсгамѣ между Швеціею и Россіею, но въ Борго, между Финляндіею и Царемъ»; стр. 63; *Mechelin*, Meinungsverschiedenheiten и т. д., стр. 45 и слѣд. Съ другой стороны, основаніе русско-финляндскихъ отношеній усматриваютъ только въ Фридрихсгамскомъ мирномъ договорѣ: *Мартенсъ*, l. c., стр. 253; *Rivier*, Principes, I, стр. 77; *Еленевъ*, Les prétentions des séparatistes Finlandais, passim, и др.

Простое фактическое занятіе территоріи никоимъ образомъ не обосновывало титула пріобрѣтенія для завоевателя и не передавало ему обладанія государственною властью. Если и было прервано осуществленіе шведской государственной власти, то ея существованіе этимъ не прекращалось, и въ то время, когда Императоръ Александръ выступалъ въ Борго, Финляндія юридически принадлежала еще Швеціи [1]). Только съ заключеніемъ мира прекратилась юридическая возможность осуществленія шведской государственной власти на финляндской почвѣ. Когда сословія весною 1809 года собрались въ Борго, война еще не была окончена и устойчиваго положенія еще не было создано. Сеймъ въ Борго не имѣлъ никакого юридическаго основанія, ибо только король шведскій, а не кто либо другой, имѣлъ право созвать риксдагъ на основаніи имперскихъ (шведскихъ) основныхъ законовъ; конституціонные законы 1772 и 1789 гг. вообще не знали спеціальныхъ сеймовъ для Финляндіи или для какой либо другой части Швеціи. Поведеніе Александра I не подчиняется юридической квалификаціи: это не юридическій актъ, но историческое дѣйствіе, ибо до заключенія мира со Швеціею Онъ не былъ законнымъ сувереномъ страны, а только военнымъ оккупантомъ [2]). Такимъ образомъ, всѣмъ относящимся до государственно-правового положенія Финляндіи актамъ Александра, совершеннымъ имъ до заключенія мира, недостаетъ юридическаго значенія.

Однако, нѣкоторые писатели, по мнѣнію коихъ событіями въ Борго обосновано финляндское государство, ссылаются на современную теорію о происхожденіи государства. Эта теорія правильно допускаетъ, что для установленія правового состоянія достаточно однихъ фактическихъ обстоятельствъ, лишенныхъ всякой юридической квалификаціи, что это состояніе можетъ быть обязано своимъ присхожденіемъ даже дѣйствительному пра-

---

[1]) Невѣрно у *Fisher*'а, l. c., стр. 52: «Совершенно независимо отъ Фридрихсгамскаго трактата, Швеція уже потеряла всякое право вліять на судьбы Финляндіи».

[2]) Такимъ образомъ, до заключенія мира Александръ I не былъ законнымъ властителемъ Финляндіи, какъ полагаетъ *Getz*, l. c., стр. 33. Ср. *Bornhak*, Russland und Finnland, стр. 13: «Если даже допустить, что международное право того времени предоставляло державѣ, занимающей непріятельскую страну, болѣе широкія правомочія, чѣмъ современное международное право, все же она никакъ не могла имѣть права создавать длительныя учрежденія въ странѣ, которая съ точки зрѣнія международнаго права ей еще вовсе не принадлежала».

вонарушенію. Возникновеніе государства, даже если оно вызывается и сопровождается юридическими актами, имѣетъ чисто фактическое, лежащее внѣ права, основаніе. Оно во всѣхъ случаяхъ—не болѣе и не менѣе, какъ историческій фактъ, не могущій быть объясняемымъ или конструируемымъ юридически. Государство можетъ родиться изъ юридическаго акта, но можетъ возникнуть и изъ правонарушенія; для его существованія достаточно наличности трехъ существенныхъ его элементовъ [1]). Нѣтъ надобности, чтобы правонарушеніе, которому новое государство обязано своимъ происхожденіемъ, было признано въ своемъ юридическомъ значеніи послѣдующимъ актомъ прежней государственной власти; но если это случится, то актъ признанія является мѣриломъ правового объема и содержанія предшествовавшихъ дѣйствій. Прежняя государственная власть признаетъ права, установленныя этими событіями; признаніе это имѣетъ обратную силу и превращаетъ фактическій порядокъ отношеній между (въ данномъ случаѣ) завоевавшей державой и завоеванной страной *въ правовой* порядокъ.

Признаніе относится ко всей совокупности вновь созданнаго порядка, а не только къ одной его части; оно опредѣляетъ государственно-правовое положеніе уступленной территоріи наряду съ событіями, вслѣдствіе коихъ еще до признанія создалось ея новое устройство. Въ данномъ случаѣ какъ-разъ имѣется такое признаніе: Фридрихсгамскимъ мирнымъ договоромъ была признана организація, которую Финляндія получила уже раньше; договоръ обратилъ фактическую организацію страны въ правовую, давая ей санкцію. Для сужденія о государственно-правовомъ положеніи Финляндіи должны быть приняты въ соображеніе какъ событія до заключенія мира, такъ и условія самого договора; *послѣдній является юридическимъ титуломъ владѣнія Россіи Финляндіею.*

---

[1]) Ср. *Bornhak*, l. c., стр. 13—14. Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы стали обсуждать здѣсь подробно вопросъ о происхожденіи государства. Ср. превосходное изложеніе *Jellinek*'а, Allgemeine Staatslehre, стр. 259—276: «Новообразованіе государства закончено, когда всѣ существенныя части государства въ данномъ случаѣ несомнѣнно имѣются фактически на-лицо, и образовавшійся такимъ образомъ общественный союзъ уже въ состояніи проявлять дѣйствія»; «государство есть государство въ силу своего внутренняго существа». Ср. также *Seidler*, Das juristische Kriterium des Staates 1905, стр. 71 и слѣд.; *Gierke*, Deutsches Privatrecht, I, стр. 483 и слѣд.; Schmollers Jahrbuch. 1883, стр. 58 и слѣд.

Мы видимъ, что въ удостовѣрительномъ актѣ въ Борго никоимъ образомъ нельзя усматривать единственнаго основанія государственно-правового положенія Финляндіи. Одно изъ двухъ: или Александръ I могъ еще до заключенія мира дѣйствовать въ качествѣ суверена страны и давать ей организацію постояннаго и правового характера,—но тогда необходимо придать юридическое значеніе *всѣмъ* Его актамъ до заключенія мира, а не одному только удостовѣрительному акту (изъ чего слѣдуетъ, что Финляндія есть русская провинція съ особою организаціею); или Александръ не имѣлъ этого права,—тогда Онъ могъ сдѣлаться властителемъ страны только въ силу мирнаго договора, и только этимъ договоромъ могло быть правомѣрно устроено положеніе Финляндіи. Но въ такомъ случаѣ положеніе это должно быть основываемо не только на манифестѣ отъ 5 іюня и Боргоскомъ удостовѣрительномъ актѣ, но и на Фридрихсгамскомъ мирномъ договорѣ.

Настоящій вопросъ необходимо разсмотрѣть нѣсколько подробнѣе, такъ какъ при такой постановкѣ дѣла обнаруживаются, повидимому, серьезныя противорѣчія.

Мы видѣли, что въ силу удостовѣрительнаго акта въ Борго прежній правовой порядокъ въ Финляндіи сохранялся неизмѣннымъ, Фридрихсгамскимъ же мирнымъ договоромъ финляндскія губерніи были переданы въ неограниченную собственность [1]) Россіи. Актами въ Борго внутреннія дѣла Финляндіи были урегулированы, слѣдовательно, въ смыслѣ предоставленія странѣ автономіи; а по Фридрихсгамскому договору (дополненіе, имѣющее рѣшительное значеніе для юридической постановки)—Финляндія стала частью русскаго государства, въ немъ навсегда инкорпорированною. Финляндія была инкорпорирована и, съ момента инкорпораціи, юридически дѣйствительной, стала интегральной частью Имперіи—съ правомъ самоопредѣленія и самоуправленія (автономіи). Если же она сдѣлалась частью русскаго государства, то eo ipso подпала подъ дѣйствіе русской государственной власти. Но государственная власть эта осуществлялась тогда исключительно Императоромъ. Слѣдовательно, власть русскаго Императора, какъ такового, распространилась отнынѣ на Русскую Имперію со включеніемъ вновь завоеванной территоріи (см. Прил. 41, 48). Власть эта въ то время была неограниченною верховною властью, присущею главѣ абсолютной

[1]) Буквально: «en toute propriété et souveraineté». См. Прил. 38, 58.

монархіи. Такимъ образомъ, Финляндія подчинилась самодержавной власти русскаго Императора. Самое существо этой самодержавной власти исключаетъ возможность какого либо юридическаго ея ограниченія, ибо въ абсолютной монархіи осуществленіе государственной власти принадлежитъ Императору въ полномъ объемѣ. Правда, власть Его неограниченна не въ томъ смыслѣ, чтобы по Его волѣ могло быть уничтожено всякое право (восточный деспотизмъ); напротивъ, Его воля встрѣчаетъ ограниченія въ постановленіяхъ дѣйствующаго въ данный моментъ правопорядка, такъ что страна управляется законами, а не свободнымъ усмотрѣніемъ суверена [1]). И если Онъ юридически имѣетъ право, то фактически Онъ не въ состояніи осуществлять верховную власть въ ея полномъ объемѣ; чисто физическія причины вынуждаютъ Его дѣлить ее съ цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ, подчиненныхъ ему, органовъ [2]). Существеннымъ, однако, является то условіе, что правопорядокъ, въ предѣлахъ котораго дѣйствуютъ полномочія государственной власти, опредѣляется единственно волею суверена, и что законы, на коихъ основывается управленіе, издаются Имъ однимъ. Ему одному принадлежитъ неограниченное право давать и измѣнять законы. Изданный Имъ законъ Онъ можетъ свободно измѣнить, либо объявить недѣйствующимъ. Характерно въ абсолютизмѣ то, что соблюденіе законныхъ границъ въ законодательномъ и административномъ отношеніяхъ зависитъ отъ правовой воли одного суверена.

Такимъ образомъ, русскій Императоръ связанъ каждымъ закономъ только до тѣхъ поръ, пока Онъ его оставляетъ въ силѣ; Онъ можетъ во всякое время лишить его дѣйствія и замѣнить

[1]) Такъ было и въ Россіи до 1906 года. Въ силу статьи 42 Государственныхъ Основныхъ Законовъ, Россія въ юридическомъ смыслѣ была не деспотіею, а управлялась «на твердомъ основаніи законовъ».

[2]) Ср. *v.-Reusner*, Gemeinwohl und Absolutismus, Берлинъ 1904, стр. 137: «Въ дѣйствительности, монархъ перестаетъ быть независимымъ, такъ какъ свою власть онъ раздѣляетъ съ множествомъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ органовъ; главнымъ же образомъ она узурпируется министерствами. Фактически мѣсто монархизма занимаетъ бюрократія и преслѣдуетъ свои собственные сословные интересы... Принципъ независимости поглощается бюрократіей, какъ просвѣщенный абсолютизмъ—полицейскимъ уставомъ. Такъ образуется основаніе дальнѣйшаго развитія новаго государства, которое, принимая принципъ права за основной факторъ своего устройства и управленія съ одной стороны, спасаетъ монархическій принципъ, освобождая его отъ отвѣтственности предъ всемогущей бюрократіею, а съ другой—даетъ новыя формы той дѣйствительно благонравной и просвѣщенной политикѣ общественнаго блага, которая своимъ происхожденіемъ обязана европейскому абсолютизму».

новымъ. Высшій принципъ самодержавной власти дѣйствовалъ и въ Финляндіи съ момента присоединенія ея къ Россіи. Ставъ частью русскаго государства, поглощенная имъ, но съ нимъ не равноцѣнная [1]), Финляндія сдѣлалась составною частью территоріи, подчинявшейся дѣйствію абсолютной власти русскаго Императора. Въ силу этой власти, Императоръ могъ, какъ уже сказано, управлять страною по своему желанію. Дѣйствуя такъ, Александръ I обѣщалъ Финляндіи ея прежнія права, въ числѣ коихъ было и право финскаго народа на представительное участіе въ законодательствѣ. Императоръ ограничилъ такимъ образомъ свою власть правомъ сейма, создавъ тѣмъ самымъ конституцію, имѣвшую безспорно юридическую силу, но только такую же силу, какая присуща каждому изданному русскимъ Императоромъ закону. Ограниченіе Императорской власти продолжалось до тѣхъ поръ, пока оставался въ силѣ законъ, которымъ было создано это ограниченіе. Но вопросъ о томъ, какими гарантіями была связана эта сила дѣйствія, послѣ всего вышеизложеннаго не можетъ вызывать сомнѣній.

Всему этому не можетъ быть противопоставлено, что и абсолютный монархъ обязывается разъ навсегда даннымъ имъ словомъ, что онъ будто бы не можетъ измѣнить или уничтожить по своей свободной волѣ торжественно утвержденную имъ конституцію [2]). Каждый изданный монархомъ законъ содержитъ въ себѣ обязательство для него соблюдать этотъ законъ, т. е. имѣетъ характеръ обязательности. Болѣе или менѣе торжественная форма принятія такого обязательства не можетъ имѣть никакого вліянія на характеръ его дѣйствительности, ибо въ абсолютной монархіи для законовъ—будутъ ли это «постановленія» или «законы» (въ тѣсномъ смыслѣ), или «основные законы»,—существуетъ только одинъ родъ дѣйствительности, основанный на правовой волѣ монарха. Императоръ обязывается, напр., при восшествіи на престолъ свято блюсти и чтить законы престолонаслѣдія [3])—т. е. въ формѣ, равнозначащей

---

[1]) Ср. манифестъ отъ $^{5}/_{17}$ Іюня 1808 г.: «Въ чредѣ народовъ, Скипетру Россійскому подвластныхъ и *единую Имперію* составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени воспріяли навсегда свое мѣсто». Приложеніе № 1.

[2]) *Hermanson*, l. c., стр. 75; *Nyholm*, l. c., стр. 52; *Despagnet*, l. c., стр. 52; *Michoud-Lapradelle*, l. c., стр. 73; *Moreau*, l. c., стр. 23; *Pillet-Delpech*, l. c., стр. 7, 20; и мн. др.

[3]) Ср. Основные Государственные Законы (Свод. Зак., Т. I, ч. 1, изд. 1906 г., ст. 39 (24).

присягѣ,—но несомнѣнно, что онъ во всякое время юридически имѣетъ право ихъ измѣнить [1]).

Конечно, Александръ I, издавая удостовѣрительный актъ, принялъ на себя обязательство. Однако обязательство это не имѣетъ иного юридическаго характера, чѣмъ всякое другое, принятое на себя абсолютнымъ монархомъ. Оно не неотмѣнимо.

Такое обѣщаніе устанавливаетъ прежде всего моральныя обязательства. Юридически же Императоръ своимъ обѣщаніемъ, какъ бы торжественно оно ни было дано, «навсегда» или не навсегда, связанъ только до тѣхъ поръ, пока Онъ самъ хочетъ быть имъ связаннымъ. Это представляется, на что часто и указывалось, безспорно не только аномаліею, но явленіемъ, близко граничащимъ съ произволомъ. Самое существо абсолютизма обусловливаетъ, что юридическая сфера государственной власти имѣетъ, по нашему современному представленію, слишкомъ большой объемъ. По современнымъ правовымъ понятіямъ, абсолютное государство представляется самымъ крайнимъ отросткомъ «правового государства». Его существеннымъ признакомъ является недостатокъ въ юридическихъ гарантіяхъ.

Указывалось [2]), будто Императоръ не можетъ не признавать данную имъ конституцію связывающею его безвозвратно, ибо иначе всякій переходъ отъ абсолютнаго государства къ конституціонному режиму сдѣлался бы невозможнымъ, если бы монархъ по своей волѣ могъ взять обратно то, что далъ. Это возраженіе можетъ относиться, однако, лишь къ цѣлому государству и къ общей конституціи. Но совершенно разныя вещи, отрекается ли суверенъ отъ самодержавныхъ правъ по отношенію ко всей Имперіи, или Онъ оставляетъ инкорпорированной части ея особыя права. Въ первомъ случаѣ Онъ закономѣрнымъ актомъ воли уничтожаетъ самый абсолютизмъ (и послѣ этого Онъ односторонне уже не можетъ уничтожить такой волевой актъ, такъ какъ Онъ уже не абсолютный монархъ), въ послѣднемъ же случаѣ—Онъ даетъ части своей Имперіи особую (Его ограничивающую) форму пра-

---

[1]) То же у *Löning*'а, Handwörterbuch der Staatswissenschaften, т. VI, стр. 933 и слѣд. «И законы престолонаслѣдія юридически не связываютъ Императора, хотя каждый членъ императорской семьи долженъ при объявленіи его совершеннолѣтнимъ присягнуть, а Императоръ обязывается при коронаціи блюсти ихъ свято».

[2]) Ср. *Moreau*, l. c., стр. 23.

вленія. Однако, территорія эта остается притомъ въ числѣ частей государственнаго организма, подчиненнаго праву самодержавія. Подобное отреченіе высшей власти отъ совокупности принадлежащихъ ей правъ зависитъ отъ ея свободной воли, но логически немыслимо, чтобы абсолютный монархъ могъ стать ограниченнымъ монархомъ по отношенію къ одной части своей территоріи, въ смыслѣ неотмѣнимой зависимости отъ тѣхъ или другихъ особыхъ, сдѣланныхъ Имъ для этой части территоріи, уступокъ. Въ этомъ положеніи заключалось бы неразрѣшимое противорѣчіе [1]), ибо или монархъ не самодержецъ на этой части территоріи, а она—не входитъ въ составъ государства, подчиняющагося дѣйствію самодержавія,—тогда конечно нельзя односторонне упразднить конституцію этой части страны,—или данная область составляетъ часть общаго государства, а тогда конституція ея можетъ быть отмѣнена свободною волею монарха.

Съ этимъ правомъ самодержавной власти вполнѣ соединимо существованіе или продолженіе существованія особой конституціи. Но это дальнѣйшее существованіе является свободнымъ самоограниченіемъ суверенной власти, самоограниченіемъ, имѣющимъ не больше значенія, чѣмъ всякій другой, изданный этой властью, законъ.

Необходимо упомянуть здѣсь еще объ одномъ обстоятельствѣ. Въ то время, когда инкорпорировалась Финляндія, Россія была абсолютной монархіей. Теперь этого уже нѣтъ. Въ послѣдніе годы въ русскомъ государствѣ создано народное представительство, задача котораго—участвовать въ осуществленіи законодательной власти. Призванный къ тому органъ, Государственная Дума, была, правда, первоначально задумана лишь въ видѣ законосовѣщательнаго учрежденія и надѣлена только совѣщательными функціями (манифестъ 6/19 августа 1905 г. [2]), но вскорѣ стала законодательнымъ органомъ (манифесты 17/30 октября 1905 г. и 20 февраля/6 марта 1906 г. [3]), наряду съ которымъ былъ по-

---

[1]) *Jellinek*, Lehre von den Staatenverbindungen, стр. 74: «Невозможно, чтобы абсолютный властитель.... далъ одной части своего владѣнія неотмѣнимо ограничивающую его конституцію».

[2]) *v.-Lutzau*, Die Gesetze über die Begründung der Reichsduma und Umgestaltung des Reichsrats. Рига 1907, стр. 1 и слѣд. См. Прил. 67.

[3]) *v.-Lutzau*, l. c., стр. 52 и слѣд., 65 и слѣд. См. Прил. 67.

ставленъ, въ качествѣ второй палаты, реорганизованный Государственный Совѣтъ. Никакой законъ отнынѣ «не можетъ воспріять силы безъ одобренія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта»[1]). Этимъ Россія, безъ сомнѣнія, стала конституціоннымъ государствомъ [2]). Но измѣнилось ли вслѣдствіе того положеніе Финляндіи въ русскомъ государствѣ—вотъ интересующій насъ вопросъ. Отвѣтъ долженъ быть отрицательнымъ. Отношеніе Финляндіи къ Россіи осталось не затронутымъ всѣмъ этимъ превращеніемъ. Въ настоящее время Монархъ, правда, уже не абсолютный властитель, но положеніе Финляндіи относительно Имперіи никакимъ актомъ не измѣнено. А такъ какъ Финляндія уступлена не русскому Императору, но Россійской Имперіи «en toute propriété et souveraineté» [3]), то оказывается, что, съ прекращеніемъ абсолютизма, уже не одинъ только русскій Императоръ, но и стоящіе объ руку съ Нимъ законодательные органы пользуются вмѣстѣ съ Нимъ въ Финляндіи, какъ части русскаго государства, высшею законною властью.

Русская государственная власть осталась нераздѣльной, но ея сфера компетенціи, сконцентрированная прежде въ лицѣ Монарха, раздѣлена между нѣсколькими государственными органами. Монархъ, если Онъ хочетъ осуществить въ Финляндіи имперскую государственную власть, не можетъ обойтись безъ согласія народнаго представительства, поскольку Онъ въ Имперіи вообще нуждается въ этомъ согласіи. Поэтому отмѣна или измѣненіе особаго устройства Финляндіи,—которое de jure возможно и теперь,—можетъ послѣдовать только съ согласія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы.

---

[1]) Манифестъ 20 февраля—6 марта 1906 г., абзацъ 4 (*v.-Lutzau*, стр. 66).

[2]) Такое преобразованіе конечно не можетъ быть дѣломъ короткаго промежутка времени; съ этой точки зрѣнія, правительственныя распоряженія послѣ изданія приведенныхъ манифестовъ, являющіяся осуществленіемъ самодержавной власти (т. е. вопреки манифестамъ), представляются не возвратомъ къ «ancien régime», но неизбѣжнымъ остаткомъ прежняго періода, въ нѣкоторой степени остатками абсолютизма. Столь коренное измѣненіе въ исполинскомъ государственномъ организмѣ не можетъ быть проведено сразу. Если нѣкоторыя изъ правительственныхъ распоряженій послѣдняго времени и не конституціонны, то это еще не доказываетъ, что русская конституція значится только на бумагѣ. Мѣры, прямо противорѣчащія конституціи, становятся все рѣже, и призванные къ тому органы привлекаются все въ большей степени къ участію въ законодательствѣ. Россія вступила въ сферу конституціонализма.

[3]) Ср. выше, стр. 45. См. Прил. 66.

Такимъ образомъ, измѣнилось не положеніе Финляндіи относительно Имперіи, какъ таковой, и не право господства Имперіи надъ Великимъ Княжествомъ, а только способъ осуществленія этого права. Въ правовомъ положеніи наступила только формальная, а не матеріальная, перемѣна.

§ 7. Финляндія и Россія въ 1808—1908 г.г.

Такимъ образомъ Финляндія, стала объектомъ русской государственной власти, частью русской Имперіи—но получила въ то же время совершенно особую организацію. Императоръ, который принялъ титулъ Великаго Князя Финляндскаго (см. Прил. № 37), ограничилъ свое право законодательства въ отношеніи Финляндіи въ пользу сословнаго собранія и сохранилъ въ силѣ оставшіеся отъ шведскихъ временъ порядки почти во всѣхъ отрасляхъ управленія и юстиціи. Публично-правовая жизнь и развитіе Финляндіи оставались съ тѣхъ поръ совершенно обособленными, весь правительственный и административный строй былъ и оставался отдѣленнымъ отъ русскихъ учрежденій. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставались неизмѣнными и связь съ Россіею, и положеніе Финляндіи, какъ части русской территоріи. Дѣйствіе русской государственной власти распространялось непрерывно и на финляндскую территорію. Въ общемъ русская власть, правда, отошла на задній планъ, но ея дѣйствія можно прослѣдить отъ временъ инкорпораціи до настоящаго времени. Русскій Императоръ, бывшій тогда единственнымъ органомъ этой государственной власти, принялъ, правда, титулъ «Великаго Князя Финляндскаго» и тѣмъ присвоилъ себѣ особое достоинство, но о какомъ либо отдѣленіи финляндскаго великокняжескаго отъ Россійскаго Императорскаго достоинства не возникало и рѣчи, и какъ Александръ I, такъ и Его преемники продолжали и въ Финляндіи осуществлять свои самодержавныя права (ср. Прил. 51, 57, 60, 64).

Заслугою *Еллинека* [1]) слѣдуетъ считать указаніе, что въ соединеніи обоихъ достоинствъ—«Великаго Князя Финляндскаго» и «Русскаго Императора»—нельзя видѣть соединенія двухъ отдѣльныхъ монархическихъ достоинствъ въ одномъ лицѣ, какъ оно проявляется въ соединеніяхъ двухъ государствъ. Въ соедине-

[1]) Ср. *Jellinek*, Ueber Staatsfragmente, стр. 40 и слѣд. *Онъ же*, Allgemeine Staatslehre, стр. 478. Ср. также статью *Э. Н. Берендтса* «Финляндія и г. Милюковъ» въ газетѣ «Россія», № 762, отъ 20 Мая 1908 г. Издана въ 1910 г. особою брошюрою.

ніяхъ государствъ соединяются въ одномъ лицѣ два другъ отъ друга обособленныя, юридически совершенно отдѣльныя, монархическія достоинства. Этого нѣтъ въ Финляндіи, ибо русскій Наслѣдникъ престола, становясь русскимъ Императоромъ, тѣмъ самымъ становится, ipso jure, и Великимъ Княземъ Финляндскимъ. Финляндское право престолонаслѣдія заключается въ русскомъ порядкѣ престолонаслѣдія, и кому править Финляндіей—опредѣляется соотвѣтствующими русскими законами. Всѣ вопросы престолонаслѣдія и наслѣдства, несовершеннолѣтія Монарха и наступающаго при этомъ регентства, вѣроисповѣданія Монарха и т. д. [1])—рѣшаются только русскими законами. Титулъ «Великій Князь Финляндскій» новый Монархъ получаетъ въ силу русскаго, а не финляндскаго, права. Великокняжеское достоинство это находится въ зависимой связи съ русскимъ Императорскимъ достоинствомъ, составляетъ часть его и содержится въ немъ. Поэтому нельзя юридически вполнѣ отдѣлить русскаго Императора отъ Великаго Князя Финляндскаго. Одинъ зависитъ отъ другого, ибо право господства второго черпаетъ свою силу изъ права перваго. Напротивъ того, при соединеніи государствъ въ правѣ Монарха одного государства никогда не заключается права быть главою и другого государства (см. Прил. 37, 48, 51).

Юридическаго разобщенія обоихъ достоинствъ нельзя вполнѣ провести. Соотвѣтственно этому, и въ фактическомъ развитіи соединенія Финляндіи съ Россіей нельзя указать такого разобщенія; напротивъ, замѣчается постоянное смѣшеніе правъ Монарха въ качествѣ «Великаго Князя Финляндскаго» и «Русскаго Императора». Исторія отношеній обѣихъ странъ показываетъ, что Русскій Императоръ, какъ таковой, проявлялъ юридическія дѣйствія въ Финляндіи. Всѣ русскіе Монархи сохранили своеобразное положеніе Финляндіи, сохраняли и расширяли конституцію и привилегіи страны, но всѣ Они неизмѣнно считали Финляндію составною частью русской Имперіи. Въ этомъ легче всего убѣдиться, если ознакомиться съ исторіей.

I. Финляндія при Александрѣ I.

Когда обладаніе Финляндіею представлялось для Россіи уже фактически обезпеченнымъ, Александръ I приступилъ къ органи-

[1]) Ср. Основные Государственные Законы, изд. 1906 г., Гл. II: О порядкѣ наслѣдія престола; Гл. III: О совершеннолѣтіи Государя Императора, о правительствѣ и опекѣ; Гл. IV: О вступленіи на престолъ и о присягѣ подданства. Гл. VII, ст. 62 и т. д.

заціи мѣстнаго управленія, примѣнительно къ вновь создавшимся условіямъ [1]). Первая забота должна была коснуться, конечно, центральнаго управленія. Указомъ отъ $\frac{19 \text{ ноября}}{1 \text{ декабря}}$ 1808 г. былъ созданъ временный правительственный комитетъ для всего гражданскаго управленія, во главѣ котораго былъ поставленъ Генералъ-Губернаторъ. Этотъ постъ былъ учрежденъ не только для потребностей даннаго момента, но навсегда, и сохраненъ безъ перерыва до сего дня — *вопреки* § 33 «Формы Правленія», опредѣленно воспрещающаго назначеніе Генералъ-Губернатора, за исключеніемъ обстоятельствъ чрезвычайныхъ [2]). Вопросъ о центральномъ управленіи обсуждался затѣмъ спеціально для того назначенною коммисіею на Боргоскомъ сеймѣ, проектъ которой, по одобреніи его въ С.-Петербургѣ, былъ представленъ въ пленарное засѣданіе Сейма и былъ имъ принятъ. На основаніи этого проекта, *но съ нѣкоторыми измѣненіями*, появился (слѣдовательно—по соглашенію, въ конституціонномъ порядкѣ, съ сословіями) 6/18 августа 1809 г. «Règlement de S. M. l'Empereur Alexandre I, Autocrate de toutes les Russies etc. etc., pour l'organisation du Conseil de Régence dans le Grand-Duché de Finlande [3]). Этому Правительственному Совѣту, состоявшему, подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ Генералъ-Губернатора, изъ двухъ департаментовъ (для судебныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ), должно было подчиняться «общее управленіе Финляндіею». Манифестомъ 17/29 дек. 1809 г. въ Финляндіи введена, по предложенію сейма, русская серебряная монета [4]). Въ 1809 г. Финляндія включена въ VIII округъ Имперскихъ путей сообщенія (Прил. 40).

Въ слѣдующемъ году Императоръ повелѣлъ, чтобы причитающіяся Финляндскому Генералъ-Губернатору столовыя деньги выплачивались напередъ изъ русскаго государственнаго казна-

---

[1]) Ср. выше, стр. 42—43.

[2]) «Впредь не должно быть... Генералъ-Губернатора, кромѣ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, когда онъ будетъ назначаемъ на опредѣленное время». Ср. *Constitution*, стр. 58. О совѣщательномъ значеніи сейма см. Прил. 7, 33.

[3]) Этотъ регламентъ изданъ на французскомъ языкѣ. Ср. Statssecretariatets Akter, 1809, № 9; особ. листы 60—84. *Ордин.*, II, приложеніе № 126.

[4]) Ср. Statssecretariatets Akter 1809, № 10, листы 14—15. «Разсмотрѣвъ отвѣтствія, вслѣдствіе сего отъ чиновъ Сейма Намъ представленныя, на основаніи оныхъ постановляемъ: 1) Согласно *заключенію* Сейма признать россійскую серебряную монету главною и коренною Великаго Княжества Финляндскаго монетою, ...».

чейства [1]). Указомъ $\frac{20 \text{ іюня}}{2 \text{ іюля}}$ 1810 г. [2]) постановлялось, что остатокъ по финляндскому годовому бюджету, въ размѣрѣ 1.726.000 руб., долженъ быть внесенъ въ русское государственное казначейство въ видѣ возмѣщенія издержекъ на содержаніе русскихъ войскъ въ Финляндіи. Правда, указъ этотъ остался неисполненнымъ, но интересно, что ни Монархъ не колебался употребить финляндскія деньги на чуждыя управленію областью цѣли, ни Правительственный Совѣтъ не находилъ въ этомъ ничего противоконституціоннаго, хотя указъ этотъ и противорѣчилъ § 45 «Формы Правленія» [3]). Затѣмъ, $\frac{25 \text{ октября}}{6 \text{ ноября}}$ 1811 г. въ С.-Петербургѣ была учреждена «Коммисія финляндскихъ дѣлъ» [4]), задачею которой было подвергать направляемыя къ Монарху бумаги, касающіяся гражданскаго управленія, послѣ ихъ обсужденія въ Сенатѣ, вторичному обсужденію. Этотъ коллегіальный органъ былъ задуманъ въ видѣ временнаго учрежденія и просуществовалъ только 15 лѣтъ. Манифестомъ отъ 11 Дек. («внявъ мнѣнію Госуд. Совѣта»), отдѣлены отъ Имперіи и присоединены къ Финляндіи [5]) уступленныя Швеціею въ 1721 и 1743 годахъ прежнія финляндскія земли (Выборгская губернія). И въ этомъ вопросѣ Александръ I не соблюлъ условій, коими обставлены въ конституціонныхъ странахъ территоріальныя пріобрѣтенія или уступки; сеймъ въ этомъ дѣлѣ не былъ опрошенъ, хотя законы 1772 и 1789 годовъ не давали Монарху права на измѣненіе собственною властью территоріи страны.

Указомъ отъ $\frac{31 \text{ января}}{12 \text{ февраля}}$ 1812 г. дана инструкція Генералъ-Губернатору, которая почти 100 лѣтъ оставалась въ

---

[1]) Указъ отъ $\frac{26 \text{ апрѣля}}{8 \text{ мая}}$ 1810 г. Ср. Statssecretariatets Akter 1810, № 81, лист. 3.

[2]) Ср. *Берендтсъ*, Административное право, II, стр. 23. См. Матеріалы по финансамъ Финляндіи. 1910. Гос. Тип.

[3]) «Королю слѣдуетъ покровительствовать и защищать государство, а особенно противу непріятельскихъ силъ, но онъ не можетъ противу присяги своей при помазаніи и своего Акта увѣренія наложить на подданныхъ какіе либо военные налоги, новые поборы и подати безъ вѣдома и добровольнаго государственныхъ чиновъ согласія....» (перев. у Ордина, II, прил. 61). См. Прил. 41 п. 1.

[4]) Ср. *Берендтсъ*, Административное право, II, стр. 31 и слѣд.

[5]) Ср. Statssecretariatets Akter 1811, № 3, листы 4—6. «По мѣстному положенію Старой Финляндіи, находя полезнымъ присоединить оную къ Великому Княжеству Финляндіи, признали Мы за благо постановить слѣдующее: 1) Финляндская губернія присоединяется къ Великому Княжеству Финляндіи и въ общемъ его составѣ будетъ именоваться губерніею Выборгскою» (маниф. 11 декабря 1811 г.). См. Приложеніе № 41.

силѣ [1]). Эта инструкція въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ограничивала права представителя Верховной Власти, которому въ предыдущемъ (1811) году были даны весьма широкія полномочія въ управленіи страною. Далѣе, рескриптомъ отъ 8/20 сентября 1812 года [2]) было опредѣлено, что финляндскія войска должны быть употребляемы исключительно для защиты Финляндіи и Балтійскаго побережья; однако, распоряженіе это спустя 10 лѣтъ отмѣнено по ходатайству финляндскаго войска (см. Прил. 43). Въ томъ же году урегулированы и торговыя дѣла: опубликованъ таможенный тарифъ для Финляндіи (первый послѣ присоединенія ея къ Россіи), имѣвшій цѣлью ассимиляцію финляндской и русской таможенной системы (см. Прил. 42, 44, 45). Въ послѣдующіе годы, съ 1812 по 1818, русскія Министерства и учрежденія часто участвовали въ разрѣшеніи чисто финляндскихъ вопросовъ, и многіе документы Архива Статсъ-Секретаріата свидѣтельствуютъ, что не только вопросы такъ-сказать внѣшней политики (какъ, напр., таможенные вопросы), но и внутреннія дѣла регулировались при содѣйствіи русскихъ Министровъ. Выработанный въ 1817 году коммисіею въ Або проектъ устава Финляндскаго Александровскаго университета былъ также подвергнутъ обсужденію въ спеціальномъ комитетѣ при русскомъ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

Мы видимъ, что въ теченіе всего царствованія Александра I, создателя новаго юридическаго положенія Финляндіи, сохранялась мысль, что Финляндія является частью русскаго государства, и воззрѣніе это, наряду съ сохраненіемъ особой правительственной системы, играло важную роль. Александръ I никогда не доходилъ до мысли считать Финляндію страною, соединенною съ Россіею только въ лицѣ Монарха (см. Прил. 39—48).

Въ возраженіе много разъ указывалось на мнѣнія и случайныя изреченія Императора Александра I; на нихъ ссылаются сторонники государственной самостоятельности Финляндіи, чтобы доказать, что Александръ I хотѣлъ Финляндію сдѣлать государствомъ съ политическимъ существованіемъ.

Весьма возможно, что Императоръ нѣкоторое время былъ очень серьезно занятъ мыслью объ особомъ государственномъ существованіи Финляндіи, такъ какъ многія безспорно установленныя вы-

[1]) См. стр. 76.—Ср. *Берендтсъ*, Административное право, II, стр. 175.

[2]) Ср. *Берендтсъ*, Кое-что о современныхъ вопросахъ, стр. 87.

раженія Его даютъ возможность допустить, что Онъ представлялъ себѣ дальнѣйшее существованіе Финляндіи не въ видѣ административнаго округа Имперіи, а въ иной формѣ [1]). Однако, здѣсь надо имѣть въ виду двоякаго рода соображенія. Во первыхъ, Александръ I былъ необычайно колеблющагося характера и легко подчинялся постороннимъ вліяніямъ; преисполненный въ началѣ своего царствованія—т.е. именно во время завоеванія Финляндіи—весьма либеральныхъ, даже республиканскихъ идей, Онъ въ позднѣйшіе годы выказалъ Себя строго монархическимъ властителемъ и недвусмысленно подчеркивалъ свое самодержавіе и полноту власти [2]). А затѣмъ—рѣшительное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что нѣтъ ни одного документа, изъ котораго бы вытекало, что Александръ I основалъ Финляндское *государство* какимъ либо дѣйствіемъ, имѣющимъ правовой характеръ. Личныя мнѣнія Александра, часто мѣнявшіяся, ничего не измѣнили въ фактическихъ событіяхъ Его царствованія и не имѣли также никакого значенія для Его преемниковъ. Государственно-правовое свойство Финляндіи не можетъ основываться на высказанныхъ Императоромъ мнѣніяхъ. Юридически не имѣетъ значенія, говорилъ и хотѣлъ ли Императоръ то или иное; пока Онъ этого не сдѣлалъ въ связывающей формѣ, Его желаніе и Его воля не имѣютъ значенія и представляютъ лишь историческій интересъ [3]).

---

[1]) Относящіяся слова и изреченія Александра см. въ особенности у *Danielson*'а, l. c., passim; также у *Hermanson*'а, l. c., *Nyholm*'а, l. c., и мн. др.

[2]) Относительно характеристики Александра I ср. *Шильдеръ*, Матеріалы по исторіи царствованія Императора Александра I. СПБ. 1897—98. 4 тома. *Comtesse Choiseul-Gouffier*, Mémoires historiques sur Alexandre I et la cour de Russie; Парижъ 1829; Condition juridique de la Finlande, стр. 76, 81.

[3]) Если *Hermanson*, l. c., стр. 5 и слѣд., на цѣлыхъ 4 страницахъ доказываетъ, будто Императоръ опредѣленно назвалъ утвержденные имъ основные законы «конституціею» и говорилъ о «политическомъ существованіи финской націи», то это еще не можетъ служить доказательствомъ въ пользу государственнаго характера Финляндіи. «Конституціи» или «государственное устройство» имѣютъ отнюдь не одни государства. Какъ въ научной, такъ и въ обыкновенной разговорной рѣчи, этотъ терминъ подходитъ и для обозначенія основныхъ законовъ такихъ общественныхъ союзовъ, которые обладаютъ весьма широкою автономіею, не будучи при этомъ вовсе государствами. Такъ, напр., и англійскія колоніи, не могущія претендовать на признаніе за ними государственнаго характера, имѣютъ свою «конституцію». А кто же станетъ отрицать, что Канада или Австралія ведутъ «политическое существованіе»? Во времена Александра I, во всякомъ случаѣ—въ Россіи, самое понятіе «конституція» не было яснымъ и употреблялось не только для обозначенія конституцій государствъ. Это доказано *Коркуновымъ* въ «Вѣстникѣ Права» (октябрь

Часто также цитируется выраженіе Министра Сперанскаго—правой руки Императора: «Финляндія—государство, а не губернія» [1]).

Но тотъ же Сперанскій поставилъ первымъ пунктомъ своей программы управленія Финляндіею: *Самодержавная власть* Монарха должна быть усилена подробностями управленія (ср. Прил. 64). И въ одной помѣткѣ Сперанскаго отъ 1810 года (сохранившейся въ Архивѣ Государственнаго Совѣта) рядомъ съ фразою «Финляндія инкорпорирована» находится замѣчаніе: Да, она инкорпорирована, но безъ нужды нѣтъ причины объ этомъ упоминать. Что же касается вышеприведеннаго выраженія «государство», то оно въ то время употреблялось не только для самостоятельныхъ государствъ, но и для особыхъ привилегированныхъ частей страны, имѣвшихъ собственное управленіе [2]).

2. Финляндія при Николаѣ I.

Когда въ 1825 году скончался бездѣтнымъ Александръ I, то по порядку престолонаслѣдія право на престолъ переходило къ старшему изъ его братьевъ, Константину. Русскія правительственныя учрежденія, равно какъ и Генералъ-Губернаторъ, Сенатъ и суды въ Финляндіи, и присягнули Ему по общеимперской формѣ [3]). Но вслѣдъ за тѣмъ обнаружилось, что Великій Князь Константинъ, въ виду морганатическаго брака своего съ графинею Грудзинскою, еще въ 1822 году отрекся отъ своего права на престолъ. Онъ повторилъ теперь это отреченіе въ пользу брата своего Николая, которому и была принесена, недѣли три спустя, присяга на вѣрность.

Вскорѣ, именно 17/29 марта 1826 г., особымъ манифестомъ была упразднена коммисія финляндскихъ дѣлъ [4]). Ея мѣсто занялъ Финляндскій Статсъ-Секретаріатъ во главѣ со Статсъ-Секретаремъ. Послѣднему предоставлено право личнаго доклада у Монарха по всѣмъ дѣламъ, которыя «согласно кореннымъ законамъ

1899 г.). Безцѣльно приводить мнѣнія Императора въ доказательство такого утвержденія, правильность котораго можетъ быть обоснована только актами, имѣющими правовое значеніе.

[1]) Это мнѣніе приведено въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XXI, стр. 456.—Финляндія именуется провинціею—см. Приложенія №№ 33—35, 39—42, 44—47, 54, 59.

[2]) Ср. *Головинъ*, Листки изъ прошлаго Финляндіи и т. д., 1891. Ср. приложенія 15, 41.

[3]) Ср. Statssecretariatets Akter 1825, № 273—276. См. Приложеніе № 48.

[4]) Ср. *Берендтсъ*, Административное право, II, стр. 31—33. См. Прил. 49.

и основнымъ постановленіямъ онаго края подлежатъ разсмотрѣнію и разрѣшенію Верховной Власти». Именнымъ указомъ Генералъ-Губернатору отъ 6/18 декабря 1834 г. Статсъ-Секретарю было присвоено званіе Министра Статсъ-Секретаря (П. С. З. № 7618).

Выс. утв. 25 марта 1826 г. мнѣніе Гос. Совѣта, коему былъ представленъ докладъ Финляндскаго Сената, опредѣляло [1]), что преступленія, совершаемыя финляндцами въ Россіи или русскими въ Финляндіи, подлежатъ судебному преслѣдованію по законамъ той страны, гдѣ они совершены.

Еще въ томъ же году появилось распоряженіе, незначительное по содержанію, но ясно показывающее, какъ понималась и при Николаѣ I связь Финляндіи съ Россіей,—постановленіе отъ 5 іюля 1826 г., устанавливавшее взиманіе съ безпошлинно вывозимыхъ въ Финляндію изъ Россіи лошадей, въ случаѣ вывода ихъ за-границу, пошлины по русскому таможенному тарифу въ *пользу русскаго государственнаго казначейства* [2]). Равнымъ образомъ, постановленіемъ отъ 2/14 августа 1827 г. разрѣшенъ былъ натурализованнымъ въ Финляндіи лицамъ греко-каѳолическаго исповѣданія доступъ къ гражданскимъ и военнымъ должностямъ, право, принадлежавшее, по § 1 «Формы Правленія», только лицамъ лютеранскаго исповѣданія [3]). Въ томъ же году, постановленіемъ отъ 9/21 октября, была введена русская мѣра—верста, какъ подраздѣленіе финляндской мили [4]). Въ 1828 г. появился новый уставъ мѣстнаго университета, выработанный особымъ комитетомъ и затѣмъ разсмотрѣнный коммисіею русскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія [5]). Окончившимъ Императорскій Гельсингфорсскій университетъ были предоставлены при поступленіи на русскую государственную службу всѣ права, принадлежавшія студентамъ «другихъ Императорскихъ университетовъ» (указъ отъ 1/13 августа 1834 г.). Университетскій уставъ 1828 г. былъ замѣненъ новымъ 1 октября 1852 г.; во главѣ независимаго отъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій уни-

---

[1]) Ср. П. С. З. № 210; Plakater 1826 г., іюня 2.

[2]) Ср. П. С. З. № 210; Plakater 1826 г., іюня 2.

[3]) Ср. *Bornhak*, Russland und Finnland, стр. 24. *Nyholm*, l. c. стр. 56; *Michoud-Lapradelle*, l. c., стр. 32; *Sarmatus*, Russland und Finnland, стр. 12. См. Прил. № 52.

[4]) Ср. приложеніе 16-е.

[5]) Ср. обширный трудъ *Берендтса*, Императорскій Александровскій университетъ въ Финляндіи, особенно гл. II.

верситетскаго управленія былъ поставленъ назначаемый Императоромъ Канцлеръ.

Правительственными мѣропріятіями большого значенія были далѣе: инструкція для таможеннаго управленія Финляндіи отъ 28 мая 1839 г. [1]); манифестъ $\frac{28 \text{ марта}}{9 \text{ апрѣля}}$ 1840 г., упорядочившій денежную систему и установившій русскій серебряный рубль основою валюты (см. Прил. 18); постановленіе отъ 13/26 января 1848 г., установившее организацію учрежденной въ 1819 году и присоединенной къ Статсъ-Секретаріату «Финляндской Паспортной Экспедиціи»; положеніе для финляндскаго кадетскаго корпуса 8 мая 1850 г.; наконецъ, постановленіе 1 декабря 1851 г., требовавшее знаніе финскаго языка отъ всѣхъ претендентовъ на судебныя или административныя должности въ мѣстностяхъ, населенныхъ по преимуществу финнами.

Сеймъ въ царствованіе Николая I ни разу не созывался. Если надо было принять рѣшеніе по дѣлу, которое, по конституціи, требовало участія сословій, то созывъ ихъ избѣгался, путемъ признанія его «несвоевременнымъ», «неудобнымъ» и т. п. [2]). Что Финляндія и въ это время считалась составною частью русскаго государства, показываетъ, кромѣ вышеупомянутыхъ мѣропріятій, также постановленіе отъ 2/14 октября 1829 г. о цензурѣ въ Финляндіи. Въ немъ говорится: «...Мы, желая привесть узаконенія, дѣйствующія нынѣ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, по части цензуры и книжной торговли въ надлежащую согласность съ постановленіями, изданными въ семъ же отношеніи *для прочихъ частей Имперіи Нашей*... признали за благо... повелѣть:...» и т. д. [3]).

III. Финляндія при Александрѣ II.

Когда въ 1855 году Императоръ Николай I скончался, была въ полномъ разгарѣ Крымская война. Финляндія была тоже ея театромъ, и населеніе выказало себя вѣрнымъ своему Монарху. Новый

[1]) Ср. Plakater 1839 г., № 39. Всѣ послѣдующіе указы, манифесты и т. д. напечатаны въ соотвѣтствующихъ томахъ этого оффиціальнаго законодательнаго сборника, а также въ Собраніи Постановленій Финляндскихъ (1808—1859 г.г.).

[2]) Согласно § 38 «Формы Правленія», Монархъ не обязанъ регулярно созывать сеймъ; напротивъ того, онъ воленъ собирать сословія въ назначаемое имъ самимъ время. О кодификаціи основныхъ законовъ см. Приложеніе № 51.

[3]) И финскіе авторы признаютъ, что власть Монарха издавать постановленія осуществлялась не всегда согласно съ конституціею; такъ, напр., Das *Recht* Finnlands und seine Wehrpflichtfrage, стр. 13. *Nestor*, Die gegenwärtige Lage, въ Finnl. Rundschau. 1901, I, стр. 8. См. Приложенія 50, 54.

Монархъ подтвердилъ, подобно своему предшественнику, основные законы края, съ которымъ Онъ ознакомился еще до восшествія на Престолъ, въ качествѣ Канцлера мѣстнаго университета, и время Его царствованія обѣщало получить громадное значеніе для дальнѣйшаго развитія Финляндіи. По окончаніи Крымской войны, въ общественной жизни Россіи обнаружилось совершенно новое, захватывающее теченіе. Событія, потрясшія въ серединѣ столѣтія всю Западную Европу, нашли свой отзвукъ и на востокѣ. То было такъ называемое «освободительное движеніе», сильное броженіе въ верхнихъ общественныхъ слояхъ, выказавшееся въ либеральныхъ тенденціяхъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Либерализмомъ этимъ было охвачено и правительство. Александръ II сталъ въ центрѣ движенія и оказался воодушевленнымъ приверженцемъ новыхъ идей. Для Финляндіи пришло время новыхъ надеждъ и желаній. И, дѣйствительно, ходъ постепеннаго развитія отношеній Финляндіи къ Имперіи одухотворялся нѣкоторое время тѣмъ же направленіемъ, коимъ отличалось все царствованіе Александра II. Законодательство и управленіе Финляндіи отступаетъ съ того времени все болѣе и болѣе отъ интересовъ Имперіи, самостоятельность края пріобрѣтаетъ во всѣхъ областяхъ все болѣе твердую почву; связь съ Имперіей ослабляется, сознаніе необходимости связи исчезаетъ настолько, что каждая попытка сдѣлать отношенія болѣе тѣсными стала считаться правонарушеніемъ.

Уже въ ближайшіе годы обнаружились слѣды этого развитія. Съ одной стороны видно стремленіе финляндцевъ достичь полной самостоятельности страны, съ другой наблюдается предупредительность Монарха, дававшая право на самыя смѣлыя надежды.

Вскорѣ раздались громкіе голоса, требовавшіе созыва сейма, ни разу не собиравшагося съ 1809 года. Императоръ не замедлилъ исполнить желаніе страны. Но когда манифестомъ 10 апрѣля 1861 г. Онъ созвалъ «Коммисію выборныхъ представителей сословій для обсужденія неотложныхъ законодательныхъ вопросовъ», то въ Финляндіи стало открыто высказываться опасеніе, что эти выборные замѣнятъ собою на будущее время самый сеймъ; только опредѣленное заявленіе Монарха, что сеймъ будетъ созванъ въ самое ближайшее время, успокоило взволнованные умы.

6/18 сентября 1863 г. Александръ II лично открылъ сеймъ многозначащею рѣчью [1]). Онъ призналъ, что для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ необходимо согласіе сейма; Онъ говорилъ о принципѣ конституціонной монархіи, на которомъ основаны всѣ законы и учрежденія страны. Онъ поставилъ на очередь, для разсмотрѣнія ближайшимъ сеймомъ, измѣненіе коренныхъ законовъ, ставшихъ несовмѣстными съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія княжества къ Имперіи.

Рѣчи этой однако же нельзя придавать того значенія, будто ею вызвано принципіальное измѣненіе правового положенія Финляндіи; даже если видѣть въ ней ясное подтвержденіе того положенія, будто Финляндія представляетъ собою государство, то все же признаніе это могло бы имѣть рѣшающее значеніе только въ томъ случаѣ, если бы были проведены необходимыя для полнаго отдѣленія страны отъ Россіи реформы. Значеніе рѣчи состоитъ въ заключающемся въ ней планѣ принципіальнаго реформированія правового положенія Финляндіи въ смыслѣ полной самостоятельности: едва ли будетъ ошибочно допустить, что Монархъ питалъ этотъ замыселъ.

Но выполненъ этотъ замыселъ не былъ. Нѣкоторыя изъ обѣщаній остались безъ исполненія. Въ Финляндіи случилось то же, что и въ Имперіи. И тамъ были задуманы реформы, долженствовавшія обновить государство съ самаго основанія, и именно въ либеральномъ духѣ; созданіе же конституціоннаго государства, съ народнымъ представительствомъ по западно-европейскому образцу, должно было стать краеугольнымъ камнемъ и вѣнцомъ вновь сооружаемаго государственнаго зданія. Но этотъ преобразовательный трудъ остался неоконченнымъ какъ въ Россіи, такъ и въ Финляндіи; тамъ онъ достигъ наивысшей точки съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (1861 г.), здѣсь—остановился на рядѣ мѣропріятій, значительно усилившихъ, правда, самостоятельность Финляндіи, но не настолько, какъ это первоначально имѣлось въ виду. Болѣе всего въ этомъ была вина самихъ финляндцевъ, такъ какъ либеральныя намѣренія правительства вызывали въ Финляндіи явленія, которыя могли только охладить интересъ Александра къ дальнѣйшему осуществленію Его цѣлей.

---

[1]) Ср. Приложеніе 17-е.

Уже въ 50-хъ годахъ обнаружилось въ Финляндіи движеніе (такъ наз. «Союзъ безкровныхъ»), откровенно добивавшееся полнаго отдѣленія страны отъ Россіи, и пропаганда въ этомъ смыслѣ оказалась небезрезультатною. Выступали политическіе дѣятели, требовавшіе для Финляндіи собственнаго флага, желавшіе видѣть Финляндію нейтральнымъ государствомъ, агитировавшіе въ пользу сооруженія памятниковъ для героевъ, павшихъ въ борьбѣ 1808 года «съ врагами отечества». Дѣло дошло до того, что дворянская курія сейма занялась серьезно и подробно вопросомъ, могутъ ли участвовать въ засѣданіяхъ три финляндскихъ дворянина, состоявшіе на службѣ «иностраннаго Монарха» (т. е., Александра II)! Все это разсердило Императора, и Онъ даже угрожалъ распустить сеймъ. Въ рѣчи при закрытіи сейма ясно звучитъ разочарованіе въ трудахъ сословій, которыя, вмѣсто того, чтобы упрочить тѣсную связь съ Имперіей, стремились эту связь ослабить.

Но, несмотря на это, царствованіе Александра II было временемъ крупныхъ реформъ почти во всѣхъ областяхъ общественной жизни Финляндіи (см. Приложенія №№ 53—55).

Сеймъ сталъ собираться регулярно каждыя пять лѣтъ: онъ созывался въ 1867, 1872, 1877 г.г. Вскорѣ послѣ закрытія сейма 1863—1864 г. была учреждена, безъ вѣдома Генералъ-Губернатора, особая коммисія для кодификаціи мѣстныхъ основныхъ законовъ; составленный ею проектъ формы правленія одобренія Александра II не удостоился. Сейму 1867 г. былъ представленъ вновь выработанный сеймовый уставъ, 3/15 апрѣля 1869 г. Этотъ новый процессуальный основной законъ [1]) установилъ во всѣхъ подробностяхъ составъ, порядокъ занятій сейма и его правомочія [2]). Уже въ 1857 г.

---

[1]) Текстъ см. въ *Constitution*, стр. 73 и слѣд.: *Dareste*, II, стр. 165; Сборн. Пост., №11.

[2]) Особенный интересъ представляетъ статья 71, согласно которой основные законы могутъ быть вновь создаваемы или измѣняемы только по иниціативѣ Монарха и единогласному заключенію 4 сословій. Постановленіе это касается только формы, въ которой должно послѣдовать согласіе сейма: «Сеймовый уставъ не сохраняетъ за областными установленіями законодательной власти, которой они не имѣли раньше: эта власть предполагается уже существующею у нихъ. Сеймовый уставъ имѣетъ цѣлью опредѣлить... условія, необходимыя для признанія рѣшеній областныхъ делегацій, т. е. для разъясненія вопроса о томъ, во всѣхъ ли случаяхъ, или только въ нѣкоторыхъ, требуется единогласное рѣшеніе всѣхъ сословій, такъ какъ вопросъ этотъ прежде не былъ опредѣленнымъ образомъ предусмотрѣнъ закономъ» (Réponse présentée au Souverain par les délégations provinciales, 1899, I, стр. 120). То же въ *Réponse* à la brochure officielle, стр. 37; Das *Recht* Finnlands und seine Wehrpflichtfrage, стр. 157.

(манифестъ 8 апрѣля) въ С.-Петербургѣ былъ учрежденъ [1]) Комитетъ финляндскихъ дѣлъ, долженствовавшій обсуждать, подъ предсѣдательствомъ Министра Статсъ-Секретаря, вносимыя имъ по Высочайшему повелѣнію дѣла. Особенно важною была,—также и по тому значенію, которое получилъ данный вопросъ въ позднѣйшее время,—военная реформа. Съ 1809 по 1878 г.г. Финляндія содержала лишь немного войскъ; постояннымъ былъ только гвардейскій стрѣлковый баталіонъ. Въ 1812 году въ Финляндіи было образовано три полка для надобностей войны, равно какъ и въ 1854—1856 г.г. 6 баталіоновъ милиціи, которые, однако, въ 1866 г. были распущены. Военная реформа предполагалась Императоромъ въ формѣ временнаго закона, причемъ русскимъ офицерамъ предполагалось предоставить право въ любое время поступать въ финляндскія войсковыя части. Однако, по отзывамъ сейма 1877—1878 г.г., это было измѣнено. По закону о воинской повинности отъ 15/27 декабря 1878 г [2])—Финляндія получила собственное войско, которое могло быть употребляемо только для защиты Финляндіи и имперской столицы; взамѣнъ устарѣвшей воинской системы («indelningswerket»—поселенной системы) была введена всеобщая воинская повинность по образцу новаго русскаго воинскаго закона 1874 года. Постановленіе отъ 22 марта 1865 г. содержитъ положеніе для финляндскаго кадетскаго корпуса [3]), состоявшаго въ вѣдѣніи Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній Имперіи.

Административнымъ закономъ $\frac{23 \text{ марта}}{7 \text{ апрѣля}}$ 1860 г. [4]) финляндская денежная система была отдѣлена отъ русской. Финляндія получила собственную монетную единицу, «марку» (= 100 пенни), стоимостью своею соотвѣтствовавшую одной четвертой части рубля [4]). Закономъ 9 августа 1877 г. была введена золотая валюта [5]).

Финляндская торговая и таможенная политика стала держаться также своего собственнаго пути. Уже съ конца 30-хъ годовъ Финляндія стала постепенно отказываться отъ системы протекціонизма, кото-

---

[1]) Ср. *Берендтсъ*, Административное право, II, стр. 377.

[2]) По воинскому вопросу ср. Das *Recht* Finnlands und seine Wehrpflichtfrage, 1900. См. Приложеніе № 43. До 1878 г. финскія войска должны были защищать всю Имперію.

[3]) Ср. приложеніе 18-е.

[4]) По теперешнему курсу финская марка равноцѣнна французскому франку (рубль = приблиз. 2 марк. 64 пен.).

рой придерживалась русская таможенная политика. Въ царствованіе же Александра II Финляндія окончательно обратилась къ системѣ свободной торговли. Фактическое обособленіе Финляндіи выразилось въ постановленіи отъ 31 января 1859 г. о торговыхъ сношеніяхъ Имперіи Великаго Княжества и въ таможенномъ тарифѣ 29 іюля 1869 г., дѣйствующемъ съ нѣкоторыми измѣненіями и понынѣ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ всталъ на очередь и вопросъ о языкахъ. И здѣсь видна тенденція усилить финляндскую самостоятельность за счетъ связи съ Имперіей: мѣстные языки, финскій и шведскій, вытѣсняютъ русскій. Распоряженіемъ отъ 25 октября 1858 г. разрѣшено было употреблять финскій языкъ въ диспутахъ и диссертаціяхъ [2]). Постановленіе 1 августа 1863 г. предоставило финскому языку равныя права со шведскимъ во всемъ, что касалось непосредственно финскаго населенія, а 9 февраля того же года русскій языкъ пересталъ быть обязательнымъ предметомъ въ начальныхъ школахъ. Постановленіемъ отъ 20 февраля 1865 г. финскій языкъ былъ введенъ въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ (наряду со шведскимъ), а послѣдующимъ распоряженіемъ отъ 30 ноября 1871 г. Сенату было предоставлено устанавливать языкъ преподаванія въ реальныхъ училищахъ и гимназіяхъ съ принятіемъ въ соображеніе языка, преобладающаго въ соотвѣтствующей мѣстности. 8 августа 1872 г. появился новый школьный уставъ [3]).

Обзоръ дѣятельности финляндскаго правительства за время царствованія Александра II ясно показываетъ, какъ сильно развивалось стремленіе возможно отчетливѣе подчеркнуть самостоятельность Финляндіи, насколько ослаблялась связь съ Россіею и насколько

---

[1]) Преобладающій принципъ тарифа тотъ, что русскіе товары ввозятся въ Финляндію безъ таможеннаго обложенія. Исключеніе составляютъ водка, табакъ, сахаръ, игральныя карты и солодовые напитки. Въ Россію ввозятся безпошлинно: съѣстные припасы, дрова, строительные матеріалы. Руда, желѣзо, сталь—могутъ быть ввозимы лишь въ опредѣленныхъ количествахъ. Фабричныя издѣлія финляндскаго происхожденія подлежатъ пошлинѣ (по особой росписи); всѣ другіе товары облагаются пошлиною по общимъ ставкамъ русскаго тарифа.

[2]) Ср. *Берендтсъ*. Императорскій Александровскій Университетъ въ Финляндіи. 1902.

[3]) Этотъ школьный уставъ дѣлилъ среднія учебныя заведенія на лицеи, предназначенные подготавливать къ университету, и реальныя училища, служащія продолженіемъ учебнаго курса народной школы и подготовливающія къ изученію техническихъ предметовъ. Ср. *Берендтсъ*, Административное право, II, стр. 251.

связующіе элементы отодвигались на задній планъ. Конечною цѣлью этого развитія было достиженіе краемъ всѣхъ свойствъ государства, и эта цѣль несомнѣнно была бы достигнута въ близкомъ времени, если бы ходъ событій оставался въ томъ же руслѣ. Но этого не случилось. Длившійся одно поколѣніе періодъ времени, въ теченіе котораго намѣренія правительства были направлены къ полному отдѣленію Финляндіи, долженъ былъ оказаться лишь переходною стадіей. Мы видѣли, что и при Александрѣ II русское правительство относилось къ финляндскимъ стремленіямъ не всегда благосклонно; самъ Императоръ подчеркнулъ связь края съ Имперіей. Такъ, въ 1851 году, въ рѣчи, произнесенной въ Гельсингфорсѣ, онъ сказалъ: «Я прошу васъ помнить, что вы, будучи добрыми финляндцами, одновременно и подданные Всероссійскаго Императора», а въ 1856 году онъ въ засѣданіи Сената произнесъ слѣдующія многозначительныя слова: «N'oubliez pas, avant tout, Vous, Messieurs, qui êtes les représentants des sentiments du pays, que tout en restant tous Finlandais, Vous faites partie de la grande Famille dont l'Empereur de Russie est le chef». Но, вступивъ на путь реформъ, правительство должно было разрѣшить альтернативу: или дать Финляндіи въ составѣ Имперіи устройство «окраины» съ мѣстнымъ самоуправленіемъ, или же допустить, что, при постепенномъ разрушеніи связи съ Имперіею, она достигнетъ полной государственной самостоятельности. Одинъ изъ этихъ двухъ возможныхъ исходовъ долженъ былъ быть принятъ, ибо правовое положеніе, въ которомъ очутилась Финляндія при Александрѣ II, не могло быть длительнымъ, а являлось лишь переходною стадіей. И сознаніе, что политическій интересъ Россіи, имѣющій для нея жизненное значеніе, безусловно не можетъ допустить полнаго отдѣленія Финляндіи, должно было раньше или позже привести къ тому, чтобы стремленіямъ къ самостоятельности были поставлены препоны. Время этого сознанія пришло, а съ нимъ, по логикѣ вещей, и противное теченіе, реакція на сепаратистическое направленіе 1855—1885 годовъ.

IV. Финляндія при Александрѣ III.

Со смертью Александра II въ 1881 году, въ правительственной политикѣ по отношенію къ Финляндіи никакой перемѣны перво-

начально не произошло. Наоборотъ, первые годы царствованія новаго Императора совпадаютъ съ наивысшею точкою автономнаго развитія Финляндіи. Въ это именно время сейму было предоставлено манифестомъ 13/25 іюня 1886 г. право формальной законодательной инициативы (т.-н. «Motionsrecht»); соотвѣтственно усилившейся потребности въ законодательствѣ, съ 1882 г. земскіе чины стали собираться каждые три года (при Александрѣ II они собирались разъ въ 5 лѣтъ [1]). Постановленіемъ 11 іюля 1884 г. было образовано особое законоподготовительное учрежденіе; органъ этотъ, состоящій изъ трехъ членовъ и подчиненный непосредственно Сенату, долженъ проектировать и разрабатывать проекты законовъ и постановленій во всѣхъ областяхъ законодательства.

15 марта 1881 г. появилось постановленіе о преобразованіи финляндскаго почтоваго управленія, которое было подчинено хозяйственному департаменту Императорскаго Сената. Изданный того же числа почтовый тарифъ (§ 76) ввелъ особыя финляндскія марки. Въ 1885 году русское правительство (Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта) измѣнило нѣкоторыя постановленія относительно ввоза финляндскихъ грузовъ въ Россію [2]). Постановленіе 19 мая 1886 г., равно какъ и новые тарифы 22 и 30 декабря 1886 г., ввели дополненія къ таможенному тарифу 1869 г. Распоряженіемъ отъ 29 декабря 1883 г. установленъ порядокъ употребленія шведскаго и финскаго языковъ въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ.

Съ середины 80-хъ годовъ постепенно мѣняется курсъ правительственной политики, причемъ перемѣна эта обнаружилась сначала въ вопросахъ второстепеннаго значенія. Такъ, русское правительство (Высочайше утвержденныя 15 марта 1883 г. и 6 ноября 1886 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта) постановило, что русскія среднія школы, учрежденныя на средства русскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія, должны состоять въ вѣдомствѣ этого Министерства (т.-е. русскаго центральнаго учебнаго управленія). Вскорѣ послѣ того встали на очередь вопросы большаго принципіальнаго значенія, и способъ ихъ обсужденія показалъ,

[1]) Сеймъ собирался съ тѣхъ поръ въ 1882, 1885, 1888, 1891, 1894, 1897, 1899 (чрезвычайная сессія), 1900, 1904, 1905 (чрезв. сессія), 1907, 1908, 1909 и 1910 г.г.

[2]) Безпошлинный ввозъ (въ Россію) желѣза, стали, жести, бумаги и кожаныхъ издѣлій, кожи и мѣховъ, стеклянныхъ и фаянсовыхъ издѣлій прекратился; довольно высокая таможенная ставка заступила мѣсто безпошлинности.

что русская правительственная политика по отношенію къ Финляндіи стала на совершенно другой путь. При Александрѣ II имѣлось, между прочимъ, въ виду созданіе соотвѣтствующаго современнымъ требованіямъ уголовнаго уложенія; оно должно было заступить мѣсто устарѣвшихъ постановленій «общаго уложенія» 1734 г., остававшихся все еще въ силѣ. Работы по составленію кодекса начались въ 1863 г., и 12 лѣтъ спустя коммисія, коей онѣ были поручены, выработала свой проектъ. По вторичномъ пересмотрѣ, проектъ былъ представленъ сейму и въ 1888 г. принятъ сеймомъ. Министръ Статсъ-Секретарь, безъ заключенія имперскихъ вѣдомствъ, представилъ проектъ Императору, Который утвердилъ его 19/31 декабря 1889 г. съ тѣмъ, чтобы онъ вступилъ въ силу съ 1 января 1891 г. Только нѣсколько мѣсяцевъ спустя русское правительство замѣтило, что въ опредѣленіяхъ новаго уложенія Финляндія разсматривалась, какъ совершенно самостоятельное государство, Россія же являлась иностранною державою, уголовное право которой было совершенно не принято во вниманіе, причемъ эта точка зрѣнія была съ большою послѣдовательностью проведена во всѣхъ статьяхъ, такъ или иначе соприкасавшихся съ вопросомъ. Русскій Министръ Юстиціи обратилъ на это вниманіе Императора, который въ октябрѣ 1890 г. согласился на предложеніе о пересмотрѣ уложенія ради приведенія его въ согласованіе съ государственными интересами. Задача эта была возложена на коммисію, образованную изъ русскихъ и финляндскихъ чиновниковъ [1]). Манифестъ 1/13 декабря 1890 г. пріостановилъ введеніе уложенія въ дѣйствіе; новый проектъ былъ представленъ на обсужденіе земскихъ чиновъ въ 1891 г.; но предположенія ихъ не получили согласія Монарха, такъ что сейму 1893 года былъ предложенъ вторично измѣненный проектъ «въ окончательной редакціи». Этотъ послѣдній проектъ получилъ Высочайшую санкцію въ манифестѣ 2/14 апрѣля 1894 г. [2]); въ немъ ясно была выражена связь съ Россіей [3]).

---

[1]) Финляндскій Генералъ-Губернаторъ, графъ Гейденъ, согласился съ выводами, къ которымъ пришла эта коммисія, признавъ, что финляндскіе законы, какъ законы мѣстные, не могутъ лишать силы общіе изданные въ Имперіи законы, долженствующіе быть примѣняемыми на всей территоріи государства, включая Финляндію.

[2]) Относительно исторіи происхожденія уголовнаго уложенія и его текста ср. *Сергѣевскій*, Финляндское уголовное уложеніе и относящіяся къ нему законоположенія. Спб. 1907. Таганцевъ. Высочайшій манифестъ 1890 г. Спб. 1910. (См. Прил. №№ 57, 60.

[3]) Ср. приложеніе 19-е.

И въ другихъ областяхъ неожиданно появился рычагъ, затруднившій развитіе самостоятельности. Сфера вліянія русскаго права въ Финляндіи оттѣняется все сильнѣе. Въ 1890 году были учреждены коммисіи, имѣвшія задачею выработать проекты объединенія финляндскихъ почты, монеты и таможенъ съ русскими. 31 мая/12 іюня 1890 г. появился манифестъ о объединеніи финляндской почты съ русскою [1]). Финляндское почтовое управленіе было подчинено имперскому Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, по Главному Управленію почтъ и телеграфовъ; знаніе русскаго языка сдѣлано обязательнымъ для почтовыхъ служащихъ.

Въ слѣдующемъ году (манифестомъ $^1/_{13}$ мая 1891 г.) былъ упраздненъ учрежденный въ 1857 году Комитетъ для финляндскихъ дѣлъ.

Въ то же время (съ 1890 г.) русское правительство обращаетъ величайшее свое вниманіе на одно особо важное дѣло—на вопросъ о способѣ обсужденія такихъ дѣлъ, которыя касаются какъ финляндскихъ, такъ и русскихъ интересовъ, т. е. могутъ считаться общими.

Форма и способы рѣшенія вопросовъ, касающихся какъ Финляндіи, такъ и Россіи все еще не были точно опредѣлены. Обыкновенно дѣлалось такъ, что законопроекты (инціатива могла исходить съ обѣихъ сторонъ) разсматривались финляндскими и русскими учрежденіями, или разрабатывались въ коммисіяхъ и комитетахъ изъ финляндскихъ и русскихъ представителей. Затѣмъ Монархъ утверждалъ русскій законъ, послѣ чего Министръ Статсъ-Секретарь обыкновенно, но не всегда, представлялъ на утвержденіе Монарха финляндскій законъ. Такимъ образомъ появилось постановленіе 2 іюня 1826 г. о судопроизводствѣ по преступленіямъ, учиненнымъ финляндцами въ Россіи и русскими въ Финляндіи; такъ было при разсмотрѣніи новаго университетскаго устава въ 1827 году, при просмотрѣ кодификаціонныхъ работъ въ 1835 году, при изданіи постановленія 6 ноября 1843 г. о наслѣдованіи въ движимомъ имуществѣ, оставшемся послѣ русскихъ въ Финляндіи и послѣ финляндцевъ въ Россіи. Такъ же было поступлено при обсужденіи монетной реформы, устава о воинской повинности и т. п.

И вотъ возникъ вопросъ, не требуютъ ли имперскіе интересы особаго порядка имперскаго законодательства, коего дѣйствіе

---

[1]) Ср. прил. 20, 46 (о почтѣ); 9, 18, 27 (о монетѣ); 42, 44, 45 (о таможнѣ).

должно распространяться какъ на Россію, такъ и на Финляндію. Потребность въ окончательномъ разрѣшеніи этого вопроса была настоятельна. Законодательные вопросы, касавшіеся жизненныхъ интересовъ всей Имперіи, не могли же всегда разрѣшаться разобщенными дѣйствіями имперскихъ и финляндскихъ установленій, а тѣмъ менѣе—путемъ своего рода «дипломатическихъ» сношеній Имперскихъ Министровъ и Финляндскаго Министра Статсъ-Секретаря или Генералъ-Губернатора. И если появилось бы такое касающееся обѣихъ сторонъ дѣло, въ которомъ нельзя было достигнуть соглашенія,—что при сепаратистскихъ стремленіяхъ въ Финляндіи рано или поздно должно было наступить,—то разрѣшеніе должно было быть трудно, и въ воздухѣ носилась возможность непрестанныхъ конфликтовъ. Должно было найти путь, которымъ такія дѣла, имѣющія значеніе для всей Имперіи, могли бы разрѣшаться съ точки зрѣнія общаго имперскаго интереса. Существованіе такихъ дѣлъ давало себя чувствовать все отчетливѣе. Сюда относились всѣ вопросы, связанные съ организаціею войска, съ желѣзнодорожною, таможенною, денежною, почтовою системами. Если Финляндія должна была остаться въ составѣ русскаго государства,—а къ тому шли намѣренія новой правительственной политики,—то эти вопросы должны были трактоваться въ интересахъ единства.

Александръ III положилъ начало. Съ тѣхъ поръ понынѣ повторяются попытки разрѣшить это важное дѣло, но за истекшія 17 лѣтъ окончательнаго рѣшенія еще не достигнуто.

Постановленіемъ отъ 19 іюля/1 августа 1891 г. было установлено [1]), что Министръ Статсъ-Секретарь, предварительно доклада Монарху о новыхъ законопроектахъ или предложеніяхъ сейму, обязанъ запрашивать заключеній имперскихъ Министровъ по этимъ дѣламъ, если они одновременно касаются и интересовъ Россіи.

Постановленія этого, поручавшаго опредѣленіе русскихъ интересовъ Министру Статсъ-Секретарю, какъ мы увидимъ ниже, было далеко недостаточно.

То же постановленіе ограничило право русскихъ чиновниковъ на занятіе должностей въ Финляндскомъ Статсъ-Секретаріатѣ и въ Канцеляріи Генералъ-Губернатора требованіемъ университетскаго образованія и знанія финляндскаго права; отъ финляндскихъ служа-

[1]) Ср. приложенія 21, 49.

щихъ этихъ учрежденій требовалось основательное знаніе русскаго языка.

Постановленіемъ отъ 16 февраля 1891 г. предоставлено русскимъ подданнымъ, пользовавшимся правомъ пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ по русскимъ законамъ, такое же право въ Финляндіи. Но удостовѣреніе этого права было обставлено многими формальностями.

Въ таможенной политикѣ стала проявляться протекціонистская точка зрѣнія русской таможенной системы. Труды учрежденной въ 1890 году коммисіи для объединенія финляндской и русской таможенныхъ системъ не привели, правда, ни къ какому рѣшительному результату, однако въ послѣдующіе (1893 и 1894) годы пошлина была значительно повышена на различные предметы ввоза.

Кончина Александра III въ 1894 году прервала энергично предпринятые труды по сліянію Финляндіи съ Россіей. Время царствованія этого Монарха полно значенія, особенно въ томъ отношеніи, что за это время произошелъ крутой поворотъ въ отношеніяхъ Россіи къ Финляндіи, давшій опредѣленный отпечатокъ всему послѣдующему времени до настоящаго дня. Взгляды Монарха ясно отражаетъ изданный 28 февраля (12 марта) 1891 г. рескриптъ, въ которомъ говорится, что финляндскій край состоитъ въ собственности и державномъ обладаніи Россійской Имперіи и имѣетъ только особое внутреннее управленіе (см. Приложеніе № 58).

V. Финляндія при Николаѣ II

Немного лѣтъ спустя по восшествіи на престолъ новаго Монарха (см. Прил. № 61), финляндскій вопросъ выдвинулся на первый планъ (1898 г.). Въ русской внутренней политикѣ въ это время проявилось энергичное и систематическое стремленіе къ достиженію всѣми доступными способами тѣснаго сліянія пограничныхъ областей (Финляндіи, Польши, Прибалтійскихъ губерній), обладающихъ своеобразной культурой, языкомъ и нравами,—съ собственно славянскою Россіею. Наступилъ апогей такъ-наз. «руссификаторскаго» періода.

Постановленіями отъ 15 августа 1895 г. и 14 марта 1899 г. русскія среднія учебныя заведенія въ Финляндіи, учрежденныя и содержавшіяся за счетъ русскаго управленія учебными заведеніями, были оставлены въ его вѣдѣніи, причемъ этому управленію предо-

ставлено было право и впредь открывать такія учебныя заведенія [1]). Рескриптомъ отъ 21 декабря 1896 г. предписывалось не употреблять въ Финляндіи другого флага, кромѣ бѣло-сине-краснаго русскаго національнаго флага. 28 апрѣля 1897 г. Высочайше утверждено мнѣніе Гос. Совѣта о торговыхъ сношеніяхъ съ Финляндіею.

Въ 1898 году состоялось назначеніе финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ генерала Бобрикова. Правительственную программу, принесенную имъ въ Финляндію [2]),—образецъ тогдашней политики,—онъ сумѣлъ осуществить съ большою энергіею, должно сказать даже—безъ оглядки. Усилія были направлены туда, гдѣ могла быть пробита самая глубокая брешь, и гдѣ финляндцы наиболѣе усердно оберегали свои исключительныя права,—къ вопросу военному. Въ 1898 году въ русскомъ Военномъ Министерствѣ особою коммисіею былъ выработанъ проектъ новаго финляндскаго закона о воинской повинности, который приводилъ къ полному разрыву съ введеннымъ въ 1878 году уставомъ. Этимъ законопроектомъ,—въ виду требуемаго единствомъ русской государственной арміи полнаго уравненія касающихся ея правилъ,—постановлялось, что высшее управленіе финляндскими войсками должно быть подчинено русскому Военному Министерству; штабы Генералъ-Губернатора и Командующаго войсками должны были быть упразднены; въ войсковыя части должны были впредь приниматься также офицеры русскаго происхожденія и т. п., короче говоря, имѣлось въ виду возможно широкое сліяніе финляндскихъ и русскихъ войскъ. Пока созванный на чрезвычайную сессію сеймъ обсуждалъ этотъ проектъ, появился извѣстный манифестъ 3/15 февраля 1899 г. съ приложенными къ нему основными положеніями, до крайности обострившій конфликтъ въ финляндскомъ вопросѣ. Манифестъ снова коснулся предмета, затронутаго еще въ 1891 году извѣстнымъ постановленіемъ 1 августа: вопроса о порядкѣ разрѣшенія законодательныхъ дѣлъ общаго значенія, касавшихся Финляндіи и Россіи. Манифестъ устанавливалъ [3]), что въ Финляндіи, наряду съ во-

[1]) Ср. приложеніе 22-е.

[2]) Ср. приложеніе 23-е. О времени управленія Бобрикова совѣтуемъ имѣть въ виду обширный трудъ *Бороджина* — Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н. И. Бобрикова. СПБ. 1905.

[3]) Ср. приложеніе 24-е. Точный текстъ приведенъ у *Arnheim'a*. Der ausserordentliche finnländische Landtag 1899, стр. 12 и слѣд.; Das *Recht* Finnlands und das Manifest des Zaren, стр. 6 и слѣд.; *Bornhak*, l. c., стр. 37 и слѣд.; *Fisher*, l. c., стр. 152 и слѣд.; *Le Hénaff*, l. c., стр. 592 и слѣд. См. П. С. З. № 16447; Сборн. Пост. Финл. № 3.

просами мѣстнаго законодательства, существуютъ и такіе, которые касаются не только Финляндіи, но одновременно и всего государства. А такъ какъ порядокъ разрѣшенія такихъ вопросовъ точно не установленъ, то задачею этого акта является восполнить этотъ пробѣлъ. Въ «основныхъ положеніяхъ», приложенныхъ къ манифесту, порядокъ этотъ опредѣлялся слѣдующимъ образомъ: исключительная власть окончательнаго рѣшенія этихъ вопросовъ принадлежитъ Императору; участіе сейма ограничивается лишь дачею заключенія; при этомъ Императоръ единолично опредѣляетъ, какіе вопросы, имѣющіе общій имперскій характеръ, касаются также Финляндіи и какіе являются чисто мѣстными. Этотъ актъ вызвалъ въ Финляндіи крайнее возбужденіе. Въ рѣзкомъ противорѣчіи между вышеупомянутыми основными положеніями и правилами финляндской конституціи было усмотрѣно не только нарушеніе, но даже фактическая отмѣна конституціи. Однако русское правительство сперва продолжало идти по намѣченному пути. Еще въ августѣ того же года были отмѣнены съ 1900 года финляндскіе почтовые знаки.

Манифестъ 7/20 іюня 1900 г. ввелъ въ Статсъ-Секретаріатѣ, Канцеляріи Генералъ-Губернатора и Паспортной Экспедиціи русскій языкъ, которому были, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставлены и другія преимущества (см. Прил. 25); указомъ отъ 25 іюля 1901 г. было существенно увеличено въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ число часовъ преподаванія на русскомъ языкѣ.

$\frac{29 \text{ іюня}}{12 \text{ іюля}}$ 1901 г. былъ введенъ новый уставъ о воинской повинности, взамѣнъ закона 1878 г., согласованный съ русскими постановленіями [1]). Высшее командованіе войсковыми частями принялъ, вмѣсто Генералъ-Губернатора, «Командующій войсками Финляндскаго военнаго округа», должность обыкновенно совмѣщавшаяся съ Генералъ-Губернаторскою; 24 ноября того же года Военному Министру повелѣно принять на себя высшее управленіе этимъ округомъ.

---

[1]) Въ вводной части манифеста значится: «Положеніе Великаго Княжества Финляндскаго въ составѣ Россійской Имперіи налагаетъ на его населеніе долгъ участвовать въ защитѣ Престола и Отечества, подчиняясь на ряду со всѣми Нашими вѣрноподданными узаконеніямъ, единство Русской арміи обезпечивающимъ». Ст. 1 говоритъ: «Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго, а потому мужское населеніе Финляндіи, безъ различія состояній, подлежитъ воинской повинности» (Собр. Узак. 1901 г., № 65, ст. 1323; П. С. З. № 20456).

Въ слѣдующемъ (1902) году, 19 іюня, появилось постановленіе, опредѣлявшее порядокъ употребленія русскаго языка въ правительственныхъ установленіяхъ и судахъ; затѣмъ, 10 іюля, дальнѣйшее распоряженіе, установившее [1]) порядокъ и форму обнародованія законовъ въ Финляндіи; наконецъ, распоряженіемъ отъ 18/31 іюля были отмѣнены ограниченія въ правахъ русскихъ уроженцевъ по опредѣленію на финляндскую службу по гражданскому управленію [2]).

Сенатъ былъ обращенъ, постановленіемъ отъ $\frac{26 \text{ августа}}{8 \text{ сентября}}$ 1902 г., въ учрежденіе, подчиненное почти совершенно Генералъ-Губернатору. Полномочія послѣдняго были расширены (распоряженіями отъ 8 сентября 1902 г. и 26 марта 1903 г.) до всемогущества. 5/18 іюля 1903 г. былъ распущенъ Финляндскій кадетскій корпусъ; въ мѣстномъ университетѣ были учреждены ($^{13}/_{26}$ августа 1903 г.) двѣ каѳедры, русскаго права и русской исторіи. Постановленіе $\frac{28 \text{ октября}}{10 \text{ ноября}}$ 1903 г. дало русскимъ уроженцамъ (исключая евреевъ) неограниченное право пріобрѣтенія земель и владѣнія ими въ Финляндіи.

1904 годъ не внесъ въ политику никакихъ измѣненій. Постановленіе $\frac{27 \text{ мая}}{9 \text{ іюня}}$ 1904 г. о мѣрахъ къ объединенію денежныхъ системъ ввело въ Финляндіи русскую золотую валюту наряду съ «маркою»; однако это распоряженіе никогда не вступало въ силу (ср. п. 6 постановленія) [3]). Высочайше утвержденнымъ $\frac{22 \text{ декабря } 1904 \text{ г.}}{4 \text{ января } 1905 \text{ г.}}$ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта установленъ [4]) ежегодный отпускъ Финляндскому Генералъ-Губернатору 30.000 р. изъ русскаго государственнаго казначейства на экстраординарные расходы по финляндскому управленію.

Мѣры этихъ четырехъ лѣтъ довели волненія въ краѣ до крайнихъ предѣловъ. Сначала пытались усмирить эти волненія усиленіемъ полицейской власти Генералъ-Губернатора и строгимъ подавленіемъ всякаго сопротивленія и недовольства.

---

[1]) Ср. приложеніе 26-е; Сборн. Пост. Финл. № 24.

[2]) Ср. приложеніе 26-е; Сборн. Пост. Финл. № 32.

[3]) Ср. приложеніе 27-е. Министръ Финансовъ пока не воспользовался своимъ правомъ.

[4]) Ср. Собр. узак. № 29, отъ 18 Февраля 1905 г., ст. 239.

Но когда въ іюнѣ 1904 г. палъ отъ руки убійцы генералъ Бобриковъ, когда несчастная война съ Японіей явно обнаружила неудовлетворительность управленія и вызвала во всей Имперіи бурю недовольства, когда всюду поднялась открытая смута,—тогда правительство, совершенно ослабленное внутри и во-внѣ, безсильное и безвластное, сознало себя вынужденнымъ къ отступленію. Уже манифестомъ 16/29 марта 1905 г. пріостановлено дѣйствіе устава о воинской повинности 12 іюля 1901 г., съ замѣною сей повинности денежными взносами; манифестъ же $\frac{22 \text{ октября}}{4 \text{ ноября}}$ 1905 г. пошелъ еще значительно дальше въ уступкахъ желаніямъ финляндцевъ. Дѣйствіе основныхъ положеній, приложенныхъ къ манифесту 3/15 февраля 1899 г. (но не самого манифеста), было пріостановлено; одновременно было отмѣнено большинство постановленій, которыми ограничивались права финляндцевъ [1]).

Хотя постановленіемъ 1 февраля 1906 г. русскій языкъ и былъ сохраненъ въ финскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ обязательнаго предмета преподаванія, однако число недѣльныхъ уроковъ по этому предмету было уменьшено; 3 мая 1906 г., взамѣнъ постановленій 20 іюня 1900 г. и 19 іюня 1902 г. (см. выше), было издано новое, установившее правила употребленія русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ [2]). 7/20 августа 1906 г. появился законъ о свободѣ слова, собраній и союзовъ въ Финляндіи [3]); постановленіе $\frac{28 \text{ ноября}}{11 \text{ декабря}}$ 1906 г. возстановило составъ учрежденнаго въ 1884 году законоподготовительнаго учрежденія. Наконецъ, 7/20 іюля 1906 г. появился, взамѣнъ устава 1869 г., новый сеймовый уставъ, совершенно преобразовавшій сеймъ въ современномъ духѣ.

Однако отступленіе русскаго правительства отъ политики послѣдняго десятилѣтія было только временнымъ. Манифестъ 1905 г., въ значительной части возстановившій прежнее положеніе въ Финляндіи, былъ вынужденною уступкою. «Финляндія получила свои прежнія права не изъ добровольно дающихъ рукъ сильной государственной власти, но изъ рукъ слабаго, униженнаго правительства, вынужденнаго силою обстоятельствъ къ

---

[1]) Ср. приложеніе 28-е. Напечатано у *Le Hénaff*, l. c., стр. 597 и слѣд.

[2]) Ср. приложеніе 29-е.

[3]) Ср. приложеніе 30-е.

политической капитуляціи. Продолжителенъ ли такой миръ? Нѣтъ! Это перемиріе. Всѣ вынужденныя уступки стоятъ на зыбкой почвѣ» (Берендтсъ). Времена смятенія прошли, правительство окрѣпло, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружились и прежнія стремленія. Въ первую очередь обратились къ вопросу, затронутому постановленіемъ 1 августа 1891 г. и манифестомъ 3/15 февраля 1899 г. Постановленіе 1891 г. уже давно оказалось ошибочнымъ и недостаточнымъ. Это произошло, какъ совершенно правильно указалъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ П. А. Столыпинъ въ своей рѣчи 5/18 мая 1908 г. въ Государственной Думѣ [1]), главнымъ образомъ потому, что, по постановленію 1891 г., вопросъ о томъ, касается ли данное дѣло общихъ имперскихъ интересовъ или нѣтъ, разрѣшалъ Министръ Статсъ-Секретарь Великаго Княжества Финляндскаго. Такимъ образомъ, только отъ его усмотрѣнія зависѣло, должны ли русскія установленія принять участіе въ разрѣшеніи вопроса или нѣтъ. Послѣдствія такого положенія вещей абсолютно не соотвѣтствовали желаніямъ русскаго правительства. Нѣсколько законовъ (такъ, напр., въ 1896 году—объ измѣненіи компетенціи милиціонной экспедиціи финляндскаго Сената; въ 1906 году—объ употребленіи русскаго языка въ финляндскихъ присутственныхъ мѣстахъ) были изданы безъ предварительнаго ознакомленія русскихъ установленій съ ихъ содержаніемъ; даже новый сеймовый уставъ 1906 г. долженъ былъ первоначально быть изданъ безъ опроса русскаго правительства, а Сенатъ въ 1906 году приступилъ къ разработкѣ проекта новой формы правленія безъ вѣдома имперскихъ установленій. На этотъ то недостатокъ связи между дѣятельностью русскихъ и финляндскихъ учрежденій и обращено было вниманіе правительства. Устранить его и было цѣлью Выс. утв. $\frac{20 \text{ мая}}{2 \text{ іюня}}$ 1908 г. «особаго журнала» Совѣта Министровъ [2]), коимъ Совѣту Министровъ предоставлено было высказывать мнѣніе о томъ, какія дѣла финляндскаго законодательства и управленія касаются имперскихъ интересовъ. Если же по такому дѣлу Совѣтъ Министровъ не можетъ придти

[1]) Рѣчь Предсѣдателя Совѣта Министровъ, произнесенная 5/18 мая 1908 г. въ 60-мъ засѣданіи Государственной Думы по поводу запроса нѣкоторыхъ депутатовъ о политикѣ, которой надлежитъ держаться относительно Финляндіи. Рѣчь эта, привести которую здѣсь не позволяетъ ея большой объемъ, характерна для нынѣшней точки зрѣнія правительства касательно Финляндіи. См. Запросы по финляндскому управленію въ Государственной Думѣ. СПБ. 1908.

[2]) Ср. «Правительственный Вѣстникъ», № 114, отъ 27 мая 1908 г. См. прил. 31-е.

къ соглашенію съ финляндскими учрежденіями, то Предсѣдатель Совѣта или подлежащій имперскій Министръ представляетъ по этому дѣлу докладъ Монарху, совмѣстно съ Финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ или Министромъ Статсъ-Секретаремъ. Противъ этого порядка финляндскими Сенатомъ и сеймомъ были представлены протесты, оставленные безъ послѣдствій [1]).

Въ то же время былъ выдвинутъ вопросъ о соединеніи желѣзнодорожныхъ сѣтей. Александръ II въ свое время воспротивился финляндскому предложенію ввести болѣе узкую колею, чѣмъ въ Россіи. Поэтому въ Финляндіи была введена одинаковая съ Россіею ширина рельсоваго пути (1,524 метра). Въ 1898 году было рѣшено построить соединительную линію, которая должна была около С.-Петербурга соединить финляндскія желѣзныя дороги съ русскими. При этомъ имперское правительство потребовало изъ финляндскаго казначейства, на постройку соединительной вѣтки и необходимаго для нея моста черезъ Неву, уплаты въ 6.670.000 марокъ. Предложеніе Сената поставить ассигнованіе 6.670.000 марокъ въ зависимость отъ согласія сейма было отклонено. Тогда Сенатъ, въ видахъ представленія сейму по крайней мѣрѣ правильнаго финансоваго расчета въ бюджетѣ, предложилъ внести требуемую сумму въ видѣ дополненія къ расчету 1909 г., заключавшемуся въ переданномъ сейму Высочайшемъ предложеніи о чрезвычайныхъ ассигнованіяхъ. Это предложеніе Сената было отклонено, требуемая сумма была внесена въ декабрѣ 1908 г. Въ этомъ дѣлѣ ясно опредѣлилась цѣль журнала Совѣта Министровъ 20 мая (2 іюня) 1908 г. [2]).

17/30 сентября 1908 г. [3]) Высочайше повелѣно финляндскому Сенату имѣть въ виду при новыхъ заказахъ желѣзнодорожнаго матеріала необходимость соединенія желѣзнодорожныхъ сѣтей.

---

[1]) Ср. «Berliner Localanzeiger» отъ 21 августа 1908 г.

[2]) Свѣдѣнія эти, заимствованныя изъ газеты «Düna-Zeitung» ($^{6}/_{19}$ октября 1908 г.), неточны. По финляндскимъ основнымъ законамъ, право распоряженія статнымъ фондомъ, изъ котораго произведено перечисленіе 6.670.000 марокъ въ Государственное Казначейство, зависитъ отъ единоличнаго усмотрѣнія Государя Императора, который выразилъ на то свою волю еще въ 1904 году. Объ исполненіи этой воли Совѣтъ Министровъ и вошелъ съ всеподданнѣйшимъ заключеніемъ въ 1908 году. Перечисленіе состоялось по докладу Министра Статсъ-Секретаря *(примѣчаніе переводчика).*— См. Приложенія 55, 62.

[3]) Ср. «Рѣчь» отъ $^{17}/_{30}$ сентября 1908 г. Приложеніе 32-е.

*

11 ноября 1908 г. Императоръ отклонилъ [1]) ходатайство финляндскаго Сената о возстановленіи особыхъ финскихъ войскъ [2]) и объ отмѣнѣ Манифеста 31 мая 1890 г. касательно объединенія почтовой части въ Финляндіи и Имперіи.

§ 8. Современное положеніе Финляндіи, какъ «автономно» управляющейся области Россійской Имперіи.

Конечный результатъ столѣтняго развитія положенія Финляндіи получился такой: Финляндія осталась автономно управляющеюся областью Россійской Имперіи. Соотвѣтственно этому, правовое положеніе нынѣ слѣдующее: Великое Княжество Финляндское состоитъ въ суверенномъ обладаніи Россійской Имперіи, интегральною частью которой оно является. Обладаніе достоинствомъ Великаго Князя Финляндскаго является не личнымъ правомъ русскаго Императора; это обладаніе и связанныя съ нимъ права соединены съ Его положеніемъ, въ качествѣ Верховной власти въ Имперіи. Императоръ воплощаетъ и въ Финляндіи русскую государственную власть. Финляндское Великокняжеское достоинство неотдѣлимо отъ русскаго Императорскаго достоинства.

Положеніе Финляндіи въ Имперіи совершенно ясно выразилось въ новыхъ русскихъ Основныхъ Государственныхъ Законахъ 1906 г.

Ст. 1 гласитъ: «Государство Россійское едино и нераздѣльно».

Ст. 2 прибавляетъ: «Великое Княжество Финляндское, составляя нераздѣльную часть Государства Россійскаго, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства» (ср. Приложенія 7, 24, 40, 49, 50, 57, 58, 66).

Равнымъ образомъ, и титулъ и гербъ Русскаго Императора показываютъ, что положеніе Финляндіи не разумѣлось какъ положеніе государства, отдѣльнаго отъ остальной Имперіи, связаннаго съ нею только въ лицѣ Монарха [3]). (См. Приложенія 48, 56, 61).

---

[1]) Ср. «Frankfurter Zeitung» № 315 отъ 15 ноября 1908 г.

[2]) Русское правительство требуетъ участія Финляндіи въ общихъ государственныхъ повинностяхъ на содержаніе арміи и флота и, соотвѣтственно этому, настаиваетъ на ежегодной уплатѣ денежной суммы въ видѣ возмѣщенія за отмѣну личной воинской повинности. Въ отвѣтъ на это требованіе финляндцы ссылаются на право имѣть собственное войско и на обязанность доставлять содержаніе только ему. —См. Приложеніе № 65.

[3]) Въ Большомъ Государственномъ Гербѣ вокругъ средняго щита группируются восемь малыхъ щитовъ съ гербами бывшихъ прежде самостоятельными частей,

Однако въ предѣлахъ этой принадлежности къ Имперіи край обладаетъ «автономіей», особымъ законодательствомъ и особымъ управленіемъ. Этотъ край представляетъ собою область, подчиненную особымъ финляндскимъ законамъ, и имѣетъ поэтому особую территорію; это—твердо опредѣленный кругъ дѣйствій особыхъ юридическихъ нормъ, дѣйствующихъ только въ Финляндіи. Эта территорія хотя и подчинена собственнымъ законамъ, но не исключительно, такъ какъ обнимается и общимъ русскимъ законодательствомъ въ его кругѣ дѣйствій. Къ тому же, край имѣетъ собственное право гражданства, то есть «способность въ силу собственнаго права пользоваться правами по законамъ страны». Это спеціальное финляндское гражданство пріобрѣтается рожденіемъ, легитимаціей, бракомъ и перечисленіемъ [1]). Русскіе граждане не имѣютъ въ Финляндіи правъ гражданства; они по отношенію къ финляндскому закону и финляндскимъ учрежденіямъ—какъ бы иностранцы, поскольку спеціальными постановленіями (что, правда, проведено въ существенной мѣрѣ) это положеніе не измѣнено. Привилегіи русскихъ сравнительно съ иностранцами слѣдующія: русскіе уроженцы, принадлежащіе къ купечеству, мѣщанскому или крестьянскому сословіямъ, могутъ пріобрѣтать финляндское право гражданства безъ предварительнаго проживанія въ краѣ [2]), однако они должны уплатить сумму въ 4.000 марокъ, если хотятъ получить право на производство промысла; кромѣ того они обязываются, послѣ состоявшагося перечисленія, поселиться въ краѣ. Отъ дворянъ и должностныхъ лицъ для перечисленія требуется только свидѣтельство о совершеннолѣтіи и неопороченности. Права русскихъ дворянъ остаются за ними, однако они не пріобрѣтаютъ привилегій дворянъ, записанныхъ въ Финляндскомъ Рыцарскомъ Домѣ.

среди нихъ и гербъ Великаго Княжества Финляндскаго (по очереди: Царствъ Казанскаго, Астраханскаго, Польскаго, Сибирскаго, Херсонесскаго, Грузинскаго; Великихъ Княжествъ: Кіевскаго, Владимірскаго, Новгородскаго и Финляндскаго).

Полный титулъ Русскаго Императора слѣдующій:

Божіею поспѣшествующею Милостью, Мы . . . . Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новогородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій; Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій—и проч. и проч. и проч.—См. Приложенія №№ 36 и 37.

[1]) О финляндскомъ правѣ гражданства ср. *Mechelin*, Staatsrecht, стр. 252 и сл.

[2]) Ср. Сводъ Законовъ, т. IX, ст. 14, прил.

Всѣ русскіе уроженцы освобождены отъ требуемой отъ иностранцевъ при перечисленіи присяги. До 1891 года только дворяне могли пріобрѣтать въ Финляндіи недвижимости безъ предварительнаго особаго Высочайшаго разрѣшенія. Теперь это право, обставленное нѣкоторыми формальностями, предоставлено всѣмъ русскимъ уроженцамъ [1]).

Русскіе уроженцы не имѣютъ права на государственную службу (см. Прил. 21, 26, 52), также не имѣютъ ни активнаго, ни пассивнаго избирательнаго права въ общинныхъ, муниципальныхъ и сеймовыхъ выборахъ.

Такимъ образомъ, финляндское право гражданства обособлено отъ русскаго, но финляндскіе граждане одновременно являются русскими подданными (см. Прил. 19); они пользуются *въ остальной Россіи* eo ipso и неограниченно всѣми предоставленными остальнымъ подданнымъ правами гражданства, равнымъ образомъ и активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ въ Государственный Совѣтъ и Государственную Думу. Правда, финляндцы *въ Финляндіи* не выбираютъ депутатовъ въ эти палаты и пока исключены изъ общаго народнаго представительства; однако изданіемъ этого постановленія руководили политическія, но отнюдь не юридическія соображенія [2]).

Финляндцы пользуются одновременно и русскимъ имперскимъ и финляндскимъ мѣстнымъ гражданствомъ. Этимъ двойственнымъ положеніемъ надо объяснить и двойное правомочіе финляндцевъ на осуществленіе правъ гражданства (въ Финляндіи и вообще въ Россіи); напротивъ, сами русскіе уроженцы имѣютъ только одно право гражданства, не владѣя eo ipso финляндскимъ правомъ гражданства [3]).

Мѣстное управленіе ведется почти отдѣльно отъ русскаго Его Императорскимъ Величествомъ при помощи Генералъ-Губер-

---

[1]) За исключеніемъ евреевъ и цыганъ.

[2]) Боялись усилить оппозицію, къ которой несомнѣнно присоединились бы финляндскіе депутаты, если бы ввели въ Финляндіи то же избирательное право, какъ и въ Имперіи; особенное же ограниченное избирательное право для Финляндіи было неудобно въ виду ожидавшагося въ такомъ случаѣ возбужденія страны.

[3]) Ср. *Суворовъ.* Къ вопросу о равноправіи. Спб. 1907. То обстоятельство, что при нынѣшнемъ положеніи дѣла финляндцы несомнѣнно сильно привилегированы сравнительно съ русскими, вызвало въ послѣднее время въ средѣ русскихъ ученыхъ и политическихъ дѣятелей сильное и вполнѣ основательное недовольство. См. Прил. №№ 1, 18, 30, 39, 57 п. 3, 64.

натора и особыхъ финляндскихъ органовъ (ср. Прил. 18, 20, 21, 22, 40, 49, 62). «Монархъ соединяетъ въ Себѣ всѣ правомочія, которыя требуются для управленія». На ряду съ исполнительною властью Онъ имѣетъ обширное право законодательства въ области экономическаго законодательства. Съ XIV вѣка Монархъ имѣлъ право издавать безъ содѣйствія сословій постановленія съ силою закона (т. е. законы въ матеріальномъ смыслѣ), особенно въ хозяйственной и полицейской сферахъ (см. Прил. 64). Высшимъ правительственнымъ органомъ края съ задачею содѣйствовать Императору въ управленіи является раздѣленный на два департамента Сенатъ — частью совѣщательное, частью рѣшающее высшее мѣстное учрежденіе, кругъ дѣйствій котораго охватываетъ законосовѣщательныя, правительственныя и судебныя функціи. Мѣстное общее законодательство принадлежитъ Монарху, который осуществляетъ его при помощи періодически созываемаго сейма. Посредничество между областными учрежденіями и Монархомъ принадлежитъ Генералъ-Губернатору и Министру Статсъ-Секретарю Финляндіи. Генералъ-Губернаторъ области есть «высшій представитель государственной власти въ Финляндіи и, какъ предсѣдатель Императорскаго Финляндскаго Сената, одновременно начальникъ гражданскаго управленія области» (инструкція 15 марта 1903 г., ст. 1); въ то же время онъ до 1905 г. былъ командующимъ расположенными въ Финляндіи войсками. Въ правахъ и положеніи по отношенію къ коронѣ эта должность приравнена къ прочимъ Генералъ-Губернаторамъ Имперіи. Въ остальномъ организація низшихъ учрежденій построена на особыхъ принципахъ и отдѣлена отъ русской. Издержки гражданскаго управленія края покрываются изъ состоящихъ въ единоличномъ распоряженіи Монарха и въ распоряженіи Монарха и сейма средствъ: Финляндія имѣетъ собственные бюджетъ, налоги, подати и пошлины, которые поступаютъ въ мѣстную казну; завѣдываніе ими составляетъ отрасль исключительно мѣстнаго управленія (ср. стр. 77).

Край имѣетъ свою собственную судебную организацію, свое собственное частное право, торговое право, гражданское процессуальное право, уголовное право, уголовное процессуальное право и церковное право. Все гражданское право содержится въ шведскомъ «общемъ уложеніи» 1734 г. со многими позднѣйшими но-

веллами, раздѣленномъ на 9 отдѣловъ [1]). Эти отдѣлы слѣдующіе: I. О бракѣ. II. О наслѣдствѣ. III. О недвижимости. IV. О строеніяхъ (этотъ отдѣлъ содержитъ предметы, не вошедшіе въ другіе отдѣлы). V. О торговлѣ. VI и VII. О преступленіяхъ и наказаніяхъ (замѣненные уголовнымъ уложеніемъ 1889—1894 г.г. [2]). VIII. О взысканіяхъ. IX. О судопроизводствѣ.

Главною хартіею лютеранской церкви, которая является религіею края, служитъ церковное уложеніе $\frac{23 \text{ ноября}}{6 \text{ декабря}}$ 1869 г. [3]), замѣнившее шведскій церковный уставъ 1571—1572 г.г. Грекокаѳолическая церковь въ Финляндіи («Духовное Правленіе» въ Выборгѣ) въ церковномъ отношеніи подчинена Святѣйшему Правительствующему Синоду, а римско-католическая — Могилевскому Митрополиту (въ силу Имперскихъ законовъ 1811 и 1812 г.г.).

Административное и финансовое право Финляндіи до сихъ поръ еще не кодифицировано [4]).

Съ 1905 года Финляндія не имѣетъ собственнаго войска. Расположенныя въ Финляндіи войска—русскія войска; они подчинены русскому начальству и русскому закону. Высшее военное управленіе находится въ рукахъ русскаго Военнаго Министра. Такимъ образомъ, Россія развиваетъ свою военную власть на финляндской почвѣ; само собою ясно, что Имперія въ интересахъ своей защиты можетъ дѣлать Финляндію базой военныхъ операцій, равно какъ принимать всѣ мѣры, которыя могутъ облегчить и содѣйствовать этимъ операціямъ (такъ, напримѣръ, строить или срывать крѣпости, устраивать мѣста для складовъ провіанта, распоряжаться расквартированіемъ и т. д.).

Уяснивъ себѣ юридическое положеніе Финляндіи, мы можемъ возвратиться къ исходному пункту изслѣдованія—къ вопросу, *является ли Финляндія государствомъ*. Мы видѣли (стр. 37), что для существованія государства необходимо, чтобы «организація общественнаго союза покоилась длительно на собственныхъ его волевыхъ актахъ, и чтобы этотъ союзъ обладалъ правомъ господства, неотъемлемо ему принадлежащимъ по собственному праву». Дѣятельность государства по исключительному самоопредѣленію и властвованію выражается въ существованіи государственной власти.

---

[1]) Ср. *Малышевъ,* Общее уложеніе Финляндіи съ дополненіями. СПБ. 1891.

[2]) Ср. *Серпьевскій,* Финляндское уголовное уложеніе и т. д. СПБ. 1907.

[3]) Ср. «Сборн. Пост. Вел. Кн. Финл.» 1869 г., № 27.

[4]) См. Корево. Мѣстные законы. СПБ. 1907.

Въ Финляндіи мы находимъ три функціи государства: собственное законодательство, собственное управленіе, собственное правосудіе. Финляндія имѣетъ собственную территорію и собственныхъ гражданъ, эти два необходимыхъ для существованія государства элемента. Однако, собственную территорію и собственныхъ гражданъ имѣютъ и другіе публично-правовые союзы—общины, коммуны. Рѣшающимъ для вопроса о наличности государства является существованіе господствующей власти. Но ея то въ Финляндіи и нѣтъ.

Правда, въ силу особаго строя Финляндіи, въ ней возможно созданіе собственныхъ волевыхъ актовъ. Но существенное значеніе имѣетъ то, что этотъ строй (хотя онъ сохранялся непрерывно въ теченіе 100 лѣтъ) не является постояннымъ въ томъ смыслѣ, чтобы его существованіе зависѣло только отъ выражаемой въ рѣшеніяхъ компетентныхъ областныхъ органовъ воли страны. Русская Имперія, въ силу своей суверенной власти, имѣетъ право управлять Финляндіей въ своихъ интересахъ. Существованіе финляндской конституціи основано на волѣ русской государственной власти. Ея конституція есть интегральная составная часть общеимперской конституціи. Обособленное существованіе финляндскаго края состоитъ въ распоряженіи Россіи. И такъ какъ русскому государству принадлежитъ принципіальное право вторженія во внутреннее устройство Финляндіи, то послѣдней недостаетъ существеннаго элемента государства: собственной неотъемлемой власти господства, государственной власти. Поэтому Финляндія не можетъ быть государствомъ.

Господствующая въ Финляндіи власть не можетъ быть особою финляндскою государственною властью, ибо она не есть первоначальная, неотъемлемая господствующая власть, независимая отъ какой бы то ни было высшей власти (въ предѣлахъ своей компетенціи). Каждая территорія, однако, подчинена какой нибудь государственной власти, и если въ Финляндіи собственной господствующей власти не существуетъ, то въ ней можетъ господствовать власть высшаго союза.

Осуществляемая въ Финляндіи Монархомъ власть есть русская государственная власть, выступающая здѣсь особымъ образомъ. Тѣмъ, что Финляндіи была дана особая конституція, осуществленіе государственной власти было поставлено въ зависимость отъ особыхъ

предположеній и условій, но этимъ не было создано новой власти, отличной отъ имперской. Напротивъ, русская государственная власть продолжаетъ простираться и на Финляндію; только въ отношеніи этой части она осуществляется въ особыхъ формахъ и чрезъ особые органы.

Финляндія—не государство; это заключеніе мы выводимъ на основаніи ранѣе установленнаго критерія для государственнаго союза [1]). Поэтому она не можетъ быть соединена съ Россіею реальною уніею, которая всегда представляетъ соединеніе двухъ или нѣсколькихъ государствъ (стр. 29). Предположеніе реальной уніи не-

---

[1]) Доказательство, приводимое *Еллинекомъ* (Lehre von den Staatenverbindungen, стр. 71) противъ государственнаго характера Финляндіи, по нашему мнѣнію, неосновательно. Онъ говоритъ: «При завоеваніи государства или части его, господствовавшая тамъ дотолѣ государственная власть вполнѣ уничтожается, и на мѣсто ея вступаетъ власть новаго государства, въ данномъ случаѣ на мѣсто шведской русская. Какъ должны быть управляемы новоприобрѣтенныя области, должны ли прежнія установленія быть сохранены въ цѣлости или только частично, это—вопросъ политической мудрости. Но тотъ юридическій фактъ, что завоеванныя области суть части завоевавшаго ихъ государства, не измѣняется предоставленіемъ этой области или оставленіемъ за нею извѣстной самостоятельности, даже въ томъ случаѣ, если такое предоставленіе или оставленіе обѣщано уступающему или третьему государству». Уже общее утвержденіе автора, будто завоеваніемъ части государства вполнѣ уничтожается господствующая тамъ государственная власть, неправильно (когда завоеваніе не является окончательнымъ, то дѣйствіе господствующей власти только прерывается), но совершенно непонятно, почему волевымъ актомъ завоевавшаго государства бывшей провинціи не могутъ быть предоставлены бо́льшія права и привилегіи, чѣмъ тѣ, которыми она прежде пользовалась. *Еллинекъ* противорѣчитъ самому себѣ, говоря—l. c., стр. 221—«(образованіе реальныхъ уній) можетъ происходить посредствомъ уступки государства или провинціи прежнею государственною властью другой власти, причемъ послѣдняя власть не включаетъ эту территорію въ составъ своихъ земель». *Еллинеку* правильно возражаетъ *Brie* въ Grünhuts Zeitschrift (ср. источники и пособія).

Для доказательства государственнаго характера Финляндіи многіе приводятъ совершенно недостаточныя обстоятельства. Такъ, *Moreau* изъ того факта, что существуетъ финляндскій престолъ (ст. 26 Осн. Гос. Зак.), выводитъ, что слѣдовательно должно существовать и Финляндское государство! Если бы это было правильно, то по логикѣ вещей пришлось бы признать и существованіе особаго польскаго государства, потому что упомянутая статья говоритъ о «престолахъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго». *О единствѣ Престола* см. Приложенія №№ 34, 36, 48, 56, 61, 63.

Rehm, D. J. Z. V. 22, говоритъ: «Для безпристрастнаго наблюдателя не можетъ быть сомнѣній, что Финляндія, несмотря на ея присоединеніе къ Россіи, юридически не русская провинція, а государство; Финляндія имѣетъ конституцію, основной законъ, «форму правленія», а таковую имѣютъ одни государства». Опроверженіе этого читатель найдетъ въ прим. 3 къ стр. 79.—*Rehm* продолжаетъ: «Государственная измѣна возможна только по отношенію къ государствамъ, а не къ провинціямъ; фин-

правильно въ этомъ случаѣ уже потому, что Финляндія по отношенію къ Россіи не имѣетъ необходимой самостоятельности и равноправія (стр. 21, 57 и слѣд.). Предположеніе это недопустимо, если убѣдиться въ томъ, что край этотъ—не государство. Итакъ, выше изложенное мнѣніе (§ 1), будто Финляндія есть государство, связанное съ Россіей реальною уніею, надо отвергнуть, какъ вполнѣ ложное. Дѣйствительныя отношенія Россіи къ Финляндіи въ этомъ мнѣніи замѣняются искусственнымъ строеніемъ, которое получается изъ односторонне-доктринернаго разсмотрѣнія событій 1808 года.

На ряду съ теоріею реальной уніи между Россіей и Финляндіей явилась другая версія, развитая *Ремомъ* и *Германсономъ* [1]). По этому мнѣнію, Финляндія есть Unterstaat или Nebenstaat (низшее, побочное государство).

Развивая картину отношенія Nebenstaat'а къ главному государству, какъ оно обнаруживается въ данномъ случаѣ, *Ремъ* говоритъ: «существо Nebenstaat'а заключается въ томъ, что властитель главнаго государства имѣетъ надъ Nebenland (побочнымъ государствомъ) права не только въ качествѣ мѣстнаго властителя, но и права въ качествѣ властителя главнаго государства. Изъ понятія побочнаго государства вытекаетъ господство надъ нимъ главнаго государства. Главное государство для побочнаго есть высшее (Oberstaat). Властитель главнаго государства имѣетъ надъ побочнымъ высшую государственную власть. Примѣняя это положеніе къ отношенію Россіи и Финляндіи, получаемъ: Царь имѣетъ по отношенію къ Финляндіи права не только какъ Великій Князь, но и какъ Императоръ, какъ властитель Русской Имперіи. Изъ существа побочнаго государства далѣе вытекаетъ, что главное государство можетъ управлять и править побочнымъ не только въ его, но и исключительно въ своемъ собственномъ интересѣ, такъ, какъ того требуетъ интересъ главнаго государства. Оно можетъ осуществлять власть высшаго и низшаго государства такъ, какъ

ляндское же уголовное право трактуетъ о преступленіи государственной измѣны Финляндіи». Это невѣрно; финляндское уголовное уложеніе 1894 г., гл. XII, «О государственной измѣнѣ», говоритъ только о «государственной измѣнѣ Россійскому Государству» и употребляетъ выраженіе «финляндецъ или иной подданный Россійскаго Государства». Но если бы утвержденіе *Rehm'а* было и правильно, все же подобныя обстоятельства, какъ бы важны они ни были, недостаточны для того, чтобы изъ ихъ существованія вывести заключеніе о наличности государства. Это призналъ самъ *Rehm*, ср. его Allgemeine Staatslehre, стр. 27.

[1]) *Rehm*, l. c., *Hermanson*, Beitrag, стр. 13 и слѣд.; стр. 41 и слѣд.

этого требуетъ интересъ высшаго государства, слѣдовательно—и противъ интереса низшаго государства, но съ тѣмъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, *когда осуществляются права мѣстныя, а не общегосударственныя*, соблюдались конституціонныя ограниченія мѣстнаго правительства. Изъ вышеизложенныхъ соображеній вытекаютъ сами собой правильныя заключенія о юридической дѣйствительности Императорскаго манифеста 3/15 февраля 1899 г. Его существованіе вполнѣ законно. Хотя онъ противорѣчитъ интересамъ и мѣстному праву Финляндіи, однако и то и другое противорѣчіе возможно. Финляндія есть побочное государство и вслѣдствіе этого можетъ быть управляема только въ интересѣ высшаго государства. Не право побочнаго государства связываетъ право высшаго государства, но наоборотъ: послѣднее связываетъ первое».

Слѣдствіемъ подобнаго взгляда является то, что русскій Монархъ имѣетъ высшую государственную власть надъ Финляндіей; въ силу этой власти Онъ, какъ Императоръ, можетъ, исключительно въ интересахъ Россіи, издавать законы, которые, хотя бы и противорѣчили мѣстному финляндскому праву (а слѣдовательно—и конституціи), тѣмъ не менѣе юридически обязательны для Финляндіи. Но если Императоръ можетъ въ Финляндіи издавать юридически обязательные законы въ противорѣчіи съ финляндскою конституціей, то Онъ можетъ также, въ противорѣчіи съ соотвѣтствующими опредѣленіями финляндской конституціи, измѣнить самостоятельно конституцію, какъ таковую, всю или части ея, и даже вовсе ее уничтожить безъ содѣйствія сейма. Это означаетъ, что абсолютная власть русскаго Императора простирается и на финляндскую территорію. Здѣсь снова выступаетъ русская государственная власть. *Рему* не удалось конструировать то, что невозможно конструировать: юридическое отдѣленіе высшаго органа въ Финляндіи отъ высшаго органа въ Россіи. Онъ другими словами выразилъ то же, что мы стремились доказать. Изложенное въ приведенныхъ словахъ понятіе *Рема* о побочномъ «государствѣ» не допускаетъ примѣненія понятія государства въ данномъ случаѣ. Если отъ юридически вполнѣ свободной воли высшаго государства зависитъ сохранить побочному государству или отнять у него основы его положенія, то выступающая въ побочномъ государствѣ господствующая власть содержится въ чужомъ правѣ, причемъ отпадаютъ и существенные признаки, которыми государство отличается отъ

провинціи: побочное государство перестаетъ быть государствомъ, ибо не можетъ существовать государство по чужой милости.

Въ этомъ воззрѣніи кроется еще другое коренное противорѣчіе. Оно ясно выступаетъ въ ученіи *Германсона*, по коему Великое Княжество Финляндское—государство, соединенное съ Русскимъ государствомъ въ одну Державу. Русская Держава является такимъ образомъ сложнымъ государствомъ, части котораго суть Великое Княжество Финляндское и Россійская Имперія. Финляндія составляетъ часть Русской Державы; послѣдняя же суверенна, и является субъектомъ государственной власти. Поэтому *Германсонъ* не можетъ миновать того логическаго вывода, что Финляндія подчинена суверенной государственной власти Державы. Эта государственная власть воплощается въ Русскомъ Императорѣ, который по принципу самодержавія есть неограниченный суверенъ. Но если это такъ, то невозможно конструировать еще особую финляндскую государственную власть, компетенція которой ограничивала бы Державную государственную власть. Въ противномъ случаѣ послѣдняя не была бы тѣмъ, что она есть: неограниченною высшею властью.

§ 9. Аналогичныя отношенія зависимости въ современномъ государственномъ мірѣ.

Если Финляндія и не можетъ быть названа государствомъ, то все же изъ сказаннаго явствуетъ, что ее нельзя поставить наравнѣ съ провинціей или административнымъ округомъ (Verwaltungsdistrikt). Напротивъ, ее надо отнести къ тѣмъ существующимъ въ современномъ государственномъ мірѣ образованіямъ, различныхъ оттѣнковъ, которыя, не обладая полнотою государственности, все же имѣютъ нѣкоторые существенные для государства элементы и являются рудиментами государственнаго образованія. Всѣмъ этимъ союзамъ не достаетъ самостоятельной, на ихъ волѣ покоящейся государственной власти, и потому они не суть государства. Они стоятъ выше провинціи, въ отличіе отъ которой они имѣютъ самостоятельность, выходящую за предѣлы провинціальныхъ полномочій, и ниже государства, быть коимъ имъ недостаетъ совокупности всѣхъ государственныхъ элементовъ: это междугосударственныя, полугосударственныя образованія. Второстепенное значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, какое имя дать этой категоріи:

назвать ли ихъ государственными фрагментами (Staatsfragmente), или побочными областями (Nebenländer) или просто областями. Это довольно безразлично, ибо невозможно всѣхъ ихъ обнять однимъ яснымъ характеристичнымъ терминомъ, который содержалъ бы всѣ ихъ различныя особенности. Явленія политическаго міра и различныя отношенія зависимости образованы слишкомъ разновидно и окрашены слишкомъ индивидуально, чтобы существовала возможность втиснуть ихъ въ одинъ шаблонъ. Каждое изъ этихъ образованій составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ особый типъ.

Затѣмъ, для взаимнаго сравненія «полугосударственныхъ» образованій важно обратить вниманіе на контрастъ, выступающій между юридическою и фактическою зависимостью этихъ областей отъ высшаго надъ ними государственнаго союза. Двѣ области, находящіяся по формѣ въ одинаковой степени зависимости, изъ которыхъ юридически ни одна не самостоятельнѣе другой, въ своемъ фактическомъ отношеніи къ подчиняющему государству могутъ быть абсолютно не похожи другъ на друга: юридически болѣе подчиненная область можетъ имѣть гораздо болѣе слабыя отношенія къ своему государству и пользоваться гораздо болѣе широкою свободою общественной жизни, чѣмъ юридически менѣе связанная область. Пространственное отдаленіе отъ подчиняющаго государства, различіе національности, языка, всѣхъ культурныхъ, жизненныхъ и хозяйственныхъ условій и т. д. играютъ въ этомъ вопросѣ извѣстную роль и вызываютъ совершенно независимое отъ юридическихъ отношеній обособленіе области.

Если взглянуть съ этой точки зрѣнія на отношеніе Финляндіи къ Россіи, то окажется, что обособленное существованіе Финляндіи юридически состоитъ въ распоряженіи русской государственной власти. Но фактически Финляндія пользуется самою широкою самостоятельностью, такъ какъ Россія, по политическимъ и практическимъ причинамъ, не пользуется этимъ своимъ высшимъ правомъ. Ея общественная жизнь почти совершенно обособлена отъ русской и регулируется и руководится почти исключительно областными учрежденіями. Но все это основано не на собственномъ правомочіи, а покоится на отреченіи Россіи (которое можетъ быть въ любой моментъ отмѣнено) отъ осуществленія своихъ суверенныхъ правъ въ формѣ, употребляемой въ остальной Имперіи.

Право вторженія не есть еще необходимость вторженія, и обладаніе правомъ не равнозначаще его осуществленію. Этимъ объясняется, что Финляндія обладаетъ самостоятельностью, подобную которой имѣютъ только очень немногіе изъ союзовъ, относимыхъ нами къ категоріи «междугосударственныхъ».

Обратимся прежде всего къ государствамъ Германской Имперіи. Здѣсь господствуетъ въ общемъ типъ замкнутаго въ себѣ единаго государства, причемъ исключеніе представляютъ Герцогства Саксенъ-Кобургъ и Гота, Княжество Ратцебургъ, Маркграфство Оберлаузитцъ и Имперская область Эльзасъ-Лотарингія.

1) Герцогства Саксенъ-Кобургъ и Гота [1]) не образуютъ дѣйствительно единаго государства, такъ какъ каждой части предоставлены важныя государственныя права. Общими являются глава государства и по нѣкоторымъ вопросамъ ландтагъ. Въ остальномъ каждая изъ частей имѣетъ свой собственный ландтагъ и свое собственное внутреннее управленіе. Отдѣльнаго государственнаго подданства кобургскаго или готскаго нѣтъ. Оба герцогства образуютъ на основѣ абсолютнаго равноправія одно цѣлое, состоящее изъ двухъ фрагментовъ; общія дѣла, кругъ которыхъ тѣсно ограниченъ, представляются общему ландтагу, составленному изъ двухъ отдѣльныхъ ландтаговъ. Эти основныя черты взаимнаго отношенія близко напоминаютъ реальную унію, хотя обѣимъ частямъ самимъ по себѣ недостаетъ государственнаго характера. Все это мало похоже на отношеніе Россіи къ Финляндіи. Финляндія есть часть единаго въ отношеніи своихъ суверенныхъ правъ государства, снабженная нѣкоторыми особыми правами; Финляндія и Россія не образуютъ совмѣстно одного государства, какъ Кобургъ и Гота, и не являются двумя частями одного государственнаго цѣлаго.

2) Къ сравненію съ положеніемъ Финляндіи подходитъ своеобразно привилегированное положеніе, занимаемое маркграфствомъ Оберлаузитцъ въ составѣ Саксонскаго королевства [2]). Существенное содержаніе его особаго государственно-правового положенія соста-

[1]) Ср. *Forkel,* Das Staatsrecht der Herzogtümer Sachsen-Coburg und Gotha (въ Handbuch für öffentliches Recht). Фрейбургъ и Тюбингенъ, 1884. Также *Еллинекъ,* Ueber Staatsfragmente. 1896, стр. 34 и слѣд.

[2]) *Максъ, Саксонскій Герцогъ,* Die staatsrechtliche Stellung des königlich-sächsischen Markgrafentums Oberlausitz. 1892. *Fricker,* Grundriss des Staatsrechts des Königreichs Sachsen. Лейпцигъ 1891, стр. 93 и слѣд.

вляютъ особыя права маркграфства въ отношеніи законодательства. Такъ, для извѣстнаго рода законовъ въ опредѣленной области требуется согласіе особыхъ провинціальныхъ сословій; на ряду съ этимъ существуетъ также право самостоятельнаго законодательства [1]), впрочемъ въ весьма ограниченной мѣрѣ. Въ отношеніи управленія и юстиціи Оберлаузитцу принадлежатъ только незначительныя и несущественныя права. Этимъ исчерпываются особыя права маркграфства, составляющаго часть Саксоніи, провинцію, надѣленную историческими правами [2]). Это особое право фактически большой роли не играетъ, такъ какъ въ небольшой области, вполнѣ поглощенной королевствомъ, потребности въ особомъ законодательствѣ и управленіи не ощущается. И здѣсь мало точекъ опоры для сравненія съ положеніемъ Финляндіи. Въ правахъ маркграфства государственныхъ элементовъ нѣтъ, а въ количественномъ отношеніи между ними существуетъ большое различіе.

3) Княжество Ратцебургъ [3]) образуетъ (съ 1701 г.), вмѣстѣ съ владѣніемъ (Herrschaft) Штаргардъ, Великое Герцогство Мекленбургъ-Стрелицкое. Но оно не слито съ Штаргардъ въ единое цѣлое, ибо на Ратцебургъ не простирается общая конституція Великихъ Герцогствъ Мекленбургъ-Шверинъ и Мекленбургъ-Стрелицъ (актъ 1755 г). На этомъ основано обособленное положеніе княжества. Управленіе его осуществляется учрежденіями Великаго Герцогства; правительство до недавняго времени было абсолютнымъ, такъ какъ данная въ 1869 году конституція долгое время оставалась мертвою буквой, ибо народное представительство не могло собраться вслѣдствіе неучастія городскихъ и крестьянскихъ депутатовъ; только въ 1906 году было установлено положеніе, согласное съ конституціею. По этой конституціи, за спеціально областнымъ представительствомъ оставлено право участія въ измѣненіи существующихъ и установленіи новыхъ налоговъ. Однако законы, которые должны имѣть дѣйствіе для всего Великаго Герцогства, включая Ратцебургъ, издаются безъ всякаго участія со стороны этого областного представительства. Въ финансовомъ отно-

---

[1]) *Герцогъ Саксонскій*, l. c., стр. 32 и слѣд.

[2]) Ср. *Fricker*, l. c., стр. 100.

[3]) Ср. *Büsing*, Das Staatsrecht der Grossherzogtümer Mecklenburg-Schwerin und Mecklenburg-Strelitz (въ Handbuch des öffentlichen Rechts). Фрейбургъ и Тюбингенъ. 1884. Отдѣлъ VI. Das Fürstentum Ratzeburg.

шеніи княжество обособлено отъ остальнаго Великаго Герцогства.

Положеніе Ратцебурга похоже на положеніе Оберлаузитца; здѣсь—привилегированная провинція, имѣющая общее съ остальнымъ Великимъ Герцогствомъ законодательство (осуществляемое въ особой формѣ).

4) Существенно иное положеніе Эльзасъ-Лотарингіи [1]). Версальскимъ прелиминарнымъ мирнымъ договоромъ 26 февраля 1871 г. Эльзасъ-Лотарингія была отдана Германской Имперіи «въ полное право суверенитета и собственности». Этимъ Германская Имперія получила право осуществленія государственной власти въ области, ставшей теперь объектомъ имперской власти въ полномъ ея объемѣ. Имперская власть (и осуществлявшіе ее органы) не стала, какъ въ союзныхъ государствахъ Имперіи, надъ областной властью отдѣльныхъ государствъ (Landesstaatsgewalt), имѣя отношеніе къ территоріи чрезъ посредство областной власти, но заняла мѣсто самой областной власти (Landesstaatsgewalt); она стала тожественна съ ней. Имперскимъ закономъ 25 іюня 1873 г. въ области была введена съ 1 января 1874 г. имперская конституція. Въ силу нея Императоръ, какъ имперскій органъ, осуществляетъ государственную власть; часть его правъ перенесена на намѣстника (имперскій законъ 4 іюля 1879 г.), который кромѣ того заступилъ мѣсто имперскаго канцлера. Онъ—министръ для Эльзасъ-Лотарингіи съ тою же отвѣтственностью, какую несетъ имперскій канцлеръ; при осуществленіи же имъ полномочій главы государства,—отвѣтственность падаетъ на контрассигнующаго статсъ-секретаря. Въ силу закона 2 мая 1877 г. мѣсто рейхстага заступилъ «Landesausschuss», согласіе котораго (вмѣстѣ съ согласіемъ Союзнаго Совѣта) требуется для изданія областныхъ законовъ (Landesgesetze), т. е. тѣхъ, которые въ союзныхъ государствахъ Имперіи издаются мѣстнымъ законодательствомъ. «Landesausschuss» призванъ для представительства (замѣны) рейхстага; онъ осуществляетъ его полномочія, поскольку они касаются областныхъ дѣлъ, и является назначен-

[1]) Ср. *Laband*, Deutsches Reichsstaatsrecht, 1907 (Das öffentliche Recht der Gegenwart, т. I), стр. 173 и слѣд.; *Leoni*, Das öffentliche Recht des Reichslandes Elsass-Lothringen, 2 части, 1892, 1895; *Rosenberg*, Die staatsrechtliche Stellung von Elsass-Lothringen. Мецъ. 1896; *Jellinek*, l. c., стр. 31 и слѣд., и др.

нымъ Имперіею областнымъ органомъ. Такъ какъ онъ назначенъ Имперіей, то существованіе его находится въ распоряженіи имперскаго законодательства; онъ участвуетъ въ осуществленіи законодательной власти Имперіи и въ этомъ отношеніи есть органъ Имперіи; но одновременно онъ и областной органъ, ибо онъ является представительствомъ населенія Эльзасъ-Лотарингіи, которое черезъ него участвуетъ въ областномъ законодательствѣ. Областное законодательство Эльзасъ-Лотарингіи, однако, есть осуществленіе имперской власти и потому является особаго рода имперскимъ законодательствомъ.

Финляндскій сеймъ занимаетъ подобное положеніе. Такъ какъ нѣтъ финляндской государственной власти, то финляндское мѣстное законодательство является осуществленіемъ русской имперской власти; участвуя въ этой дѣятельности, сеймъ является посредственнымъ имперскимъ органомъ: его существованіе находится въ распоряженіи русской государственной власти, такъ какъ оно основано на конституціи и вмѣстѣ съ ней можетъ быть уничтожено. Какъ въ Эльзасъ-Лотарингіи возможно изданіе областныхъ законовъ путемъ имперскаго законодательства, несмотря на существованіе «Landesausschuss»'а, такъ и въ Финляндіи Имперія можетъ издавать спеціальные мѣстные законы безъ согласія сейма (впрочемъ, только послѣ формальной отмѣны или измѣненія конституціи края). Финляндскій сеймъ является въ то же время и областнымъ органомъ, ибо населеніе области участвуетъ черезъ него въ осуществленіи государственной власти; онъ принадлежитъ странѣ, какъ таковой, и представляетъ спеціальное учрежденіе, которое господствующая государственная власть учредила въ области и для нея [1]).

Что касается положенія должностныхъ лицъ, то чиновники въ Эльзасъ-Лотарингіи назначаются и увольняются Императоромъ; они находятся на службѣ Имперіи и суть имперскія должностныя лица. Однако, они образуютъ особую ихъ категорію и занимаютъ исключительное положеніе. Они подчинены не имперскому канцлеру, но намѣстнику, получаютъ свое жалованье изъ областной

[1]) Ср. *Jellinek*, Allgemeine Staatslehre, стр. 639: «Характерность этихъ областныхъ органовъ заключается въ томъ, что всякое чинимое въ странѣ велѣніе предполагаетъ общую дѣятельность областныхъ органовъ и господствующей государственной власти. Областные законы санкціонируются государственною властью, областное начальство назначается ею же или по ея указанію».

кассы, отдѣленной отъ имперскаго фиска, и формально подлежатъ особымъ юридическимъ нормамъ, которыя, согласуясь съ текстомъ закона объ имперскихъ служащихъ 31 марта 1873 г., для области санкціонированы спеціальнымъ закономъ 23 декабря 1873 г. [1]). Для имперскихъ служащихъ существуетъ рядъ юридическихъ нормъ, не примѣнимыхъ къ областнымъ чиновникамъ (Landesbeamte) Эльзасъ-Лотарингіи [2]); равнымъ образомъ, имѣются спеціальныя служебныя отрасли областного управленія, которыхъ нѣтъ въ имперскомъ управленіи.

Положеніе финляндскихъ должностныхъ лицъ можно сравнить съ положеніемъ посредственныхъ имперскихъ должностныхъ лицъ, только здѣсь отпадаетъ строгое разграниченіе между Императоромъ и областнымъ правителемъ (Landesherr): они несомнѣнно обязаны послушаніемъ Императору, какъ таковому; однако, при этомъ они—областныя должностныя лица (Landesbeamte), назначенныя для особыхъ цѣлей Финляндскаго областного управленія, получаютъ жалованье за свою службу изъ Финляндской казны и подчинены финляндскому закону.

Существенная разница между положеніемъ Эльзасъ-Лотарингіи и Финляндіи заключается въ томъ, что, при инкорпораціи Финляндіи, ей принципіально оставлены тѣ права, которыя она имѣла подъ шведскою властью и которыя стали ея особыми правами, причемъ принципъ этотъ былъ нарушенъ лишь постольку, поскольку того требовала общая связь съ Имперіей. Между тѣмъ, германская имперская власть послѣ уступки Эльзасъ-Лотарингіи стала дѣйствовать въ ней непрерывно и непосредственно, измѣнила въ корнѣ оставшуюся отъ французскаго времени организацію и приспособила вновь созданную организацію къ имперской кон-

[1]) Ср. *Laband*, Staatsrecht, II, стр. 234: «Общія правила для имперскихъ чиновниковъ распространены на областныхъ чиновниковъ спеціальнымъ закономъ 23 декабря 1873 г. Законъ этотъ буквально тожественъ съ закономъ объ имперскихъ чиновникахъ; но тѣмъ самымъ было создано для обѣихъ категорій чиновниковъ только матеріально общее право, формально же для областныхъ чиновниковъ установлено особое право. Это имѣетъ двойное правовое дѣйствіе: съ одной стороны, позднѣйшія предписанія имперскихъ законовъ относительно имперскихъ чиновниковъ не получаютъ примѣненія къ областнымъ чиновникамъ Эльзасъ-Лотарингіи, если опредѣленно не оговорено распространеніе ихъ дѣйствія и на послѣднихъ, а съ другой—предписанія закона объ условіяхъ службы областныхъ чиновниковъ должны быть дополняемы или измѣняемы и въ порядкѣ областного законодательства».

[2]) Ср. *Laband*, Staatsrecht, II, стр. 235, прим. 1.

ституціи. Поэтому количественно права Финляндіи гораздо шире, чѣмъ права Эльзасъ-Лотарингіи. Въ послѣдней нѣтъ ни особаго права гражданства, отличнаго отъ имперскаго, ни особой судебной организаціи или особаго гражданскаго и уголовнаго права, какъ въ Финляндіи; но въ финансовомъ отношеніи существуетъ аналогія, ибо областная казна (Landeskasse) и областное имущество (Landesvermögen) Эльзасъ-Лотарингіи строго обособлены отъ имперскаго фиска, и имущества и областной бюджетъ поэтому не составляетъ части имперскаго бюджета.

5) Внѣ Германской Имперіи существуютъ еще нѣсколько странъ, отношенія зависимости которыхъ отъ главнаго государства приближаются къ положенію Финляндіи, особенно въ томъ отношеніи, котораго мы уже касались: въ отношеніи фактическаго обособленія отъ государства, которому онѣ подчинены. Эти страны имѣютъ обособленное политическое существованіе благодаря тому, что онѣ, по своимъ особо сложившимся національнымъ, культурнымъ и хозяйственнымъ условіямъ, не имѣютъ ничего общаго съ жизнью господствующаго государства и не принимаютъ въ ней никакого участія. Онѣ совсѣмъ не затрагиваютъ его внутренней жизни и вполнѣ отъ него изолированы. Къ такимъ странамъ принадлежатъ Исландія, Хорватія-Славонія, британскія «selfgoverning colonies», а также Индія.

а) Обособленное положеніе Исландіи [1]) по отношенію къ Даніи въ научной литературѣ очень спорно. Здѣсь надо различать два воззрѣнія: то, которое принято датскимъ правительствомъ по отношенію къ Исландіи,—и то, котораго держатся органы Исландіи по отношенію къ датскому воззрѣнію.

Самостоятельная Исландская республика въ 1262 году принесла присягу на подданство норвежскому королю Гаакону; этимъ «актомъ уніи» создалось соединеніе съ Норвегіей, и на немъ основаны отношенія къ Норвегіи и позже къ Даніи. Однако Исландія сохранила свою полную самостоятельность. Вступивъ въ 1380 году въ унію съ Даніей, она въ государственно-правовомъ отношеніи оставалась вполнѣ отъ нея отдѣленной. Въ новѣйшее время, однако, стремленія датскаго правительства направлялись все энергичнѣе къ болѣе тѣсному

---

[1]) Ср. *Goos-Haasen*, Das Staatsrecht des Königreiches Dänemark (въ «Handbuch d. öff. Rechts»), стр. 154 и слѣд.; *Lundborg*, Islands staatsrechtliche Stellung von der Freistaatszeit bis in unsere Tage, Берлинъ 1908; *Jellinek*, l. c., стр 25 и слѣд.

сліянію обѣихъ странъ, чему Исландія постоянно противилась. Въ 1870 году правительство предложило датскимъ палатамъ законопроектъ, касающійся конституціоннаго положенія Исландіи въ государствѣ. Проектъ былъ принятъ рейхстагомъ и опубликованъ въ видѣ закона 2 января 1871 г. Опредѣленія этого закона сводятся къ слѣдующему [1]): Исландія—нераздѣльная часть датскаго государства, надѣленная особыми областными правами или привилегіями (ст. 1). Пока Исландія не представлена въ рейхстагѣ, она не принимаетъ участія въ осуществленіи законодательства въ общегосударственныхъ дѣлахъ и не можетъ быть привлечена къ участію въ расходахъ на общія нужды государства (ст. 2). Особыми исландскими дѣлами считаются: дѣла полиціи, церкви, преподаванія, медицины и гигіены, коммунальная организація и попеченіе о бѣдныхъ, сельское хозяйство, торговля и т. п., налоги, публичная собственность, гражданское и уголовное право и правосудіе (ст. 3). Наконецъ, датская государственная касса ежегодно имѣетъ уплачивать опредѣленную сумму на покрытіе исландскихъ расходовъ (ст. 5) и нести расходы по высшему управленію Исландіи въ Копенгагенѣ. Затѣмъ, 5 января 1874 г. король далъ странѣ конституцію, въ силу которой [2]) Исландія во всѣхъ дѣлахъ, принадлежащихъ по статьѣ 3 закона 2 января 1874 г. къ спеціальнымъ исландскимъ, имѣетъ свое особое законодательство, осуществляемое королемъ и народнымъ представительствомъ (альтингомъ), свое собственное управленіе, принадлежащее королю, и свое собственное правосудіе. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ Исландія вполнѣ самостоятельна; съ другой стороны, она не представлена въ датскомъ рейхстагѣ и не участвуетъ, такимъ образомъ, въ осуществленіи законодательной власти въ общихъ вопросахъ; отъ участія же въ иностранной политикѣ она совершенно отрѣшена. Король осуществляетъ свою власть черезъ особаго министра для Исландіи, который отвѣтственъ передъ исландскимъ народнымъ представительствомъ за соблюденіе конституціи и является высшимъ должностнымъ лицомъ области, имѣя служебное пребываніе въ главномъ городѣ области (законъ 3 октября 1903 г.). До 1903 г. высшая власть была передана, подъ отвѣтственностью министра, назначенному королемъ губернатору (Landshöfding);

[1]) Ср. *Dareste*, Constitutions modernes, т. II, стр. 24 и слѣд.

[2]) Ср. *Dareste*, l. c., стр. 25 и слѣд.

эта должность теперь упразднена. Исландія имѣетъ особые суды, дѣйствующіе по собственнымъ законамъ съ тѣмъ ограниченіемъ, что высшій датскій судъ составляетъ высшую инстанцію и для Исландіи.

Обставленное такимъ образомъ положеніе Исландіи имѣетъ чрезвычайно много общаго съ положеніемъ Финляндіи. Тамъ, какъ и здѣсь, въ иностранныхъ дѣлахъ [1]) область заступается господствующимъ государствомъ, тогда какъ во внутреннихъ дѣлахъ она осуществляетъ государственныя функціи; тамъ, какъ и здѣсь, имѣются особый областной министръ (Landesminister), который стоитъ внѣ совѣта министровъ—или государственнаго совѣта (Staatsrat въ Даніи), и (генералъ-) губернаторъ, до послѣдняго времени назначавшійся монархомъ. Обособленное положеніе Исландіи также состоитъ въ распоряженіи датской государственной власти, ибо законъ о конституціонномъ положеніи Исландіи 2 января 1871 г. есть датскій законъ, который не имѣетъ другихъ гарантій своего существованія, кромѣ тѣхъ, которыми гарантируется всякій другой законъ государства. Однако, въ противоположность Финляндіи, въ Исландіи не имѣется особаго исландскаго права гражданства, но существуетъ только общее датское природное состояніе [2]).

Таково положеніе Исландіи съ датской точки зрѣнія. Данія основываетъ положеніе страны на датскомъ законѣ 1871 года. Напротивъ, исландцы утверждаютъ, что законъ 1871 г. недѣйствителенъ, ибо Данія не имѣетъ абсолютно никакого права издавать законы въ Исландіи или для Исландіи. «Единственный юридически дѣйствительный актъ, составляющій норму соединенія Исландіи съ Даніей, есть старый актъ уніи. Онъ никогда не былъ отмѣненъ и продолжаетъ дѣйствовать» [3]). По этому

---

[1]) Договоры, заключаемые Даніей съ иностранными державами, вступаютъ въ дѣйствіе въ Исландіи по предварительномъ запросѣ альтинга, хотя запрашивать его Данія (какъ и Россія) юридически и не обязана. Однако бывали случаи, когда Исландія непосредственно вступала въ соглашенія съ другими странами. Ср. *Lundborg*, l. c., стр. 53.

[2]) Правда, въ ст. 4 конституціоннаго закона 1874 г. сказано: «никто. . . . не можетъ занимать въ Исландіи должность, если онъ не владѣетъ общимъ правомъ туземца». Однако, здѣсь рѣчь идетъ объ общемъ датскомъ правѣ гражданства. Ср. *Lundborg*, l. c., стр. 54; *Dareste*, l. c., стр. 26, прим. 5.

[3]) *Lundborg*, l. c., стр. 51.

акту, Исландія и Данія не имѣютъ другихъ общихъ органовъ, кромѣ монарха; Исландія есть соединенное съ Даніей суверенное государство, и ихъ соединеніе соотвѣтствуетъ понятію реальной уніи [1]). Строго юридически это исландское воззрѣніе представляется правильнымъ. Не надо, однако, забывать, что въ теченіе столѣтій Данія никогда не признавала независимости Исландіи, что уже въ 1563 году датскій государственный совѣтъ былъ апелляціоннымъ судомъ для Исландіи. Въ послѣдующее время, до самаго послѣдняго, Исландія разсматривалась какъ подчиненная область; безъ участія альтинга устанавливался бюджетъ, и предпринималось много административныхъ преобразованій. Также и отсутствіе существеннаго государственнаго элемента (самостоятельнаго права гражданства) говоритъ не въ пользу мнѣнія исландцевъ. Настоящее положеніе является переходнымъ, и разрѣшеніе вопроса въ томъ или иномъ направленіи послѣдуетъ, вѣроятно, въ скоромъ времени.

б) Королевство Хорватія-Славонія [2]) составляетъ съ Венгріей «политическій союзъ и унію» подъ властью одного и того же короля, на основаніи заключеннаго въ 1868 г. соглашенія съ Венгріей, результатомъ котораго являются тожественные законы: № 30 въ Венгріи и № 1 въ Хорватіи-Славоніи [3]). Страна въ лицѣ сейма имѣетъ собственный законодательный органъ, компетентный во всѣхъ дѣлахъ, которыя не объявлены (зак. 1868 г., ст. 6 — 10) общими для обѣихъ странъ. Она имѣетъ свое собственное областное правительство, отвѣтственное передъ сеймомъ, свою судебную организацію, собственный языкъ въ законодательствѣ, управленіи и правосудіи. Въ венгерскомъ министерствѣ хорватскіе интересы представляетъ министръ безъ портфеля (министръ для Хорватіи-Славоніи-Далматіи); общія всему королевству (Венгріи и Хорватіи-Славоніи) дѣла вносятся въ венгерскій рейхстагъ, въ который Хорватія-Славонія посылаетъ своихъ представителей; такимъ образомъ она принимаетъ участіе въ созданіи воли венгерскаго государства. Особаго хорватскаго государственнаго подданства нѣтъ. Особенность положенія Хорватіи и въ то же время существенное отличіе ея положенія отъ финляндскаго заключается въ правовой гарантіи, данной

---

[1]) Но не личной уніи, какъ полагаетъ *Lundborg*, l. c.

[2]) Ср. *Ulbrich*, Das Staatsrecht der österreichisch-ungarischen Monarchie (Hd. d. öff. Rechts).

[3]) Ср. *Dareste*, l. c., стр. 457 и слѣд.

существованію особаго положенія страны, которое основано не на венгерскомъ законѣ и, такимъ образомъ, не на волеизъявленіи высшей власти, а на политическомъ компромиссѣ, результатомъ котораго былъ общій основной законъ. Изъ этого слѣдуетъ, что особыя права Хорватіи и ея государственно-правовое положеніе по отношенію къ Венгріи не могутъ быть измѣняемы безъ прямого согласія страны.

в) Большую аналогію съ положеніемъ Финляндіи мы находимъ въ правовомъ положеніи привилегированныхъ англійскихъ колоній, а также Индіи [1])—не потому, чтобы имъ принадлежала бо̀льшая мѣра свободъ и особыхъ правъ, чѣмъ только-что названнымъ областямъ, но потому, что у нихъ находится въ высокой мѣрѣ та же своеобразность, которая характерна и для положенія Финляндіи: съ одной стороны, самостоятельность и независимость законодательства и юстиціи, а также (хотя и не въ той же мѣрѣ) управленія, и обусловленная этимъ постоянная обособленность общественной жизни; съ другой стороны—всегда существующая возможность вторженія со стороны главнаго государства, которая ограничиваетъ ихъ самостоятельность и составляетъ ея противовѣсъ. Фактическая самостоятельность существованія, юридическая зависимость отъ главнаго государства: это—характерная особенность обоихъ случаевъ.

Англійскія «Selfgoverning colonies» [2]) (въ особенности интересны въ этомъ отношеніи Капская колонія [4]), «Dominion of Canada» [3]) и «Commonwealth of Australia» [5]) снабжены особыми конституціями, на основаніи которыхъ онѣ имѣютъ собственные парламенты съ широкою законодательной компетенціей, а равно и парламентарное правительство, то есть отвѣтственныя предъ этими законодательными собраніями министерства. Для изданныхъ

[1]) Ср. *Hatschek*, Englisches Staatsrecht (Hb. d. öff. Rechts), т. I. Die Verfassung 1905. T. II, Die Verwaltung. 1906. Соединеніе самой Англіи съ Шотландіей и Ирландіей въ Соединенное Королевство (United Kingdom) Великой Британіи и Ирландіи для насъ интереса не представляетъ.

[2]) Обзоръ ихъ у *Hatschek'a*, l. c., I, стр. 207.

[3]) Ср. *Dareste*, l. c., II, стр. 610 и слѣд.

[4]) Ср. Dareste, l. c., II, стр. 314 и слѣд.; Конституціи, изданіе барона *Нольде*, Спб. 1905.

[5]) Англійскій законъ, 63 and 64 Victoria, chapter 12. Напечатано у *Guyon*, La constitution australienne de 1900. Thèse. Парижъ 1900, стр. 251 и слѣд. Ср. также *Moore*, The Constitution of the Commonwealth of Australia. Лондонъ 1902.

колоніальнымъ правительствомъ при содѣйствіи парламента законовъ существуетъ только то ограниченіе, что они не должны противорѣчить законамъ метрополіи [1]). Эти колоніи, кромѣ того, имѣютъ свои собственные суды, свои собственные колоніальные войска и флоты, которые однако одновременно принадлежатъ къ британской морской силѣ. Исполнительная власть осуществляется англійскою короною чрезъ губернатора, который является одновременно имперскимъ и колоніальнымъ органомъ (то же mutatis mutandis и въ Финляндіи), но, какъ британскій служащій, отвѣтственъ за свою службу передъ британскимъ парламентомъ и только передъ нимъ. Этотъ губернаторъ есть высшій гражданскій служащій и командующій военными силами.

Постоянная связь колоній съ метрополіею гарантирована существованіемъ посредствующаго органа между центральнымъ правительствомъ и колоніальнымъ—статсъ-секретаря для колоній, который стоитъ во главѣ бюрократически организованнаго Colonial-Office, дающаго губернаторамъ постоянныя директивы и имѣющаго своею задачею изслѣдовать колоніальное законодательство съ точки зрѣнія его правомѣрности и согласованности съ имперскимъ законодательствомъ. Въ противоположность Финляндскому Министру Статсъ-Секретарю, не принадлежащему къ русскому Совѣту Министровъ, онъ является членомъ англійскаго министерства. Конституціи колоній—не собственные ихъ законы, а *британскіе парламентскіе акты*. Существуетъ, наконецъ, и особое колоніальное подданство. Хотя оно не вполнѣ отдѣлено отъ британскаго государственнаго подданства, такъ какъ каждый англичанинъ, поскольку онъ селится въ соотвѣтствующей колоніи, имѣетъ право на осуществленіе всѣхъ правъ, принадлежащихъ подданнымъ этой колоніи; но, съ другой стороны, «нѣтъ единаго британскаго имперскаго подданства въ томъ смыслѣ, чтобы и колоніальные подданные считались во всѣхъ частяхъ Великобританіи, во всѣхъ колоніяхъ и въ Ирландіи, при всѣхъ обстоятельствахъ, англичанами и охранялись какъ таковые» (Hatschek). Въ каждой колоніи существуютъ особыя основныя положенія, регулирующія пріобрѣтеніе въ ней подданства. Это пріобрѣтеніе даетъ право на осуществленіе правъ гражданства только въ со-

---

[1]) Ср. *Hatschek*, l. c., I, стр. 205.

отвѣтствующей колоніи. Поэтому можно ясно различать собственно британское подданство, признаваемое во всѣхъ частяхъ британской міровой Имперіи, и британскія колоніальныя подданства, признаваемыя только въ предѣлахъ колоній. Подданные колоній подчинены, однако, единой государственной власти и суть британскіе подданные; британская международно-правовая защита простирается и на нихъ.

Государственно-правовое положеніе Индіи въ существенномъ то же самое. Существуетъ «Статсъ-Секретарь для Индіи» и «Council of state for India». Особое сходство съ Финляндіей Индія имѣетъ въ томъ, что она формально составляетъ не только колонію, но и Имперію; англійскій король выступаетъ здѣсь, такимъ образомъ, съ особымъ титуломъ.

Этотъ бѣглый обзоръ показываетъ, что, хотя Финляндія по своей природѣ и представляетъ много особенностей и уклоненій отъ разсмотрѣнныхъ случаевъ, однако въ цѣломъ она по существу походитъ на эти области. Уже въ началѣ параграфа было указано, что едва ли существенно объединить эти союзы однимъ собирательнымъ именемъ, ибо споръ по этому поводу всегда останется игрой словами. Терминъ «Nebenland» является наиболѣе подходящимъ уже потому, что онъ укоренился въ государственномъ правѣ и даетъ наилучшее понятіе о своемъ содержаніи. Въ немъ выражено, что соотвѣтствующая территорія, не будучи отдѣлена отъ государства, составляетъ интегральную его часть, но, благодаря своему преимущественному передъ другими частями государства правовому положенію, возвышается надъ провинціей и становится областью («Land») съ государственными функціями и задачами. Русскіе называютъ такую область съ государственно-правовыми, этнографическими и культурными особенностями «краемъ», и Финляндія называлась такъ во многихъ законахъ и указахъ. Если такая область расположена на внѣшней границѣ Имперіи, то она называется «окраиной» (Grenzmarke), и это выраженіе также вполнѣ подходитъ къ положенію Финляндіи.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Вышеизложенное приводитъ къ отрицательному выводу относительно государственнаго характера Финляндіи и къ признанію принципіальной правомѣрности предпринятыхъ недавно (въ 1899—1904 г.г.) русскимъ правительствомъ мѣръ, острота которыхъ вызвала бурю неудовольствія далеко за предѣлами Финляндіи и стала исходною точкою международной литературы, имѣвшей цѣлью защитить подвергнутые опасности интересы Финляндіи. Теченіе «pro Finlandia» родилось въ силу сочувствія слабѣйшему и желанія противодѣйствовать успѣху противо-культурнаго государственнаго принципа. Едва ли мы ошибемся, если объяснимъ вліяніемъ этихъ идей гуманности значительную долю единодушія въ сужденіяхъ даже научнаго міра Европы по этому вопросу. Нетрудно убѣдиться въ томъ, что во многихъ относящихся къ данному вопросу сочиненіяхъ безпристрастное изслѣдованіе и логическіе пріемы доказательствъ замѣнены фразами, продиктованными этими съ точки зрѣнія человѣчности весьма понятными идеями. Что не во всѣ времена—и даже въ самой Финляндіи—государственно-правовое положеніе края разсматривалось съ той точки зрѣнія, которая обнаружилась недавно подъ вліяніемъ мѣръ русскаго правительства,—можно ясно видѣть изъ сочиненій научно образованныхъ писателей XIX столѣтія. Такъ, финляндецъ *Арвидсонъ* (въ 1838 г.), а за нимъ финнъ *Сиромалайненъ* и профессоръ Гельсингфорсскаго университета *Пальменъ* считали Финляндію *русскою провинціею;* въ ноябрѣ 1838 г. вышло въ свѣтъ обширное сочиненіе *Куохаринена* [1]), который по подробномъ изслѣдованіи историческихъ событій приходитъ

[1]) Напечатано въ «Настоящее и прошлое Финляндіи» (ср. источники и пособія). Изложивъ обстоятельно соединеніе Финляндіи съ Россіей, авторъ говоритъ (стр. 109): «И отсюда произошло само по себѣ «государство съ представительною конституціей.»! Въ теченіе истекшихъ 30 лѣтъ никто у насъ не говорилъ ни объ этомъ, ни о собраніяхъ сословій, которыя, однако, свойственны такой формѣ правленія».

къ заключенію, что Финляндія является «русскою провинціею, завоеванною съ оружіемъ въ рукахъ и формально уступленною мирнымъ договоромъ». Мы видѣли, что Финляндія—составная часть Россіи. Обстоятельства, при которыхъ произошло ея присоединеніе, характеръ сложившагося съ тѣхъ поръ положенія Финляндіи по отношенію къ Имперіи, своеобразное смѣшеніе обоюдныхъ правовыхъ сферъ—все это указываетъ на правильность такого утвержденія.

Если, однако, считать Финляндію русской окраиной (которой предоставлено обособленное положеніе), то недостатокъ положительныхъ гарантій для сохраненія этой привилегіи представляется на первый взглядъ положеніемъ не только ненормальнымъ, но и вообще не имѣющимъ подъ собою почвы. Но эти гарантіи, если ближе къ нимъ присмотрѣться, не столь существенны. Правда, онѣ не выражены въ конкретныхъ правовыхъ положеніяхъ. Онѣ носятъ характеръ чисто фактическій и заключаются въ соображеніяхъ политическаго свойства. Эти гарантіи основаны на жизненномъ интересѣ Россіи обезпечить сохраненіе этой, столь важной для всего государства, области; а это обезпеченіе гарантировано и поддержаніемъ въ финляндцахъ сознанія выгоды связи съ Россіей. Новѣйшая исторія Финляндіи показала, что эти фактическія гарантіи могутъ имѣть гораздо больше вѣса, чѣмъ какія бы то ни было юридическія нормы. Русское правительство, осуществлявшее въ 1899—1904 гг. свое право, очень скоро принуждено было убѣдиться, что этой политикой оно достигло какъ разъ противнаго тому, чего желало. И вотъ, соображенія политической необходимости вынудили его отступить. Сознаніе, что обезпеченное обладаніе Финляндіею и спокойствіе страны важнѣе всего, вотъ—плотина, крѣпче оберегающая положеніе Финляндіи въ Имперіи, чѣмъ это могли бы сдѣлать параграфы законовъ и конституціи. Съ древнѣйшихъ временъ опытъ исторіи доказываетъ, что политическое развитіе странъ и государствъ движется прежде всего политическими расчетами, требованіями государственнаго блага и необходимости, а не юридическими нормами [1]).

[1]) Однако, и уступки 1905—1907 годовъ показали, что домогательства финляндцевъ идутъ гораздо дальше, чѣмъ можетъ допустить интересъ единой и нераздѣльной Россіи. Отношенія Финляндіи къ Россіи пора перестать строить на льготахъ и при-

Въ этомъ отношеніи конституція финляндской окраины приближается къ новой русской: и эта послѣдняя въ теперешнемъ переходномъ періодѣ, когда нѣтъ правовыхъ средствъ, которыя можно было бы противопоставить дѣйствіямъ Монарха, ничѣмъ такъ не оберегается, какъ сознаніемъ Правителя, что отступленіе отъ конституціи является нежелательнымъ и опаснымъ по соображеніямъ внутренней политики.

Что касается сужденій, съ которыми Европа выступила противъ дѣйствій Россіи, то трудно, казалось бы, не сочувствовать слѣдующимъ мыслямъ. «Финляндія именно въ XIX вѣкѣ съ удивительной силой развила духовную индивидуальность, отличаясь притомъ очень своеобразной природой, характеромъ національности и исторически-политическимъ положеніемъ... Финляндскій народъ въ видѣ объединеннаго цѣлаго принялъ участіе въ духовномъ движеніи вѣка и его стремленіяхъ; онъ съумѣлъ быстро освоиться съ успѣхами культуры и двинуться впередъ въ области науки и искусства, техники и промышленности... Лояльнымъ поведеніемъ онъ выказалъ себя достойнымъ благоволенія Россіи и своимъ собственнымъ ростомъ увеличилъ могущество великой державы» [1]).

Что даровитый здоровый народъ былъ вырванъ изъ искони свойственнаго ему жизненнаго уклада, съ которымъ онъ сросся и который сталъ для него необходимымъ условіемъ успѣшнаго развитія, что онъ въ цѣляхъ нивеллировки долженъ былъ быть втиснутъ въ рамки произвола и что все это должно было случиться безъ всякой пользы для Имперіи, къ одному только вреду финскаго народа,—объ этомъ можно только сожалѣть съ точки зрѣнія гуманности, культуры и свободнаго

вилегіяхъ. ибо скоро бы настало время, когда Финляндія, въ тяжелую для Россіи минуту и получивъ отъ нея всѣ выгоды, отложилась бы отъ нея, какъ Норвегія отъ Швеціи. Новая Россія должна обезпечить свое будущее не привилегіями, расточаемыми окраинамъ въ ущербъ центру и вызывавшими негодованіе еще въ декабристахъ (см. показаніе полковника *Пестеля*, въ Русскомъ біографическомъ словарѣ, изд. 1902 г.), а путемъ сплоченія государства на началахъ прогресса и справедливости, на началахъ не только правъ бо́льшихъ или равныхъ, но и равныхъ обязанностей.

Главная выгода Финляндіи—не быть непрерывнымъ театромъ войны, какимъ она была до 1809 г., а это можетъ быть обезпечено лишь вѣрностью ея Россіи *(примѣчаніе переводчика)*.

[1]) Rudolf *Eucken:* Die Bedeutung der kleineren Nationen (въ «Finnländische Rundschau», 1901, I, стр. 22 и слѣд.). Ср. Прил. 23.

развитія и прогресса. Нынѣ мы твердо убѣждены въ томъ, что свободное и безпрепятственное развитіе національныхъ своеобразностей въ охватывающемъ столько различныхъ національностей государствѣ, какъ Россія, можетъ лишь способствовать преуспѣянію и величію всего государства. Политическая мудрость настоятельно требуетъ сохраненія за отдѣльными частями Имперіи укоренившихся въ исторіи привилегій и привлеченія ихъ къ добровольному сотрудничеству на благо государства; ибо только та нація будетъ съ успѣхомъ участвовать въ дѣлѣ развитія и укрѣпленія всего цѣлаго, которой удовлетворяющее ее положеніе даетъ побудительное къ тому основаніе. Вотъ почему Россія въ собственныхъ интересахъ поступитъ благоразумно, если оставитъ Финляндіи стародавне утвержденныя за нею права [1]).

Это убѣжденіе, однако, не можетъ повліять на безпристрастное сужденіе о правовомъ положеніи вещей, созданномъ 100 лѣтъ тому назадъ и существующемъ и понынѣ. Говорить о желаемомъ развитіи дѣла или о фактической постановкѣ его—далеко не одно и то же, и никогда не надо забывать о томъ, что право обладаетъ шипами, не соотвѣтствующими требованіямъ морали.

Весною 1909 года, во время выхода въ свѣтъ нѣмецкаго изданія этой брошюры была, для выработки проекта правилъ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ общегосудар-

---

[1]) Надо думать, что подъ сохраненіемъ привилегій авторъ разумѣетъ сохраненіе финляндской автономіи во внутреннихъ, т. е. мѣстныхъ, а не общегосударственныхъ дѣлахъ.

Изъ предыдущаго изложенія книги видно, что авторъ вовсе не защищаетъ безправія русскихъ въ краѣ или неучастія Финляндіи въ военныхъ и вообще общегосударственныхъ расходахъ. Автономія же въ дѣлахъ не общегосударственныхъ, а внутреннихъ, обезпечена для Финляндіи статьею 2 Основныхъ Государственныхъ Законовъ.

Сужденія автора о политикѣ 1898—1904 годовъ едва ли находятъ себѣ оправданіе въ программѣ правительства (Прил. № 23). Врядъ ли можно также говорить о планахъ нивеллировки, ибо ими правительство никогда не задавалось. На страницахъ 87 и 88 авторъ вполнѣ правильно оцѣниваетъ политику правительства съ 1889 по 1904 г.г., въ качествѣ стремленія возстановить ослабленное за 1863—1889 годы единство Россійскаго государства, стремленія вполнѣ естественнаго и логичнаго въ отвѣтъ на сепаратистскія тенденціи.

Равнымъ образомъ не согласуются съ мнѣніемъ, изложеннымъ на страницахъ 69—72, и сужденія о произволѣ *(примѣчаніе переводчика)*.

ственнаго значенія, по Высочайшему повелѣнію, образована особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ Государственнаго Контролера, П. А. Харитонова, въ составѣ 10 членовъ; изъ нихъ пятеро назначены по представленію Предсѣдателя Совѣта Министровъ, П. А. Столыпина, и пятеро по представленію Императорскаго Финляндскаго Сената. Коммисія имѣла четыре засѣданія (16 іюня, 30 октября, 7 и 8 декабря 1909 г.), причемъ, въ виду незнанія финляндскими членами русскаго языка, обмѣнъ мнѣній производился по преимуществу письменно. Финляндскими членами былъ предложенъ проектъ, построенный на началахъ австро-венгерскихъ делегацій и содержащій сравнительно краткій перечень дѣлъ общегосударственнаго значенія. Въ свою очередь, Предсѣдатель коммисіи и русскіе ея члены въ своемъ проектѣ также предложили перечень общегосударственныхъ дѣлъ, примѣнительно къ статьѣ 4 Германской конституціи, и полагали необходимымъ пригласить представителей отъ Финляндіи къ участію въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ на общемъ основаніи.

Въ силу Высочайшаго манифеста отъ 14 марта 1910 г. (см. Приложеніе № 66) въ Государственную Думу внесенъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ проектъ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія; сущность этого проекта сводится къ мнѣнію большинства членовъ коммисіи Тайнаго Совѣтника П. А. Харитонова, съ нѣкоторыми введенными Совѣтомъ Министровъ измѣненіями.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Къ нѣмецкому тексту №№ 1—32.

II. Къ русскому переводу №№ 33—67.

I.

№ 1.

Высочайшій Манифестъ 5 (17) іюня 1808 г.—о присоединеніи Вел. Кн. Финляндскаго къ Россіи.

(Сбор. Пост. Финл. Т. I № 1[1]).

Намъ вѣрноподданнымъ обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи всякаго чина и состоянія.

По непреложнымъ судьбамъ Вышняго, благословляющаго оружіе Наше, присоединивъ навсегда Финляндію[2]) къ Россіи, съ удовольствіемъ Мы зрѣли торжественные обѣты, обывателями сего края[3]) принесенные на вѣрное и вѣчное ихъ Скипетру Россійскому подданство. Вмѣстѣ съ симъ воспріяли Мы на себя священную обязанность хранить сіе достояніе[4]), Промысломъ Намъ врученное, во всей его незыблемости и въ непремѣняемомъ и вѣчномъ съ Россіею единствѣ.

Въ чредѣ народовъ Скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени воспріяли навсегда свое мѣсто. Отъ сего великаго состава противу воли и предопредѣленій Вышняго ничто отторгнуть ихъ не можетъ. То же самое Провидѣніе, которое споспѣшествовало храброму воинству Нашему въ обладаніи сея страны[5]), будетъ покровительствовать Намъ въ неразрывномъ ея соблюденіи.

---

[1]) Перепечатанъ изъ «Прибавленія къ изд. по Высочайшему повелѣнію Уложенію, существ. въ Вел. Кн. Финл.» СПБ., 1827 (стр. 230—232). Оффиціальный шведскій текстъ этого Манифеста напечатанъ въ Сборникѣ Постан. Вел. Княж. Финлянд., Plac. I, стр. 9—11.

[2]) По шведскому тексту Provincen Finland—Финляндскую провинцію.

[3]) По шведск. тексту denna provincens—сей провинціи.

[4]) По шведск. тексту bibehälla denna Province, som efter den Högstes skickelse Osstillfollit, orubbad och oförändrad, uti en evig förëning med Ryska Riket—хранить сію провинцію, по изволенію Всевышняго Намъ доставшуюся, незыблемо и неизмѣнно въ вѣчномъ съ Россійскимъ Государствомъ единствѣ.

[5]) Въ шведск. текстѣ: vid denna Provincens eröffrande—при завоеваніи сей провинціи.

Обыватели Финляндіи! Да напечатлѣются истины сіи неизгладимо въ сердцахъ вашихъ. Подъ сѣнію Престола Нашего покоятся многочисленные народы; судьбы ихъ равно сердцу Нашему драгоцѣнны; вступивъ въ составъ Имперіи Нашей, вы пріобрѣли тѣмъ самымъ равныя права съ ними [1]).

Сверхъ древнихъ установленій, странѣ вашей свойственныхъ и свято Нами хранимыхъ [2]), новое поле вашей дѣятельности и трудолюбію открывается. Подъ сильнымъ щитомъ Россіи, земледѣліе ваше, торговля, промыслы, всѣ источники народнаго богатства и благосостоянія воспріимутъ новую жизнь и расширеніе. Мы познаемъ вскорѣ всѣ ваши нужды и не умедлимъ простер(е)ть вамъ руку помощи и облегченія. Оружіе Наше оградитъ предѣлы ваши отъ всякаго къ вамъ прикосновенія и отразитъ всѣ покушенія враговъ, если бы когда либо возмутить спокойствіе ваше они дерзнули. Приверженность, единство и непоколебимая вѣрность есть единое возмездіе, коего Мы за все сіе отъ васъ требуемъ и ожидаемъ несомнѣнно.

Обыватели Финляндіи! Да не колеблется вниманіе ваше слухами и обольщеніями, если бы враги Наши паче чаянія разсѣвать ихъ между вами покусились.

Судьба страны вашея рѣшена невозвратно. Всякое разглашеніе о возстановленіи Шведскаго надъ вами владычества было бы тщетное заблужденіе, единственно во вредъ вамъ устремленное. Всякая преклонность и пріобщеніе обывателей къ таковымъ внушеніямъ повлекло бы съ собою неминуемую имъ гибель и разореніе.

Намъ извѣстно, что нѣкоторые соотечественники ваши теперь еще служатъ въ войскахъ Шведскихъ и противъ васъ самихъ вооружаются.

Доселѣ ожидали Мы съ терпѣніемъ раскаянія ихъ и покорности. Долговременное коснѣніе ихъ полагало уже конецъ ожиданію Нашему; но преклоняясь къ судьбѣ семействъ, оставленныхъ ими безъ призрѣнія, Мы еще готовы принять ихъ,

---

[1]) По шведск. тексту: и вы также составляете нынѣ часть Нашего государства. Вы пріобрѣли тѣмъ самымъ равныя съ ними права на Наше попеченіе и благоволеніе.

[2]) Ert Lands gamla författningar och Privilegier skola heligt vidmagthållas— древнія установленія и привилегіи вашей страны будутъ свято соблюдаться

какъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ и заблужденія ихъ навсегда изгладить изъ памяти Нашей, если въ теченіе шестинедѣльнаго срока, считая со дня обнародованія сего Манифеста Нашего, поспѣшатъ они возвратиться. Да престанутъ они отнынѣ работать чуждой власти. Да возвратятся въ нѣдра своего отечества; но да возвратятся немедленно въ назначаемый нынѣ срокъ. По прошествіи онаго и раскаянію не будетъ уже мѣста.

Вѣрные обыватели Финляндіи! Будьте тверды и непоколебимы въ преданности вашей къ Россіи. Слово Наше о сохраненіи васъ въ единствѣ есть непреложно; и Мы всегда Императорскою Нашею милостію пребудемъ вамъ благосклонны.

Въ Санктпетербургѣ, Іюня 5 дня 1808.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

№ 2.

Высочайшій Манифестъ 15 (27) Марта 1809 г. объ утвержденіи правъ Вел. Кн. Финляндіи.

(Сбор. Пост. Финл. Т. I № 2; Шиловскій, Акты, стр. 10).

Русскій оффиціальный текстъ.

(По копіи на бумагѣ 1815 года).

Копія.

Божіею Милостью Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ *вновь* утвердить и удостовѣрить Религію, коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояніе

Переводъ съ шведскаго оффиц. текста.

(По экземпляру, приложенному къ копіи 1809 г.).

Его Императорскаго Величества Милостивое Försäkran всѣмъ жителямъ Финляндіи; дано въ Борго 15/27 Марта 1809 г.

Мы, Александръ I, Божіей Милостью, Государь и Самодержецъ надъ всей Россіей, etc., etc., etc.; Великій Князь (по отношенію къ) Финляндіи etc., etc. Объявляемъ:

Послѣ того, какъ Мы, по волѣ Провидѣнія, взяли во владѣніе

сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по *Конституціямъ* ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимости и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи; во удостовѣреніе чего и сію *Грамоту* собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили.

Въ городѣ Борго Марта 15-го дня 1809 г.

На подлиномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Александръ.

Съ копіею читалъ: Экспедиціонный Секретарь Л. фонъ Гартманъ.

Великокняжество Финляндію, пожелали Мы чрезъ сіе утвердить и укрѣпить Религію Страны и grundlagar вмѣстѣ съ привилегіями и правами, которыми каждое Сословіе въ сказанномъ Великокняжествѣ въ особенности, и всѣ его Жители вообще, какъ высшіе, такъ и низшіе, до сего времени, согласно Конституціи, пользовались; Обѣщая оставить всѣ эти выгоды и установленія крѣпкими и ненарушимыми въ ихъ полной силѣ[1]). Для вящей вѣрности подписали Мы этотъ Försäkrings-Act Нашей собственноручной подписью. Дано въ Борго, 15/27 Марта 1809 года.

Оригиналъ собственноручно Высочайше подписанъ:

Александръ.

№ 3.

Рѣчь Императора Александра I при открытіи сейма 16 (28) Марта 1809 г.

Par les décrets de la Providence appelé à gouverner un peuple bon et loyal, j'ai désiré voir ses représentans réunis autour de Moi.

J'ai désiré vous voir pour vous donner une nouvelle preuve de Mes intentions pour le bien de votre patrie.—J'ai promis de maintenir votre Constitution, vos lois fondamentales; votre réunion ici vous garantit Ma promesse.

---

[1]) По оффиц. изд. прилож. къ Уложенію 1827 г.: «Для вящей вѣрности пожелали Мы укрѣпить эту Försäkran Нашей Собственноручной подписью» и т. д. По тексту Samling af Placater etc., изд. 1831 г., т. I: актъ кончается на мѣстѣ, обозначенномъ у насъ «[1])»; Grundlagar—съ большой буквы; тоже: Привилегіями, Установленія. Въ приложеніи къ Улож. 1827 г. актъ названъ на шведскомъ и русскомъ языкахъ: Kejserl. Manifest, Высочайшій Манифестъ.

Cette réunion fera époque dans votre existence politique, elle est destinée à affermir les noeuds qui vous attachent au nouvel ordre des choses, à compléter les droits que le sort de la guerre m'a déférés par les droits plus chers à Mon coeur, plus conformes à Mes principes, ceux que donnent les sentiments de l'amour et de l'affection.

Je vous ferai connaître mes dispositions sur les objets de votre assemblée. Vous y reconnaitrez facilement l'esprit qui me les a inspirés.

Que l'amour de la patrie, l'amour de l'ordre et une harmonie inaltérable dans vos vues soient l'âme de vos délibérations, et la bénédiction du Ciel viendra descendre sur vous pour diriger, pour éclairer vos travaux.

Произволеніемъ Промысла призванный управлять добрымъ и честнымъ народомъ, Я желалъ видѣть его представителей собранными вокругъ Меня. Я желалъ васъ видѣть, чтобы дать вамъ новое доказательство Моихъ намѣреній для блага вашей родины. Я обѣщалъ сохранить вашу организацію (конституцію), ваши коренные законы; ваше собраніе здѣсь удостовѣряетъ исполненіе Моего обѣщанія. Это собраніе составитъ эпоху въ вашемъ политическомъ существованіи; оно имѣетъ цѣлью укрѣпить узы, привязывающія васъ къ новому порядку вещей, пополнить права, предоставленныя Мнѣ военнымъ счастіемъ, правами болѣе дорогими для Моего сердца, болѣе сообразными съ Моими принципами, тѣми, что даютъ чувства любви и привязанности. Я дамъ вамъ знать о Моихъ распоряженіяхъ по дѣламъ вашего собранія; вы легко узнаете направленіе, Мнѣ ихъ внушившее.—Любовь къ отечеству, любовь къ порядку и неизмѣнная гармонія вашихъ видовъ да будутъ душою вашихъ сужденій, и благословеніе Неба низойдетъ на васъ, чтобы направить, просвѣтить ваши занятія.—Франц. текстъ изъ бумагъ Сперанскаго.

№ 4.

Высочайше утвержденный 22 Февраля 1809 г. Церемоніалъ принесенія присяги.

(Акты Статсъ-Секретаріата 1809 г. № VI Fl. 55—55a).

5. Sa Majesté Impériale, assis sur le Trône, prononce un Discours. Le Gouverneur-Général en donnera une explication en langue Suédoise.

6. Le Chancelier, placé sur la seconde marche du Trône, invitera la Noblesse à la prestation du serment de fidélité, dont il lira les paroles à haute voix; la Noblesse en s'appprochant du Trône, les repétera après lui. Les autres Etats procéderont de la même manière.

7. Après quoi le Gouverneur-Général déclarera, que Sa Majesté Impériale a daigné confirmer solennellement la constitution de la Finlande, en la sanctionnant de Sa signature; il lira à haute voix l'acte de Confirmation et le remettra au Maréchal de la Noblesse.

5) [1]) Его Императорское Величество, сидя на тронѣ, произнесетъ рѣчь; генералъ-губернаторъ объяснитъ ее (en donnera une explication) по-шведски;

6) Канцлеръ, стоя на второй ступени трона, пригласитъ дворянство къ принесенію присяги, текстъ которой онъ будетъ читать вслухъ; дворянство, приблизясь къ трону, будетъ за нимъ повторять слова. Другія сословія поступятъ тѣмъ же порядкомъ;

7) Послѣ сего генералъ-губернаторъ объявивъ, что Его Императорское Величество удостоилъ торжественно утвердить конституцію Финляндіи своею подписью, прочтетъ вслухъ актъ утвержденія и передастъ его маршалу дворянства.

№ 5.

Высочайшая рѣчь послѣ принесенія присяги Земскими Чинами 17 (29) Марта 1809 г.

Je reçois avec sensibilité les serments de fidélité que les habitants de la Finlande viennent de Me prêter par l'organe de leurs représentants.

---

[1]) Изложеніе пунктовъ слѣдуетъ, въ двухъ спискахъ, какъ здѣсь значится; но нумерація въ спискѣ, бывшемъ въ рукахъ составителя, переиначена; въ опубликованномъ же тогда шведскомъ переводѣ соблюденъ и порядокъ изложенія и согласная съ нимъ нумерація пунктовъ.—Порядокъ изложенія, какъ легко видѣть, предполагаетъ, что сперва Императоръ Александръ сказалъ рѣчь, затѣмъ принесена сословіями присяга, потомъ прочитана грамота 15-го марта и наконецъ произнесены благодарственныя рѣчи (ср. Прил. 6, 12). Порядокъ же по измѣненной нумераціи говоритъ: о прочтеніи сперва грамоты, о произношеніи потомъ благодарственныхъ рѣчей и присяги, а затѣмъ уже о рѣчи Императора Александра, на что послѣдовали восклицанія.

Les liens qui M'unissent à eux, affermis par le mouvement spontané de leur affection, consacrés par cet acte solennel, en deviennent plus chers à Mon coeur, plus conformes à Mes principes. En leur promettant de maintenir leur religion, leurs lois fondamentales, j'ai voulu leur montrer le prix que j'attache aux sentiments de la confiance et de l'amour.

«Съ чувствомъ принимаю Я присягу вѣрности, принесенную Мнѣ жителями Финляндіи чрезъ посредство ихъ представителей. Узы, Меня съ ними соединяющія, укрѣпленныя неподготовленнымъ выраженіемъ ихъ привязанности и освященныя этимъ торжественнымъ дѣйствіемъ, становятся тѣмъ болѣе дороги Моему сердцу, тѣмъ болѣе соотвѣтствуютъ Моимъ началамъ. Обѣщая имъ сохранить ихъ религію, ихъ коренные законы, я желалъ показать имъ, какую цѣну даю чувствамъ любви и привязанности».

№ 6.

Высочайшій Манифестъ 23 Марта (4 Апрѣля) 1809 г.

Nous Alexandre I etc. Ayant réuni les états de la Finlande en une diète générale, et reçu leurs serments de fidélité, Nous avons voulu à cette occasion par un acte solennel, émané en leur présence et proclamé dans le sanctuaire de l'Etre Suprême confirmer et assurer le maintien de la Religion, des lois fondamentales, des droits et des priviléges dont chaque état en particulier et tous les habitants de la Finlande en général ont joui jusqu'à présent.

En faisant promulguer cet acte par les présentes Nous croyons devoir instruire en même temps Nos fidèles sujets de Finlande, qu'en Nous conformant à l'usage antique et vénéré de ce pays, Nous regardons les serments de fidélité prêtés par les états en général et par les députés des paysans en particulier, en leur nom et celui de leurs commettants, de leur mouvement propre et spontané comme bons et obligatoires pour tous les habitants de la Finlande. Intimement persuadés que ce peuple bon et loyal conservera à jamais pour Nous et pour Nos successeurs les mêmes sentiments de fidélité et d'attachement inviolable qui l'ont toujours distingué, Nous Nous attacherons à lui donner, avec l'aide de Dieu, des preuves continuelles de Nos soins assidus et paternels pour son bonheur et sa prospérité.

A Borgo, 23 Mars 1809.

«Соединивъ сословія Финляндіи на общемъ сеймѣ и принявъ ихъ присягу вѣрности, Мы пожелали при этомъ случаѣ въ ихъ присутствіи и въ святилищѣ Всевышняго торжественно подтвердить и удостовѣрить сохраненіе религіи, коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, коими каждое сословіе въ частности и всѣ жители Финляндіи вообще доселѣ пользовались.

«Объявляя о семъ, Мы полагаемъ должнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстить Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ Финляндіи, что основываясь на старинномъ и чтимомъ въ этомъ края обычаѣ, Мы взираемъ на присягу вѣрности, добровольно и по собственному побужденію принесенную сословіями вообще и депутатами отъ крестьянъ въ частности, за себя и за своихъ довѣрителей, какъ на дѣйствительную и обязательную для всѣхъ жителей Финляндіи присягу.

«Будучи глубоко увѣрены, что этотъ добрый и честный народъ навсегда сохранитъ къ Намъ и наслѣдникамъ Нашимъ тѣ же чувства вѣрности и неизмѣнной привязанности, кои всегда его отличали, Мы приложимъ стараніе съ помощію Божіею постоянно давать ему новыя доказательства Нашихъ усердныхъ отеческихъ попеченій о его счастіи и преуспѣяніи».

№ 7.

Рѣчь Императора Александра I при закрытіи Сейма 7 (19) Іюля 1809 г.

En réunissant les états de la Finlande en une diéte générale, j'ai voulu connaître les désirs et les sentiments de la nation sur ses véritables intérêts.

J'appelai votre attention sur les objets les plus importants à votre prospérité. Me reposant entièrement sur la loyauté de votre caractère, fort d'ailleurs de la pureté de mes intentions, j'ai laissé à vos délibérations une parfaite liberté.

Aucune influence, aucune autorité étrangère à la votre n'osa franchir le seuil de cette porte. J'ai veillé sur l'indépendance de vos opinions. Absent, je me trouvais au milieu de vous par le voeu que je ne cessais de faire pour le succès de vos travaux. Les avis que vous venez d'émettre portent le caractère de la sagesse

et de l'amour de la patrie. Je les prendrai en considération dans l'oeuvre importante que je médite pour votre prospérité.

Vos travaux cessent dès ce moment. Mais en vous séparant, vous avez des devoirs essentiels à remplir.

Portez dans le sein de vos provinces, imprimez dans l'esprit de vos compatriotes la même confiance qui a présidé ici à vos délibérations. Inspirez leur la même conviction, la même assurance sur les objets les plus importants à votre existence politique, le maintien de vos lois, la sureté personnelle, le respect inviolable à vos propriétés.

Ce peuple brave et loyal bénira la Providence qui a amené l'ordre de choses actuel. Placé désormais au rang des nations, sous l'empire de ses lois, il ne se resouviendra de la domination passée que pour cultiver des rapports d'amitié lorsqu'ils seront rètablis par la paix.

Et moi j'aurai recueilli le plus grand fruit de mes soins quand je verrai cette nation tranquille au dehors, libre dans l'intérieur, se livrant sous la protection des lois et des bonnes moeurs à l'agriculture et à l'industrie, par le fait même de sa prospérité rendre justice à mes intentions et bénir ses destinées.

Созывая сословія Финляндіи на общій сеймъ, Я хотѣлъ узнать желанія и мысли народа на счетъ истинныхъ его интересовъ; Я призвалъ ваше вниманіе на предметы, наиболѣе важные для вашего преуспѣянія. Вполнѣ полагаясь на лойяльность вашего характера, опираясь впрочемъ на чистоту Моихъ намѣреній, Я оставилъ вашимъ сужденіямъ полную свободу. Никакое вліяніе, никакая власть кромѣ вашей не осмѣлилась переступить порогъ этой двери. Я охранялъ независимость вашихъ мнѣній. Отсутствуя, Я былъ среди васъ Моими непрестанными желаніями успѣха вашимъ трудамъ. Мнѣнія, которыя вы теперь изложили, носятъ характеръ мудрости и любви къ отечеству. Я приму ихъ въ соображеніе въ важномъ дѣлѣ, Мною обдумываемомъ въ видахъ вашего преуспѣянія. Занятія ваши съ этой минуты прекращаются. Но, расходясь, вамъ предстоитъ исполнить существенныя обязанности. Несите въ глубину вашихъ провинцій, запечатлѣйте въ умахъ вашихъ соотечественниковъ то же довѣріе, которое господствовало здѣсь при вашихъ трудахъ. Внушите имъ то же убѣжденіе, ту же увѣренность въ главнѣйшихъ предметахъ вашего по-

литическаго существованія, въ сохраненіи вашихъ законовъ, личной безопасности, ненарушимомъ уваженіи вашей собственности. Этотъ храбрый и лойяльный народъ благословитъ Провидѣніе, приведшее къ настоящему порядку вещей. Занимая отнынѣ мѣсто въ чредѣ народовъ, подъ властію своихъ законовъ, онъ вспомнитъ о прежнемъ господствѣ лишь для того, чтобы развивать отношенія дружбы, когда миръ ихъ возстановитъ. А Я, Я соберу лучшіе плоды Моихъ попеченій, когда увижу этотъ народъ спокойнымъ извнѣ, свободнымъ внутри, предающимся подъ покровительствомъ законовъ и добрыхъ нравовъ земледѣлію и промышленности, и самымъ своимъ преуспѣяніемъ воздающимъ справедливость Моимъ намѣреніямъ и благословляющимъ свою судьбу.

№ 8.

Высочайшій Манифестъ 1 (13) Октября 1809 г.—о заключеніи мира между Россіей и Швеціей.

(П. С. З. № 23883).

Всевышній положилъ конецъ войнѣ, между Россіею и Швеціею возникшей. Миръ, столько же славный для Имперіи, сколько и сообразный желаніямъ Нашимъ, возстановленъ на основаніяхъ твердыхъ.

Въ теченіе седми столѣтій непрерывныя почти войны потрясали спокойствіе народовъ, предуставленныхъ Природою хранить доброе и мирное сосѣдство. Отъ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ до дней нашихъ, отъ славныхъ побѣдъ благочестиваго предка Нашего, Святаго и Великаго Князя Александра Невскаго до настоящаго мира рѣдко проходило двадесять сряду лѣтъ, и никогда почти не протекало полвѣка, чтобъ война между ими не возникла. Колькратно миръ, кровію народовъ запечатлѣнный, вскорѣ послѣ того былъ по стеченію обстоятельствъ снова разторгаемъ! Колькратно Финляндія, всегдашній предметъ и позорище сей войны, страдала истребляема огнемъ и мечемъ!

Успѣхами оружія славныхъ Нашихъ предковъ, превозможеніемъ ихъ и твердостію духа троекратно присоединяемы были къ Россіи

разныя части пограничныхъ Шведскихъ владѣній. Часто постановляемы и многократно подтверждаемы были мирные трактаты. Взаимныя и ощутительныя пользы дѣлали для обоихъ народовъ миръ драгоцѣннымъ. Но причины войны были не изсякаемы. Споры о границахъ безпрестанно возрождались, и среди мира Россія не обрѣтала въ нихъ твердой ограды своему спокойствію. При сей нетвердости предѣловъ, противоположность въ видахъ политическихъ всегда новую и непрерывную представляла войнѣ пищу.

Провидѣнію угодно наконецъ было сію долголѣтнюю и всегда возраждающуюся прю сосѣдственныхъ народовъ рѣшить окончательно во дни Наши.

Настоящій разрывъ возникъ отъ причинъ, кои въ существѣ своемъ были одинаковы со всѣми предъидущими. Преклонность Швеціи къ Державѣ, Намъ непріязненной, и близкій примѣръ пылающаго Копенгагена были явнымъ предзнаменованіемъ враждебныхъ мѣръ, на Насъ совѣщаваемыхъ. Оружіемъ надлежало положить преграду симъ совѣщаніямъ.

Но воспріявъ оружіе, Мы тогда же готовы были остановить его дѣйствіе. Первое движеніе Наше было обратить занятіе Финляндіи Россійскими войсками въ простую мѣру осторожности. Но совѣты Наши и самыя сильныя убѣжденія остались безуспѣшны. Война содѣлалась неизбѣжною, и послѣдствія ея показали, что правое Наше дѣло было подъ сильною Вышняго Промысла защитою.

По слѣдамъ древнихъ побѣдъ, въ странахъ, гдѣ Петръ Великій пріучалъ Россовъ къ воинской славѣ, храброе Наше воинство мужественно подвизаясь, преоборая всѣ препятствія, по глыбамъ льда проницая въ мѣста непроходимыя, отъ предѣловъ, къ столицѣ Нашей близкихъ, простерло славу Россійскаго оружія до самыхъ отдаленныхъ странъ Сѣвера: покорило Финляндію, завладѣло всѣми ея провинціями, одержало знаменитые острова Аландскіе и, объявъ Ботническій заливъ, прейдя западную Ботнію, на отдаленныхъ предѣлахъ ея утвердило свое обладаніе. На семъ великомъ пространствѣ всѣ города, порты, укрѣпленія, самыя твердыни Свеаборга пали во власть его.

Путь къ побѣдамъ, не взирая на всѣ сопротивленія, еще былъ отверстъ; но какъ скоро надежда къ прочному миру представилась

возможною, Мы съ удовольствіемъ, оставивъ всѣ выгоды воинскаго Нашего положенія, обратились къ миру.

Въ основаніяхъ его Мы постановили, оградить Имперію Нашу естественными и твердыми предѣлами, отдалить и пресѣчь разъ навсегда причину и предлогъ браней, и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить единообразіе Политической системы, положенію обоихъ народовъ свойственной и святости Нашихъ союзовъ приличной.

На сихъ основаніяхъ Трактатомъ, въ 5-й день Сентября мѣсяца съ Швеціею въ Фридрихсгамѣ заключеннымъ, и по торжественномъ его съ обѣихъ сторонъ утвержденіи, нынѣ во всеобщее извѣстіе издаваемымъ, постановленъ миръ, коего послѣдствія, утвердивъ доброе сосѣдство на незыблемыхъ началахъ, должны истребить и навсегда уничтожить всѣ причины къ опасеніямъ и раздору.

Сею твердою надеждою, постановленіемъ Имперіи Нашей непреложныхъ и безопасныхъ границъ, измѣряемъ Мы наипаче выгоды сего мира. Новыя владѣнія Наши, съ одной стороны огражденныя Свеаборгомъ и другими крѣпостями, обезпеченныя весьма важнымъ для морской силы положеніемъ Аландскихъ острововъ, съ другой окруженныя Ботническимъ заливомъ и отдѣленныя отъ сосѣдей большими рѣками Торнео и Муоніо, всегда будутъ составлять твердую и незыблемую ограду Имперіи Нашей.

При таковыхъ существенныхъ выгодахъ сего мира не можетъ быть для сердца Нашего равнодушно присоединеніе къ числу вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ народа Финскаго. Бѣдствіями войны доселѣ почти непрерывно обуреваемый, отнынѣ станетъ онъ на чредѣ народовъ, подъ сѣнію престола Нашего покоющихся въ тишинѣ и безопасности. Шесть Губерній со всѣми принадлежащими къ нимъ городами и селеніями пріобрѣтаютъ симъ новое бытіе и благословляютъ уже промыслъ Вышняго, судьбу ихъ тако устрояющій.

Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ, на Аландскихъ островахъ и во всей восточной части Ботническаго залива до самаго Торнео, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами и разными произведеніями земли, населенной народомъ трудолюбивымъ и къ мореходной промышленности издревле пріобыкшимъ, торговля наша возпріиметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность, а съ тѣмъ

вмѣстѣ и воинское Наше морское ополченіе пріобрящетъ новыя силы.

Богу, устрояющему судьбы Царствъ земныхъ во времена Ему благоугодныя и нынѣ во днѣхъ Нашихъ благоволившему совершить желанія и надежды великихъ Нашихъ предковъ, возславъ изъ глубины души хвалу благодаренія, Мы полагаемъ для совершенія предъ Олтаремъ Его святымъ всеобщихъ торжественныхъ, во всей Имперіи, молитвъ назначить особенный день, о коемъ въ свое время и возвѣстимъ всенародно.

Между тѣмъ Мы удостовѣрены, что всѣ вѣрные подданные Наши въ семъ мирѣ, толико вождѣленномъ, срѣтая явный залогъ благости Его и покровительства Россіи, проліютъ къ Престолу Его теплыя ихъ молитвы, да укрѣпляя силою своею храброе воинство Наше, увѣнчаетъ подвиги его и въ другихъ странахъ равными успѣхами, и да будетъ миръ сей счастливымъ предзнаменованіемъ всеобщей тишины и спокойствія. Данъ въ Санктпетербургѣ, въ 1-й день мѣсяца Октября, въ лѣто отъ Рождества Христова 1809, царствованія Нашего въ девятое.

№ 9.

Вводная часть Высочайшаго Манифеста 28 Марта (9 Апрѣля) 1840 г. — о денежной системѣ въ Вел. Кн. Финляндскомъ.

(Сбор. Пост. Финл. Т. II № 175).

Объявляемъ чрезъ сіе: что Мы, принявъ въ соображеніе, что Высочайшимъ Манифестомъ въ 17 (29) день Декабря 1809 г., на точномъ основаніи коренныхъ законовъ Финляндіи изданнымъ, россійская серебряная монета признана главною и коренною монетою Великаго Княжества Финляндскаго, составляющаго нераздѣльную часть Имперіи Нашей, признали необходимымъ примѣнить къ сему краю основанія Манифеста Нашего отъ 1 Іюля минувшаго года, объ устройствѣ денежной системы въ Имперіи, сообразивъ оныя съ особенными въ Финляндіи оброкоположеніями и

существовавшею доселѣ денежною системою. Вслѣдствіе сего, по разсмотрѣніи сего важнаго дѣла особымъ Комитетомъ и выслушавъ мнѣніе Финляндскаго Сената по оному, Мы постановляемъ слѣдующее: . . . . . .

Вводная часть Манифеста отъ того же числа о переложеніи оброчныхъ статей въ Вел. Кн. Финляндіи.

(Сбор. Пост. Финл. Т. II № 174).

Объявляемъ чрезъ сіе: вскорѣ послѣ присоединенія Финляндіи къ Россійской Имперіи, разсматривался уже, на основаніи коренныхъ законовъ Великаго Княжества, вопросъ о введеніи болѣе правильной и менѣе сложной оброчной системы.

№ 10.

Реляція о строѣ Финляндіи.

(Акты Статсъ-Секретаріата, 1809, № 6, Fol. 1—6).

«Pour faire une description complête de la constitution de la Finlande et ce qui doit être observé, à l'occasion d'une Diête, demande plus de temps et d'èclairsissement que le moment ne présente. Ne voulant au sur plus rien exposer que ce dont on est parfaitement sur, à légard de sa memoire, on doit nécessairement s'attendre à beaucoup de lacunes dans ce présent appercu.

La Finlande depuis les temps les plus reculés réunie à la Suède a été gouvernée d'après ses lois, tant fondamentales que civiles. Les premières se fondent principalement sur 3 principes. 1. Que le Pais soit gouverné par un Roi assujetti aux lois. 2. Que tous les citoyens, sans exceptions, soient libres, ainsi que protégés, tant à la vie qu'à leurs propriétés et 3. Que la Nation moyenant ses représentants, a le droit de faire sa constitution, dicter ses Loix et stipuler les contributions du Pais.

Le Droit du Roi est celui de pourvoir à tous les offices etc. . . . Ci devant les Etats s'assemblèrent chaque 3 année et même plus souvent et avaient des droits bien plus élargés qu'à présent,

mais depuis le changement de régence de 1772 et l'acte de Sureté de 1789, ils sont restreints aux circonstances de ci-dessus nommés.

(Слѣдуетъ описаніе учрежденія и церемоніала сейма).

№ 11.

Текстъ присяги шведскихъ Королей.

(Акты Статсъ-Секретаріата 1809 г. № 6, Fol. 19).

Nous N. N., Roi de Suède etc. faisons savoir que, comme par le sort de la Providence, le Trône de la Suède vient d'être vacant et, conformément aux Statuts de Succession établis dans notre chère patrie, Nous sommes de droit d'y monter, Nous voulons bien, par ceci, assurer les Etats respectifs du royaume, et Nos chers sujets, tant grands que petits, nés et non nés, de régner et gouverner le royaume, inviolablement d'après la forme de régence du 21. Août 1772 et l'acte de sureté et de réunion du 3. Avril 1789—abolissant la Souveraineté, Nous regarderons toujours comme la plus grande glorie d'être le premier citoyen d'un peuple libre et loyal. Ayant decreté ceci, sans contrainte et après un recueillement bien medité, Nous le confirmons par la signature de Notre propre Main et le serment sacré, ainsi Dieu me soit en aide au corps et à l'âme.

№ 12.

Высочайшій Манифестъ 15 (27) Марта 1810 г.

(Акты Статсъ-Секретаріата 1810 г., № 15, Fol. 1—8).

(Выдержка).

«Du moment que la Providence Nous a remi le sort de la Finlande, Nous résolûmes de gouverner ce pays comme une nation libre et jouissant des droits que sa constitution lui garantit. Les preuves de devouement que les habitans Nous ont donné depuis le sérment de fidélité qu'ils Nous ont offert de leur plein gré par leurs représentans réunis en Diète, n'ont pu que Nous

raffermir dans cette résolution. Tous les actes émanés jusqu'ici pour l'administration intérieure de ce pays ne sont qu'une suite et une application de ce principe. Le maintien de la religion et des lois, la réunion de la Diète, la formation du Conseil de Régence au sein de la nation, la conservation intacte de l'ordre judiciaire et administratif, en sont des preuves qui doivent assurer à le nation finnoise les droits de son existence politique».

№ 13.

Адресъ Императорскаго Финляндскаго Сената Императору Николаю I 18 (30) Декабря 1825 г.

Sire!

Le Sénat de Finlande a eu le bonheur de recevoir aujourd'hui l'Acte par lequel Votre Majesté Impériale, en montant au trône de Ses ancêtres, a daigné assurer aux habitans de la Finlande la conservation de leur religion, de leurs loix, et de leurs libertés constitutionelles. Dans la douleur profonde que Nous partageons, Sire, avec tant de millions de Vos sujets et du monde entier, sur la perte récente du Prince magnanime, qui, le premier, avoit créé pour nous une nouvelle ère d'existence politique, en réunissant notre sort à celui du grand Empire désormais confié aux soins paternels de Votre Majesté Impériale, rien ne saurait mieux tarir nos pleurs et rouvrir nos coeurs à l'espérance, que *cet acte généreux* dont Votre Majesté Impériale a bien voulu marquer le commencement de Son regne et manifester Ses sentimens à notre égard. Frère et Successeur du Fondateur immortel de notre bonheur social, Votre Majesté Impériale, dès sa première entrée dans la carrière glorieuse qui vient de se fermer pour Lui, S'est montrée, comme Lui, le Bienfaiseur de la Finlande, et comme Lui, Votre Majesté trouvera constamment dans les habitans de ce pays cet amour et cette fidélité à toute épreuve, qui fait la récompense d'un bon Souverain, et que l'âme élevée de Votre Majesté sait apprécier. C'est le seul tribut, Sire, que nous avons à Vous offrir, mais il sera éternel, comme le souvenir de Vos vertus: il sera transmis à Vos héritiers par nos derniers neveux.

Conservant les institutions, qui pendant des siècles ont fait la base de notre bonheur et de notre civilisation; protégés, sous

l'égide du puissant Empire de Votre Majesté Impériale, et fiers d'y appartenir, qu'aurions nous de plus à désirer, Sire, si ce n'est de mériter, par un attachement sans bornes et des sentimens dignes de Votre approbation, le sort prospére que le Ciel, dans sa clémence, nous a réservé et que le régne de Votre Majesté Impériale va accomplir! Que ce régne, Sire, soit heureux et d'une longue durée! Et que Votre Majesté Impériale daigne accueillir avec Sa bienveillance gracieuse ce faible témoignage de notre gratitude profonde, exprimée au nom de toute la nation Finlandoise, partageant les sentimens de respect, de zèle et de soumission, avec lesquels le Sénat a l'honneur de se dire.

Sire!

De Votre Majesté Impériale
les très humbles et très obéissants
Serviteurs et très fidels sujets
(Suivent les signatures).
Helsingfors, le 18/30 Décembre 1825.

№ 14.

Рѣчь епископа Тенгстрема при отерытіи Сейма 16 (28) Марта 1809 г.

Sire!

Le coeur noble et les sentiments éclairés et libérals de V. M. I. auraient déjà sans doute suffisamment nous garanti l'inviolabilité des promesses très gracieuses, que V. M. I. dès la première entrée de ses armées victorieuses en notre pays, nous a bien daigné donner d'une conservation inaltérable de notre culte, notre forme d'administration et de tous ces autres droits et privilèges, dont nous avons jouis jusqu'ici, sous l'abri des lois qui déjà en plusieurs siècles passés ont fondé et maintenu la sûreté et le bonheur de chaque sujet finnois.

Mais V. M. I. a néanmoins eu la générosité d'offrir aux états de Finlande, assemblés ici par les ordres très gracieux de V. M. I., des nouvelles contestations de la sainteté des assurances qui leur ont été déjà données de la part de V. M. I. et en même temps de

recevoir des nouveaux hommages de fidélité d'un peuple soumis et reconnaissant.

Ces hommages sont aujourd'hui prêtés à V. M. I. non seulement par le respect le plus profond qu'on doit à l'éclat du pouvoir et de la majesté du trône, mais encore plus de l'attachement le plus vif et le plus sincère qui à ce moment anime tous les bons citoyens, enchantés de rendre à Césare les choses qui sont à Césare et à Dieu celles qui sont à Dieu.

Les annales de l'humanité éternisant la mémoire de la clémence et de la générosité dont V. M. I. a bien daigné aujourd'hui attacher à ses nouveaux sujets, ceux-ci n'oublieront jamais de se rendre de plus en plus dignes des bienfaits et de l'amour paternel de V. M. I., dont la grâce et la projection sera toujours leur gloire comme leur bonheur.

«Государь! Благородное сердце, вмѣстѣ съ просвѣщенными и либеральными чувствами Вашего Императорскаго Величества, уже въ достаточной мѣрѣ обезпечили намъ ненарушимость всемилостивѣйшихъ Вашихъ обѣщаній. Съ перваго же вступленія въ нашу страну Вашихъ побѣдоносныхъ войскъ, Ваше Величество удостоили дать намъ увѣренія въ неизмѣнномъ сохраненіи нашей вѣры, нашей формы администраціи (administration) и всѣхъ другихъ правъ и преимуществъ, коими пользовались мы до сихъ поръ подъ кровомъ законовъ, основавшихъ и въ теченіе многихъ вѣковъ поддерживавшихъ безопасность и счастіе каждаго финляндца.

«Но Ваше Императорское Величество тѣмъ не менѣе имѣли великодушіе предложить сословіямъ Финляндіи, здѣсь по всемилостивѣйшему Вашего Величества повелѣнію собраннымъ, новыя выраженія святости увѣреній, которыя имъ уже были даны Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ принять новые знаки вѣрности покорнаго и благодарнаго народа.

«Эти знаки представлены сегодня Вашему Императорскому Величеству не только по глубокому уваженію, обязательному предъ могуществомъ и величествомъ престола, но еще болѣе въ силу самой живой и самой искренней привязанности, одушевляющей въ настоящую минуту всѣхъ добрыхъ гражданъ, счастливыхъ воздать Кесарева Кесареви и Божія Богови.

«Лѣтописи человѣчества увѣковѣчатъ память о милосердіи и великодушіи, коими Ваше Императорское Величество удостоили

сегодня привязать къ себѣ Вашихъ новыхъ подданныхъ; они же никогда не перестанутъ стремиться все болѣе и болѣе дѣлаться достойными благодѣяній и отеческой любви Вашего Императорскаго Величества; милость и покровительство Ваше всегда будутъ ихъ славою и ихъ счастіемъ.

Выдержка изъ рѣчи Петра Клокарса, оратора крестьянскаго сословія:

. . . l'ordre des paysans se représente premièrement la grandeur de la présente (idée) que V. M. I. étant vainqueur, pourtant bien a voulu très gracieusement permettre à une nation conquise que de s'assembler par devant l'auguste personne de V. M. I. selon l'ordre établi par ses droits anciens, pour se faire entendre et pour délibérer sur ses propres affaires . . .

Рѣчь епископа Тенгстрема при закрытіи Сейма 7 (19) Іюля 1809 г.

(Выдержка).

Sire! Pendant tout le cours de cette assemblée, dont le souvenir ne sera jamais effacé des fastes de la Finlande, les états de ce pays ont eu une constante expérience de la bienveillance paternelle dont V. M. I. embrasse son nouveau peuple.

V. M. I., non contente d'avoir solennellement et de son propre mouvement devant les représentants de la nation confirmé les lois du pays et les privilèges et les immunités de chaque ordre, a daigné encore à la libre delibération des états offrir des objets de la plus grande conséquence touchant le gouvernement du pays et une meilleure organisation de sa défense, de ses impôts et de ses finances.

Autant que de tels bienfaits d'un vainqueur puissant vers un peuple conquis sont d'une frappante rareté dans l'histoire, autant la reconnaissance du peuple finnois doit se distinguer vers le Monarque qui, grand en pouvoir et majesté, est encore plus grand en bonté et générosité et qui pour tous les travaux et soins de sa haute carrière ne cherche d'autre reconnaissance que l'amour sincère et constant des millions des sujets heureux.

«Государь! Въ продолженіе всего этого собранія, воспоминаніе о которомъ никогда не изгладится изъ лѣтописей Финляндіи, сословія края постоянно удостовѣрялись въ отеческой благосклонности, съ которою Ваше Императорское Величество пріемлете Свой новый народъ.

«Ваше Императорское Величество, не ограничиваясь тѣмъ, что торжественно и по собственному Вашему побужденію подтвердили въ присутствіи представителей народа законы страны и права и преимущества каждаго сословія, Вы удостоили еще предоставить свободному обсужденію земскихъ чиновъ предметы величайшей важности касательно управленія краемъ, лучшей организаціи защиты, податей и его денежныхъ дѣлъ.

«Насколько такія благодѣянія со стороны могущественнаго побѣдителя побѣжденному народу представляются поразительно рѣдкими въ исторіи, настолько должна отличаться признательность финскаго народа Монарху, великому по власти и величію, и еще болѣе по добротѣ и великодушію, Монарху, который за всѣ труды и попеченія свои на высокомъ поприщѣ не ищетъ другого вознагражденія, кромѣ искренней и постоянной любви милліоновъ его счастливыхъ подданныхъ.

№ 15.

Высочайшій Манифестъ 22 Августа (3 Сентября) 1826 г.— о помилованіи и прощеніи разныхъ учинившихъ преступленія и подпавшихъ взысканіямъ жителей Вел. Кн. Финляндіи.

(Сборн. Пост. Финл. т. I № 54).

Въ русскомъ текстѣ значится:

Объявляемъ чрезъ сіе: что совершившееся нынѣ вѣнчаніе на Царство Насъ со Вселюбезнѣйшею Супругою Нашею, запечатлѣвъ священнодѣйствіемъ узы, соединяющія Насъ съ обитателями наслѣдованныхъ Нами по кореннымъ законамъ государствъ и укрѣпивъ оныя по уставу церкви и по обычаю предковъ Нашихъ, уготовало Намъ удовольствіе содѣлать сей торжественный день сугубопамятнымъ для вѣрноподданныхъ Нашихъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.

Шведскій текстъ въ переводѣ гласитъ: « . . . запечатлѣвъ узы, связующія Насъ со всѣми обитателями наслѣдованныхъ Нами въ силу коренныхъ законовъ Имперіи (Rikets) государствъ (stater) . . . . . ».

Такимъ образомъ, здѣсь подъ словомъ «государства» (stater) разумѣются, очевидно, отдѣльныя части Россійской Державы.

Высочайшее объявленіе 9 (21) Апрѣля 1826 г.—о ссылкѣ осужденныхъ къ смертной казни, но отъ оной помилованныхъ преступниковъ на публичную работу въ отдаленныя сибирскія губерніи.

(Сборн. Пост. Финл. т. I № 46).

Въ семъ объявленіи значится:

« . . . . . съ самаго начала царствованія Нашего и управленія различными подвластными Скипетру Нашему государствами . . . . . ».

И здѣсь подъ словами «различныя государства» разумѣются столь разнообразныя въ этнографическомъ, культурномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ части Россійской Державы.

№ 16.

Высочайшій Манифестъ 9 (21) Октября 1827 г.—о поставленіи верстовыхъ столбовъ по дорогамъ въ Финляндіи.

(Сборн. Пост. Финл. т. I № 70).

Объявляемъ чрезъ сіе: что, принявъ въ уваженіе постановленіе Предшественника Нашего, Его Величества блаженныя памяти Государя Императора Александра I, объ оставленіи безъ отмѣны измѣренія дорогъ россійскими верстами въ принадлежащей къ Нашему Великому Княжеству Финляндскому Выборгской губерніи, и находя введенное въ прочихъ частяхъ Финляндіи счисленіе разстоянія по дорогамъ, въ особенности же подраздѣленіе миль, несовмѣстнымъ во многихъ отношеніяхъ,—Мы хотя съ одной стороны намѣрены сохранить въ Финляндіи употребительное тамъ съ древнѣйшихъ временъ исчисленіе разстоянія милями, но, желая съ другой стороны посредствомъ раздѣленія миль на версты

ввести недоставшую доселѣ одинообразность въ измѣреніи дорогъ *въ подвластныхъ Скипетру Нашему областяхъ*, признали за благо постановить слѣдующее:

1. Принятое издревле въ Финляндіи счисленіе милями оставить и на будущее время главнѣйшимъ основаніемъ измѣренія и означенія длины дорогъ, равно какъ взаимнаго разстоянія мѣстъ и пространства провинцій и приходовъ; счисленіе же половинныхъ и четвертныхъ миль, равно меньшихъ долей мили, отмѣнить, и вмѣсто того раздѣлить финляндскую милю на версты такимъ образомъ, чтобы одна миля составляла десять верстъ, а одна верста слѣдовательно содержала въ себѣ тысячу восемьсотъ финляндскихъ локтей.

№ 17.

Рѣчь Государя Императора Александра II къ Земскимъ Чинамъ Финляндіи при открытіи сейма въ Гельсингфорсѣ 6 (18) Сентября 1863 года на французскомъ языкѣ.

(Выдержка).

(Сборн. Пост. Финл. 1863 г. № 33 с. 1).

Représentants du Grand-Duché de Finlande!

En Vous voyant réunis autour de Moi, Je suis heureux d'avoir pu accomplir Mes voeux et Vos espérances.

Mon attention s'est dès longtemps portée sur un certain nombre de questions successivement soulevées et qui touchent aux intérêts les plus sérieux du pays. Elles sont restées en suspens vu que leur solution demandait la coopération des Etats. Des considérations majeures dont l'appréciation M'est reservée, ne M'avaient pas permis de réunir les représentans des quatre ordres du Grand-Duché durant les premières années de Mon règne. Néanmoins, J'ai pris à temps des mesures préparatoires pour arriver à ce but, et aujourd'hui que les circonstances ne sont plus de nature à motiver un plus long ajournement, Je Vous ai convoqué, afin de Vous faire part, après avoir préalablement entendu Mon Sénat de Finlande, des projets de loix et de quelques affaires administratives, dont Vous aurez à Vous occuper durant la session actuelle.

Plusieurs des stipulations des lois fondamentales du Grand-Duché ne sont plus applicables à l'état des choses survenu depuis sa réunion à l'Empire; d'autres manquent de clarté et de précision. Désirant remédier à ces imperfections, Mon intention est de faire élaborer un projet de loi qui contiendra des explications et des suppléments à ces stipulations pour être soumis à l'examen des Etats lors de la prochaine Diète, que Je pense convoquer dans trois ans. En maintenant le principe Monarchique constitutionel inhérent aux moeurs du peuple Finlandois et dont toutes ses lois et ses institutions portent le caractère, Je veux faire admettre dans ce projet un droit plus étendu que celui que possédent déjà les Etats, quant au règlement de l'assiette des impôts, ainsi que le droit de motion qu'ils ont anciennement possédé, Me réservant toutefois celui de prendre l'initiative dans toutes les questions qui touchent au changement de la loi fondamentale.

Vous connaissez Mes sentimens et Mes voeux pour le bonheur et la prospérité des peuples confiés à Ma sollicitude. Aucun de Mes actes n'a pu troubler l'entente qui doit régner entre le Souverain et la nation. Je désire que cette entente continue à être, comme par le passé, le gage des bons rapports qui M'unissent au brave et loyal peuple Finlandois. Elle contribuera puissamment à la prospérité d'un pays bien cher à Mon coeur et Me fournira un nouveau motif pour Vous rassembler périodiquement.

C'est à Vous, Représentants du Grand-Duché, à prouver par la dignité, la modération et le calme de Vos discussions qu'entre les mains d'un peuple sage, décidé à travailler, d'accord avec le Souverain, dans un esprit pratique au developpement de son bien-être, les institutions libérales, loin d'être un danger, deviennent une garantie d'ordre et de prospérité.

Je déclare ouverte la présente Diète.

Представители Великаго Княжества Финляндскаго!

Видя васъ собранными вокругъ Меня, считаю Себя счастливымъ, что могу осуществить Мои желанія и ваши надежды.

Я давно уже обращалъ вниманіе на рядъ вопросовъ, которые послѣдовательно были возбуждаемы и касались самыхъ существенныхъ интересовъ края.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ отлагалось, такъ какъ для того требовалось участіе Сейма. Высшія соображенія, оцѣнка которыхъ

принадлежитъ Мнѣ, не дозволили Мнѣ собрать представителей четырехъ сословій Великаго Княжества въ первые годы Моего царствованія. Тѣмъ не менѣе, Я принялъ во время нѣкоторыя приготовительныя мѣры, ведущія къ этой цѣли, и такъ какъ нынѣ обстоятельства не требуютъ дальнѣйшей отсрочки, то Я созвалъ васъ, для соучастія въ дѣлѣ, выслушавъ предварительно мнѣніе Финляндскаго Моего Сената о проектахъ законовъ и нѣкоторыхъ административныхъ мѣрахъ, которыми вы займетесь въ теченіе нынѣшней сессіи . . . . . .

Многія постановленія коренныхъ законовъ Великаго Княжества оказываются несовмѣстными съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія этого княжества къ Имперіи; другія страдаютъ недостаткомъ ясности и опредѣлительности. Желая исправить эти недостатки, Я имѣю намѣреніе поручить составленіе проекта закона, который, заключая въ себѣ поясненія и дополненія къ этимъ постановленіямъ, предложенъ будетъ на разсмотрѣніе послѣдующаго Сейма, который Я предполагаю созвать черезъ три года. Оставляя неприкосновеннымъ принципъ конституціонной монархіи, вошедшій въ нравы финляндскаго народа и запечатлѣвшій всѣ законы его и учрежденія, Я желаю расширить въ этомъ проектѣ право, принадлежащее уже Сейму—опредѣлять размѣръ и количество налоговъ, равно какъ и право предлагать проекты законовъ, которымъ пользовался Сеймъ въ прежнее время, причемъ Я оставляю за собой инициативу во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ касаться измѣненій коренного закона.

Вамъ извѣстны Мои чувства, вы знаете, какъ желаю Я счастья и благоденствія народовъ, ввѣренныхъ Моему попеченію. Съ Моей стороны не было сдѣлано ничего, что могло бы нарушить согласіе, которое должно существовать между Государемъ и народомъ.

Я желаю, чтобы это согласіе послужило и впредь залогомъ благопріятныхъ отношеній, установившихся между Мною и честнымъ и вѣрнымъ финляндскимъ народомъ. Оно будетъ могущественно содѣйствовать благостоянію края, столь близкаго Моему сердцу, и послужитъ для Меня новымъ побужденіемъ созывать васъ въ опредѣленные сроки. Вамъ, представители Великаго Княжества, предстоитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ при сужденіяхъ, что въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйство-

вать за одно съ Государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія.

Объявляю засѣданія Сейма открытыми.

№ 18.

Высочайшее Положеніе 22 Марта 1865 г.—о Финляндскомъ Кадетскомъ Корпусѣ.

(Сборн. Пост. Финл. 1865 г. № 13 с. 1).

Общія постановленія.

§ 1. Цѣль Финляндскаго Кадетскаго Корпуса состоитъ какъ въ общемъ ученомъ образованіи молодыхъ людей изъ *финляндскихъ уроженцевъ*, такъ и въ особенности въ воспитаніи и образованіи ихъ въ офицера для всякаго рода военной службы.

§ 2. Финляндскій Кадетскій Корпусъ состоитъ, относительно преподаванія наукъ, дисциплины и общаго порядка, въ вѣдѣніи Главнаго Управленія Военно-Учебными заведеніями Имперіи и руководствуется постановленіями, на этотъ предметъ изданными касательно сказанныхъ заведеній, въ чемъ они не противорѣчатъ настоящему Положенію или не измѣняютъ отношеній Корпуса къ Управленію Финляндіи; но что касается до штата окладовъ, насколько они производятся изъ Финляндскихъ суммъ, и до экономіи Корпуса, то въ семъ случаѣ къ руководству служатъ правила, для Управленія Финляндскимъ статнымъ вѣдомствомъ установленныя.

§ 3. Какъ Военно-Учебное заведеніе, Корпусъ пользуется всѣми правами, Всемилостивѣйше дарованными пѣхотнымъ военнымъ училищамъ въ Имперіи.

Высочайшій Манифестъ 23 Марта (4 Апрѣля) 1860 г.—объ измѣненіи монетной единицы для Великаго Княжества Финляндскаго.

(Сборн. Пост. Финл. 1860 г. № 7 с. 1).

1. Въ Финляндіи установляется особая для этого края монетная единица подъ названіемъ «марка» (mark.), раздѣленная на сто меньшихъ единицъ подъ названіемъ «пенни». *Каждая марка*

соотвѣтствуетъ четверти рубля по количеству чистаго серебра въ четыре золотника двадцать одну долю, заключающагося, согласно дѣйствующимъ нынѣ законамъ о монетѣ, въ рублѣ серебромъ, и будетъ такимъ образомъ содержать одинъ золотникъ пять съ четвертью долей чистаго серебра.

2. Эта монетная единица должна быть принята въ Великомъ Княжествѣ какъ въ счетахъ казны, такъ и между частными лицами, на основаніяхъ, о коихъ послѣдуетъ особое постановленіе.

3. Финляндскому Банку предоставляется право, примѣняясь къ этой монетной единицѣ, чеканить размѣнную мѣдную монету, особо для Великаго Княжества, въ одинъ, въ пять, въ десять и въ двадцать пенни, съ соблюденіемъ при чеканкѣ относительно цѣнности ихъ по количеству мѣди тѣхъ правилъ, кои постановлены касательно мѣдной русской монеты, такъ что одинъ пенни по вѣсу и цѣнности металла будетъ равняться четверти копѣйки и двадцать пенни пяти копѣйкамъ русской мѣдной монеты послѣдняго чекана; пять же и десять пенни въ той-же пропорціи.

Законъ 28 Іюля (9 Августа) 1877 г.—о монетѣ Великаго Княжества Финляндскаго.

(Сборн. Пост. Финл. 1877 г. № 22 с. 1).

Съ согласія Земскихъ Чиновъ Финляндіи Мы, съ отмѣною Высочайшихъ Манифестовъ отъ 29-го Декабря 1809 г. и 4-го Апрѣля 1860 г., а также постановленій отъ 12 Іюня 1860 г. и 8 Ноября 1865 г., симъ Высочайше утверждаемъ слѣдующій Законъ о монетѣ Великаго Княжества Финляндскаго.

§ 1. Монета Финляндіи основана на золотѣ, какъ единственномъ мѣрилѣ цѣнностей.

§ 2. Счетная монетная единица именуется маркою. Марка дѣлится на сто пенни.

Единицею монетнаго вѣса служитъ французскій граммъ.

§ 3. Изъ золота чеканятся монеты двоякаго рода: одна въ десять марокъ, а другая въ двадцать марокъ. Первая должна содержать въ себѣ $2^{28}/_{31}$ грамма, а двадцатимарковая монета— $5^{25}/_{31}$ грамма чистаго золота.

№ 19.

Связь съ Россіей особо выражена въ главахъ I (О тѣхъ, кто подлежитъ дѣйствію финляндскаго уголовнаго права), XI (О преступленіяхъ противъ Верховной власти) и XII (О государственной измѣнѣ).

Въ § I главы I значится:

(1). По финляндскому закону судится финляндецъ:

1) за преступленіе, учиненное имъ въ предѣлахъ Великаго Княжества Финляндскаго;

2) за преступленіе, учиненное имъ внѣ владѣній Россійскаго Государства, когда виновный затѣмъ окажется въ Финляндіи или переданъ сюда для сужденія, буде преступленіе его:

a) направлено противъ Россійскаго Государства или части онаго, или же противъ *финляндца или иного подданнаго Россійскаго Государства;*

b) направлено противъ верховной власти иностраннаго государства или противъ правъ иностраннаго подданнаго, и притомъ на виновнаго поступила жалоба со стороны иностраннаго правительства или потерпѣвшаго иностранца; или

c) учинено на финляндскомъ суднѣ, находившемся, во время учиненія дѣянія, въ открытомъ морѣ.

На семъ же основаніи подлежатъ отвѣтственности нефинляндцы, учинившіе преступленіе внѣ владѣній Россійскаго Государства и пріобрѣтшіе за симъ право финляндскаго гражданства. 1894 Апр. 21, С. П. Ф., № 17, Гл. I § 1.

Въ § 2 говорится о финляндцахъ или иныхъ подданныхъ Россійскаго Государства.

Въ § 2 главы XI говорится: «Кто съ умысломъ..... 2) отторгнуть отъ Россійскаго Государства Финляндію, или часть оной, или какое либо иное владѣніе Россійскаго Государства. . . . . совершитъ дѣяніе, заключающее въ себѣ осуществленіе умысла или покушеніе на оное, тотъ подвергается, за преступленіе противъ Верховной Власти, заключенію въ смирительномъ домѣ пожизненно или срокомъ отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ».

Въ главѣ XII (§§ 1, 2, 3, 5) также говорится «о финляндцахъ или иныхъ подданныхъ Россійскаго Государства».

№ 20.

Высочайшій Манифестъ 31 Мая (12 Іюня) 1890 г.—о почтовой части Великаго Княжества Финляндіи.

(Сборн. Пост. Финл. 1890 г. № 16 с. 1).

Божіею Милостію,

Мы, Александръ Третій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ чрезъ сіе: Признавъ за благо установить единообразіе въ устройствѣ почтовой части на всемъ пространствѣ Россійскаго Государства, повелѣваемъ завѣдываніе почтовою частью Финляндіи сосредоточить въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Имперіи по Главному Управленію почтъ и телеграфовъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется:

а) вводить по почтовой части Великаго Княжества Финляндскаго, взамѣнъ мѣстныхъ постановленій, правила и таксы, дѣйствующія въ Имперіи, равно какъ и давать чинамъ этого вѣдомства инструкціи и указанія относительно ихъ обязанностей и занятій, сообщая сіи мѣропріятія Финляндскому Генералъ-Губернатору (въ первомъ случаѣ), для обнародованія въ установленномъ порядкѣ, а въ послѣднемъ—для распоряженія, и

б) производить чрезъ начальника Главнаго Управленія почтъ и телеграфовъ или подвѣдомственныхъ ему чиновъ ревизіи почтовыхъ учрежденій Финляндіи.

2) Финляндскій Почтъ-Директоръ опредѣляется Нами, по представленію Генералъ-Губернатора, основанному на соглашеніи съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

3) Назначеніе на прочія должности по Финляндскому почтовому вѣдомству слѣдуетъ существующему порядку, причемъ должностныя лица, опредѣляемыя Финляндскимъ Сенатомъ, избираются по соглашенію съ Начальникомъ Главнаго Управленія почтъ и телеграфовъ.

4) Для всѣхъ вновь опредѣляемыхъ на службу лицъ въ почтовыя учрежденія, находящіяся въ городахъ Великаго Княжества и въ Выборгской губерніи, знаніе русскаго языка обязательно.

5) Смѣтныя предположенія по почтовой части въ Финляндіи разсматриваются предварительно въ Главномъ Управленіи почтъ и телеграфовъ и съ его заключеніемъ вносятся въ Императорскій Финляндскій Сенатъ для дальнѣйшаго распоряженія.

Для вящшаго же удостовѣренія подписали Мы сіе собственноручно. Въ Петергофѣ 31 Мая (12 Іюня) 1890 года.

Александръ.

За Министра Статсъ-Секретаря, Товарищъ его В. Денъ.

Ср. Приложеніе № 46.

№ 21.

Высочайшее Постановленіе 19 Іюля (1 Августа) 1891 г.— о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ порядка производства дѣлъ и замѣщенія должностей въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ Великаго Княжества Финляндскаго.

(Сборн. Пост. Финл. 1891 г. № 27 с. 2).

Божіею Милостію,

Мы, Александръ Третій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ чрезъ сіе: Въ поясненіе и измѣненіе нѣкоторыхъ правилъ Инструкціи для Статсъ-Секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго отъ 17 Марта 1826 года и § 3 Высочайшаго Постановленія отъ 30 Мая 1871 года объ экзаменахъ, требуемыхъ для производства на должности въ Финляндіи, Мы признали за благо постановить:

1) Министру Статсъ-Секретарю Финляндіи предварительно всеподданнѣйшаго доклада проектовъ новыхъ законовъ для Великаго Княжества, а также предложеній Финляндскому Сейму, запрашивать заключенія Министровъ Имперіи въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ касается интересовъ Имперіи и ихъ вѣдомства.

При всеподданнѣйшихъ докладахъ представлять Его Императорскому Величеству законопроекты и предложенія Сейму вмѣстѣ съ мнѣніемъ Генералъ-Губернатора и съ заключеніемъ подлежащаго Министра Имперіи, когда таковое было запрошено.

2) Министру Статсъ-Секретарю препровождать Генералъ-Губернатору края тексты Высочайшихъ Постановленій, а также законопроектовъ и предложеній Сейму, на русскомъ только языкѣ. Равнымъ образомъ и Генералъ-Губернаторъ сообщаетъ таковые Финляндскому Сенату на русскомъ же языкѣ. Точно такъ же на русскомъ языкѣ поступаютъ къ Генералъ-Губернатору всѣ отзывы и представленія Финляндскаго Сената.

Переводы подлинныхъ текстовъ на шведскій и финскій языки, равно какъ и переводы представленій и отзывовъ Сената на русскій языкъ, возложить, по распоряженію Сената, на отвѣтственныхъ присяжныхъ переводчиковъ. Всеподданнѣйшія представленія Финляндскаго Сейма переводятся тѣмъ же порядкомъ на русскій языкъ.

3) Чиновъ Статсъ-Секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго и Канцеляріи Генералъ-Губернатора края впредь назначать изъ русскихъ чиновниковъ, окончившихъ университетскій курсъ и изучившихъ основательно мѣстные финляндскіе законы, а также изъ финляндцевъ съ высшимъ образованіемъ, но лишь основательно знающихъ русскій языкъ.

Съ чѣмъ соображаться каждому, до кого сіе касаться можетъ.

Гельсингфорсъ, 1 Августа 1891 г.

По Собственному Его Императорскаго Величества Опредѣленію, Высочайшимъ Его Величества Именемъ,

Императорскій Финляндскій Сенатъ.

І. Ф. Пальменъ. *С. В. фонъ-Троиль.*

Г. фонъ-Альфтанъ. *Т. Седергольмъ.*

С. Бьеркстенъ. *Ф. Лерхе.*

А. Нюберъ. *З. Ирье-Коскиненъ.*

К. Ф. Игнаціусъ. *І. Г. Сольманъ.*

Н. К. Хорнборгъ. *Э. Стренъ.*

И. Фельманъ. *К. Тудеръ.*

О. Гюллингъ.

Э. А. Форссель.

№ 22.

Высочайшее Постановленіе 2 (14) Марта 1899 г.—объ измѣненномъ порядкѣ учрежденія въ Финляндіи учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ и завѣдыванія оными.

(Сборн. Пост. Финл. 1889 г. № 10 с. 1).

Божіею Милостію,

Мы, Николай Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ чрезъ сіе: Во устраненіе нѣкоторыхъ затрудненій и неудобствъ, представляющихся при примѣненіи Высочайшаго постановленія отъ 8 Іюля 1895 года объ учрежденіи въ Финляндіи учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ и о порядкѣ завѣдыванія оными, признали Мы за благо, по всеподданнѣйшему представленію Нашего Финляндскаго Генералъ-Губернатора и Министра Народнаго Просвѣщенія, Высочайше повелѣть помянутое постановленіе изложить въ слѣдующей измѣненной формѣ:

§ 1. Нынѣ существующія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, учрежденныя по Высочайшимъ о томъ повелѣніямъ и содержимыя на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія, русскія среднія учебныя заведенія остаются и впредь въ вѣдѣніи сего Министерства, согласно правиламъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 15 Марта 1883 г. Точно также въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія состоятъ и всѣ имѣющіяся нынѣ въ краѣ русскія низшія учебныя заведенія, содержимыя на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія или получающія пособія изъ сихъ средствъ.

Примѣчаніе. Преподаваніе лютеранскаго вѣроученія въ русскихъ школахъ происходитъ подъ наблюденіемъ лютеранскихъ духовныхъ властей.

§ 2. Русскія учебныя заведенія, какъ среднія, такъ и низшія, предназначенныя главнымъ образомъ для дѣтей проживающихъ въ краѣ русскихъ уроженцевъ и прочихъ русскихъ обывателей и содержимыя на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія,

могутъ быть и впредь учреждаемы въ Финляндіи симъ Министерствомъ по соглашенію съ Финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ. Объ учрежденіи такихъ заведеній Канцелярія Генералъ-Губернатора сообщаетъ Нашему Финляндскому Сенату, для свѣдѣнія.

§ 3. О дѣтяхъ финляндскихъ гражданъ, обучающихся въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, завѣдывающіе сими заведеніями обязаны за каждый учебный годъ препровождать цифровыя данныя въ Главное Управленіе училищнаго вѣдомства, чрезъ Канцелярію Генералъ-Губернатора.

§ 4. Русскія учебныя заведенія, содержимыя на средства частныхъ лицъ, находятся также въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое, по соглашенію съ Генералъ-Губернаторомъ, разрѣшаетъ учрежденіе такихъ училищъ и устанавливаетъ надлежащій надзоръ за ними.

§ 5. Къ высшимъ и низшимъ народнымъ училищамъ и школамъ для младшаго возраста, съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ, учреждаемымъ и содержимымъ городскими и сельскими гражданскими общинами и сельскими православными приходами, примѣняются правила, изложенныя въ Высочайшихъ постановленіяхъ отъ 11 Мая 1866 года, 30 Ноября 1871 года и 5 Марта 1883 года, съ относящимися сюда другими законами и постановленіями.

№ 23.

Выдержки изъ программы Генералъ-Губернатора Н. И. Бобрикова.

(«Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н. И. Бобрикова». М. Бородкинъ. 1905 г.).

«Въ основаніе дѣйствій мѣстной власти должны быть положены требованія строгой системы, справедливости и безпристрастія. Изданные Всероссійскими Монархами законы и узаконенія, изъ числа остающихся понынѣ мертвою буквою, подлежатъ непремѣнному исполненію. Исправленія мѣстнаго законодательства и возстановленія общественнаго порядка желательно достигнуть безъ коренной ломки и не вызывая, по возможности, въ краѣ

раздраженія. Достоинство Россіи, однако же, требуетъ, чтобы Финляндія, направляемая твердою рукою, постепенно становилась по чувству русскою окраиною и въ этомъ отношеніи неизбѣжныя по пути озлобленіе и противодѣйствіе слѣдуетъ сломить во что бы то ни стало».

«Въ Мартѣ 1899 г. Николай Ивановичъ Бобриковъ нѣсколько дополнилъ свою программу, признавъ нужнымъ:

1) Произвести пересмотръ учебниковъ.

2) Издать актъ, подтверждающій всю законность самодержавныхъ правъ Русскихъ вѣнценосцевъ въ Финляндіи.

3) Освободить православныя школы отъ опеки финскихъ властей.

4) Пересмотрѣть цензурный уставъ.

5) Улучшить экономическій бытъ безземельныхъ и проч.» (117).

«Всѣ наши окраинные вопросы возникли, въ сущности, изъ непослѣдовательности и вѣчныхъ противорѣчій нашей политики. Поэтому на окраинахъ генералъ-губернаторы, съ своей, по крайней мѣрѣ, стороны не должны содѣйствовать увѣренности мѣстнаго населенія въ непрочности правительственныхъ мѣропріятій».

«Осчастлививъ генералъ-адъютанта Бобрикова Своимъ высокимъ довѣріемъ и отправляя его въ Финляндію, Государю Императору благоугодно было изъявить Свою Державную волю и надежду, что исполненіе новыхъ его обязанностей одушевлено будетъ стремленіемъ къ послѣдовательному «укорененію въ сознаніи мѣстнаго населенія всей важности для Финляндскаго края тѣснѣйшаго единенія его съ общимъ для всѣхъ вѣрноподданныхъ отечествомъ» (119).

«Россія едина и нераздѣльна, какъ единъ и нераздѣленъ ея Императорскій Престолъ, подъ сѣнью котораго Великое Княжество достигло своего современнаго благосостоянія. Казалось бы поэтому, въ душѣ каждаго финляндца, которому дороги интересы его родины, стремленіе къ единенію съ Россіею должно быть всегда естественнымъ чувствомъ. Тѣмъ болѣе этому чувству надлежитъ окрѣпнуть теперь, послѣ того, какъ Государь Императоръ

въ рескриптѣ, данномъ на мое имя, Самъ указалъ близкой его сердцу Финляндіи на необходимость укорененія въ сознаніи ея населенія всей важности тѣснѣйшаго единенія этой окраины съ центромъ».

«Оставляя неприкосновенными, въ предѣлахъ Высочайшаго рескрипта 1891 г., особенности Финляндіи, ея церковное устройство, права, преимущества и внутреннее управленіе, насколько они, конечно, не противорѣчатъ пользѣ и достоинству Россіи, государственная власть не допуститъ, однако, дальнѣйшаго распространенія въ краѣ всего того, что можетъ препятствовать сплоченію великой Имперіи».

№ 24.

Высочайшій Манифестъ 3/15 Февраля 1899 г.

(Сборн. Пост. Финл. 1899 г. № 3 с. 1).

Божіею Милостію,

Мы, Николай Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и проч., и проч., и проч. Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Великое Княжество Финляндское, войдя съ начала нынѣшняго столѣтія въ составъ Россійской Имперіи, пользуется, по великодушному соизволенію Блаженныя памяти Императора Александра Благословеннаго и Его Державныхъ Преемниковъ, особыми въ отношеніи *внутренняго* управленія и законодательства учрежденіями, кои соотвѣтствуютъ бытовымъ условіямъ страны.

Но независимо отъ предметовъ *мѣстнаго законодательства* Финляндіи, вытекающихъ изъ особенностей общественнаго ея строя, въ порядкѣ государственнаго управленія возникаютъ по сему краю и другіе законодательные вопросы, кои по тѣсной связи ихъ съ общегосударственными потребностями не могутъ подлежать исключительному дѣйствію учрежденій Великаго Княжества. Порядокъ разрѣшенія сего рода вопросовъ не опредѣляется въ

дѣйствующемъ законодательствѣ точными правилами, и недостатокъ оныхъ подавалъ поводы къ важнымъ неудобствамъ.

Въ устраненіе сихъ неудобствъ, Мы, въ непрестанной заботѣ о благѣ всѣхъ безъ различія вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, признали полезнымъ, въ дополненіе дѣйствующихъ постановленій и въ руководство подлежащимъ учрежденіямъ Имперіи и Великаго Княжества, установить твердый и незыблемый порядокъ ихъ дѣятельности по начертанію и изданію законовъ общегосударственныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставляя въ силѣ существующія правила *объ изданіи мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ Финляндскаго края относящихся*, Мы почли необходимымъ предоставить Нашему усмотрѣнію ближайшее указаніе предметовъ общеимперскаго законодательства.

Въ сихъ видахъ Мы Собственноручно утвердили объявляемыя вмѣстѣ съ симъ Основныя Положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

По примѣру Вѣнценосныхъ Предковъ Нашихъ, Мы видимъ залогъ процвѣтанія Финляндіи въ тѣснѣйшемъ ея единеніи съ Имперіею. Подъ сѣнію Державы Россійской, сильная ея защитою Финляндія, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, неуклонно шла по пути мирнаго преуспѣянія, и Намъ отрадно было удостовѣриться изъ недавнихъ заявленій земскихъ чиновъ, что въ сердцахъ финскаго народа живо сознаніе преданности Намъ и Россіи.

Мы уповаемъ, что основанная на твердыхъ указаніяхъ положительнаго закона совмѣстная дѣятельность учрежденій Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго по тѣмъ законодательнымъ дѣламъ, которыя касаются обоюдныхъ ихъ интересовъ, послужитъ къ вящему обезпеченію дѣйствительныхъ пользъ и выгодъ Россійскаго государства.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 3 день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто девятое Царствованія же Нашего въ пятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«*НИКОЛАЙ*».

ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ

о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

(Пріостановлены 22 Октября 1905 г.).

1) Первообразное начертаніе законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, пріемлетъ начало съ Высочайшаго каждый разъ соизволенія въ тѣхъ случаяхъ, когда по общему теченію дѣлъ управленія представится необходимымъ составить новое постановленіе или измѣнить либо дополнить дѣйствующій законъ.

2) Порядокъ сей соблюдается въ отношеніи какъ законовъ, кои дѣйствуютъ на всемъ пространствѣ Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, такъ равно и законовъ, примѣняемыхъ въ предѣлахъ Великаго Княжества, если они касаются общегосударственныхъ потребностей или находятся въ связи съ законодательствомъ Имперіи.

3) Высочайшее соизволеніе относительно изданія указанныхъ выше законовъ (ст. 1 и 2) испрашивается подлежащимъ Министромъ Имперіи и Министромъ Статсъ-Секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго, по предварительномъ ихъ между собою сношеніи. Финляндскій Генералъ-Губернаторъ, когда по ходу управленія Великаго Княжества признаетъ необходимымъ восполнить дѣйствующіе въ краѣ законы въ порядкѣ, настоящими Положеніями установленномъ, сообщаетъ свои по сему предмету предположенія, для дальнѣйшаго ихъ направленія, подлежащему Министру Имперіи и Министру Статсъ-Секретарю Великаго Княжества.

4) По воспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія относительно изданія закона для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, Министръ Имперіи, о доставленіи заключеній по существу проекта означеннаго закона, сносится съ Финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ, Министромъ Статсъ-Секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго и Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ.

5) По тѣмъ законодательнымъ предположеніямъ, кои въ порядкѣ внутренняго управленія Великаго Княжества Финляндскаго поступаютъ на уваженіе Финляндскаго Сейма, требуется заключе-

ніе Сейма и въ порядкѣ изданія законовъ, упомянутыхъ въ ст. 2 сихъ Положеній. Заключеніе Сейма имѣетъ состояться на ближайшемъ его очередномъ собраніи, если не послѣдуетъ Высочайшаго повелѣнія о созывѣ съ этою цѣлью чрезвычайнаго Сейма.

6) По полученіи заключеній Финляндскаго Генералъ-Губернатора, Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго и Императорскаго Финляндскаго Сената, а въ подлежащихъ случаяхъ (ст. 5) и Финляндскаго Сейма, Министръ Имперіи вноситъ законопроектъ въ Государственный Совѣтъ установленнымъ въ его учрежденіи порядкомъ. Къ представленію по сему предмету прилагаются въ спискахъ заключенія Сената и Сейма.

7) Законопроектъ сей разсматривается Государственнымъ Совѣтомъ на общемъ основаніи, при участіи Финляндскаго Генералъ-Губернатора и Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, а также тѣхъ Сенаторовъ Императорскаго Финляндскаго Сената, кои, по Высочайшему избранію, будутъ особо къ тому назначены.

8) Удостоенное Высочайшаго утвержденія мнѣніе Государственнаго Совѣта по упомянутому законопроекту обнародывается установленнымъ порядкомъ какъ въ Имперіи, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.

№ 25.

Высочайшій Манифестъ 7 (20) Іюня 1900 г.—о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство нѣкоторыхъ административныхъ присутственныхъ мѣстъ Великаго Княжества Финляндскаго.

(Сборн. Пост. Финл. 1900 г. № 22 с. 1).

Божіею Милостію,

Мы, Николай Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и проч. и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе: Вслѣдъ за включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго въ составъ Россійской Имперіи, по волѣ Блаженныя памяти Императора Александра Перваго было положено постепенно ввести въ дѣлопроизводство по управленію краемъ русскій языкъ, въ качествѣ главнаго. Мо-

наршее предначертаніе это, заботою объ укрѣпленіи государственнаго единства внушенное, не было приведено доселѣ въ исполненіе вслѣдствіе недостаточной распространенности въ Финляндіи русскаго языка. Для устраненія сего затрудненія были принимаемы разнообразныя мѣры, и еще въ послѣднее время знаніе государственнаго языка объявлено обязательнымъ для занятія высшихъ должностей въ краѣ. Нынѣ, признавъ своевременнымъ присвоить русскому языку приличествующее ему значеніе въ официальныхъ сношеніяхъ и въ дѣлопроизводствѣ присутственныхъ мѣстъ Великаго Княжества, Мы поручили обсудить сей предметъ Особому Совѣщанію, для сего Нами учрежденному. Представленныя Совѣщаніемъ заключенія, Нашимъ намѣреніямъ соотвѣтствующія, опредѣляютъ ихъ осуществленіе съ постепенностью, свойству дѣла сообразною. Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты во вниманіе потребности частныхъ лицъ, коимъ и впредь обезпечена возможность обращаться въ правительственныя установленія на родномъ языкѣ также свободно, какъ они имъ пользуются въ общественной жизни и въ частномъ быту. Утвердивъ вслѣдствіе сего заключеніе Особаго Совѣщанія. Мы повелѣваемъ:

1. Статсъ-Секретаріату Великаго Княжества Финляндскаго, Канцеляріи Финляндскаго Генералъ-Губернатора и Финляндской паспортной экспедиціи съ $\frac{18\ \text{Сентября}}{1\ \text{Октября}}$ 1900 года производить дѣла и вести переписку исключительно на русскомъ языкѣ.

II. Императорскому Финляндскому Сенату (по Хозяйственному Департаменту), съ $\frac{18\ \text{Сентября}}{1\ \text{Октября}}$ 1900 года, подлинныя всеподданнѣйшія представленія, равно какъ и подлинные отзывы и исходящія бумаги при сношеніяхъ съ Генералъ-Губернаторомъ излагать на русскомъ языкѣ. Въ потребныхъ случаяхъ, къ подлиннымъ производствамъ означеннаго Департамента Сената прилагать переводы упомянутыхъ представленій, отзывовъ и бумагъ на мѣстный языкъ. Съ $\frac{18\ \text{Сентября}}{1\ \text{Октября}}$ 1903 года производство дѣлъ въ Сенатѣ и его экспедиціяхъ (кромѣ Судебнаго Департамента) какъ письменное, такъ и устное совершать на русскомъ языкѣ, съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: а) относящіеся къ дѣламъ подлинные документы могутъ быть читаны на томъ языкѣ, на какомъ они составлены; б) при выдачѣ копій съ Сенатскихъ опредѣленій могутъ быть прилагаемы, по ходатайству просителей,

шведскіе или финскіе переводы сихъ опредѣленій, и в) предсѣдательствующимъ въ засѣданіяхъ Сената, въ теченіе пяти лѣтъ съ указаннаго выше срока, разрѣшается дозволять членамъ Сената представлять словесныя объясненія на шведскомъ или финскомъ языкахъ.

III. Главнымъ управленіямъ, подвѣдомственнымъ Императорскому Финляндскому Сенату, а также Губернаторамъ, равно какъ заступающимъ ихъ мѣсто должностнымъ лицамъ и губернскимъ правленіямъ, съ $\frac{18\ \text{Сентября}}{1\ \text{Октября}}$ 1905 года сноситься съ установленіями, надъ ними стоящими, какъ то: съ Генералъ-Губернаторомъ, Сенатомъ и другими,—исключительно на русскомъ языкѣ.

IV. Правительственнымъ установленіямъ Великаго Княжества Финляндскаго, въ дѣлопроизводствѣ коихъ вводится русскій языкъ, принимать и давать установленный ходъ прошеніямъ частныхъ лицъ, писаннымъ на одномъ изъ мѣстныхъ языковъ.

V. Прошенія и бумаги на русскомъ языкѣ принимать во всѣхъ правительственныхъ установленіяхъ Великаго Княжества Финляндскаго (Высоч. пост. 3 Дек. 1866 г. и 4 Апр. 1887 г.). Прошенія и бумаги сіи, въ потребныхъ случаяхъ, переводить на мѣстный языкъ порядкомъ, установленнымъ Высочайшимъ постановленіемъ 3 Декабря 1866 года.

VI. Подлежащимъ властямъ, подъ руководствомъ и надзоромъ Финляндскаго Генералъ-Губернатора, благовременно принять, въ установленномъ порядкѣ, мѣры къ приведенію къ вышеуказаннымъ срокамъ личнаго состава подвѣдомственныхъ имъ установленій въ такія условія, какія необходимы для успѣшнаго введенія русскаго языка въ дѣлопроизводство и переписку сихъ установленій.

№ 26.

Высочайшее Постановленіе 27 Іюня (10 Іюля) 1902 г.— объ измѣненіи формъ и порядка обнародованія узаконеній и правительственныхъ распоряженій въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.

(Собр. Пост. Фин. 1902 г. № 24 с. 2).

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго

27 Іюня (10 Іюля) 1902 г. въ Петергофѣ Высочайше соизволилъ утвердить нижеслѣдующее постановленіе:

По всеподданнѣйшему докладу Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго признали Мы за благо:

1. § 9 отдѣленія 2 Высочайше утвержденной 17 Марта 1826 года инструкціи Статсъ-Секретаріату Великаго Княжества Финляндскаго—отмѣнить.

2. Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній утвердить нижеслѣдующія

ПРАВИЛА

о формахъ и порядкѣ обнародованія узаконеній и правительственныхъ распоряженій, издаваемыхъ для Великаго Княжества Финляндскаго.

1. Для финляндскихъ узаконеній, состоявшихся по всеподданнѣйшимъ докладамъ Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, вслѣдствіе представленій Финляндскаго Генералъ-Губернатора, Императорскаго Финляндскаго Сената, Земскихъ Чиновъ Финляндіи и въ другихъ случаяхъ, установляется прилагаемая при семъ форма Высочайшихъ постановленій.

2. За исключеніемъ законовъ, означенныхъ въ предшедшей (1) статьѣ, *всѣ прочія примѣняемыя въ Финляндіи узаконенія имѣютъ дѣйствіе въ формахъ, установленныхъ для законодательства Имперіи.*

3. Въ порядкѣ управленія Финляндіею Именные Высочайше Указы даются на имя Финляндскаго Генералъ-Губернатора.

4. Опредѣленія (предписанія, резолюціи и рѣшенія, кромѣ постановляемыхъ въ судебномъ порядкѣ), объявленія (кромѣ объявленій о молитвенныхъ дняхъ) и другіе подобные акты Императорскаго Финляндскаго Сената посылаются подвѣдомственнымъ Сенату мѣстамъ и лицамъ въ видѣ сенатскихъ указовъ. Означенные указы, а также сенатскія рѣшенія (приговоры, опредѣленія), постановляемыя въ судебномъ порядкѣ, и выдаваемыя Сенатомъ грамоты составляются по формамъ, при семъ приложеннымъ.

5. Всѣ узаконенія, подлежащія обнародованію въ Финляндіи, по Высочайшемъ утвержденіи оныхъ, препровождаются, въ подлинникахъ или надлежаще завѣренныхъ спискахъ, къ Финляндскому Генералъ-Губернатору, который распоряжается ихъ обнародованіемъ.

6. Заключаемые Россіею съ иностранными державами договоры, трактаты, конвенціи и другіе Высочайше утвержденные международные акты обнародываются, въ случаѣ надобности, тѣмъ же порядкомъ какъ узаконенія.

7. Обнародованіе узаконеній совершается посредствомъ заслушанія ихъ въ Сенатѣ и припечатанія въ Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго, а въ особыхъ случаяхъ и посредствомъ всенароднаго прочтенія въ церквахъ или въ другихъ мѣстахъ по опредѣленію Генералъ-Губернатора.

8. Узаконенія заслушиваются, по предложеніямъ Генералъ-Губернатора, въ Общемъ Собраніи Хозяйственнаго Департамента Сената, которое составляетъ и подписываетъ опредѣленіе о передачѣ заслушанныхъ имъ узаконеній въ сенатскую типографію на предметъ припечатанія оныхъ въ Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго.

9. Означеннымъ въ предшедшей (8) статьѣ порядкомъ заслушиваются въ Общемъ Собраніи Хозяйственнаго Департамента Сената и обращаются къ напечатанію также тѣ опредѣленія Сената (ст. 4) и правительственныя распоряженія, коимъ придается общеобязательное значеніе.

10. Въ Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго помѣщаются только издаваемыя Верховною Властью узаконенія и росписи казенныхъ доходовъ и расходовъ, Высочайше утвержденные международные акты, а также тѣ сенатскія опредѣленія и правительственныя распоряженія, коимъ придается общеобязательное значеніе.

11. Всѣ акты, Высочайше утвержденные и отъ Верховной Власти исходящіе, печатаются въ Сборникѣ Постановленій безъ всякихъ измѣненій и дополненій и съ точнымъ означеніемъ притомъ времени и мѣста (буде послѣднее указано) Высочайшаго утвержденія или подписанія сихъ актовъ. Съ подобною же точно-

стью печатаются въ Сборникѣ Постановленій опредѣленія Финляндскаго Сената и правительственныя распоряженія.

12. [Сборникъ Постановленій издается въ русскомъ подлинникѣ и въ точныхъ переводахъ его на мѣстные языки финскій и шведскій. Русскій, финскій и шведскій тексты каждаго помѣщаемаго въ Сборникѣ узаконенія или иного постановленія слѣдуютъ непосредственно одинъ за другимъ]. Отмѣненъ 1905 г. С. П. Ф., № 49 стр. 1.

13. Узаконенія, подлежащія всенародному прочтенію, разсылаются по принадлежности распоряженіемъ Губернаторовъ.

Высочайшее Постановленіе 18 (31) Іюля 1902 г.—объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ, касающихся службы чиновъ гражданскаго вѣдомства въ Финляндіи.

(Сборн. Пост. Финл. 1902 г. № 32 с. 3).

I. *Существующія нынѣ ограниченія* въ правѣ занятія должностей гражданскаго вѣдомства по управленію Великаго Княжества Финляндскаго лицами, не принадлежащими къ финляндскому гражданству, не распространяются на русскихъ уроженцевъ.

II. Въ отношеніи правъ на вступленіе въ службу и занятіе должностей гражданскаго вѣдомства по управленію Великаго Княжества Финляндскаго съ кандидатами Императорскаго Александровскаго Университета уравниваются: *а)* кандидаты и дѣйствительные студенты всѣхъ Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея; *б)* удостоенные испытательными коммисіями при Императорскихъ Россійскихъ Университетахъ дипломовъ 1 или 2 степени; *в)* окончившіе съ чинами IX, X или XII классовъ курсъ Императорскаго Александровскаго Лицея и Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, а равно окончившіе по I и II разряду курсъ Александровской Военно-Юридической Академіи.

№ 27.

Высочайшее Постановленіе 27 Мая (9 Іюня) 1904 г.—о мѣрахъ къ объединенію денежныхъ системъ Имперіи Великаго Княжества Финляндскаго.

(Сборн. Пост. Финл. 1904 г. № 34 с. 2).

1. Россійская золотая монета въ рубляхъ, изъ коихъ каждый равенъ одной пятнадцатой части имперіала и содержитъ въ себѣ

17,424 долей чистаго золота, наряду съ финляндскою золотою монетою въ маркахъ, составляетъ законное средство платежа въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.

2. Россійская золотая монета въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ въ платежи, какъ въ правительственныя кассы, такъ и при расчетахъ частныхъ лицъ между собою, обязательно принимается въ неограниченномъ количествѣ.

3. Россійская серебряная монета въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ въ платежи, означенные въ статьѣ 2, кромѣ платежей, указанныхъ въ статьѣ 4, обязательно принимается: достоинствомъ въ одинъ рубль, въ пятьдесятъ и двадцать пять копѣекъ—въ количествѣ не свыше трехъ рублей семидесяти пяти копѣекъ, а достоинствомъ въ двадцать, въ пятнадцать, въ десять и въ пять копѣекъ—въ количествѣ не свыше семидесяти пяти копѣекъ, при каждомъ платежѣ.

4. Россійскіе государственные кредитные билеты и серебряная и мѣдная монета въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ: а) на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, при таможенномъ сборѣ и въ уплату казенныхъ податей и б) въ почтовыхъ и телеграфныхъ установленіяхъ и на каналахъ, а также при всѣхъ платежахъ, производимыхъ по таксамъ, утверждаемымъ казенными, городскими и общественными установленіями, обязательно принимаются въ слѣдующихъ размѣрахъ: кредитные билеты и серебряная монета достоинствомъ въ одинъ рубль, въ пятьдесятъ и двадцать пять копѣекъ—въ неограниченномъ количествѣ; серебряная монета достоинствомъ въ двадцать, въ пятнадцать, въ десять и въ пять копѣекъ—не свыше трехъ рублей, а мѣдная монета—не свыше двадцати пяти копѣекъ, при каждомъ платежѣ.

5. Россійскіе монета и государственные кредитные билеты въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ во всѣ упомянутые въ предыдущихъ статьяхъ платежи обязательно принимаются по расчету двухъ марокъ шестидесяти шести двухъ третьихъ пенни (2 марки $66^2/_3$ пенни) за одинъ рубль и тридцати семи съ половиною копѣекъ ($37^1/_2$ копѣекъ) за одну марку.

6. Срокъ введенія настоящаго Постановленія въ дѣйствіе опредѣляется Министромъ Финансовъ по соглашенію съ Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ.

№ 28.

Высочайшій Манифестъ 22 Октября (4 Ноября) 1905 г.— о мѣрахъ къ возстановленію законномѣрнаго порядка въ краѣ.

(Сборн. Пост. Финл. 1905 г. № 49 с. 1).

I.

Божіею Милостію,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ

Всероссійскій,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,
и прочая, и прочая, и прочая.

Разсмотрѣвъ окончательно всеподданнѣйшую петицію Земскихъ Чиновъ Финляндіи отъ 31-го Декабря 1904 года о мѣрахъ къ возстановленію законномѣрнаго порядка въ краѣ, Мы признали ихъ заслуживающими Нашего вниманія и подлежащими осуществленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ развитіе установленныхъ основными законами правъ финскаго народа, Мы Высочайше повелѣли составить проекты важныхъ преобразованій основныхъ законовъ, на предметъ передачи таковыхъ представителямъ народа.

Вслѣдствіе сего Мы повелѣваемъ *пріостановить дѣйствіе основныхъ положеній*, объявленныхъ при Нашемъ Манифестѣ отъ 3-го (15-го) Февраля 1899 г., *пока затронутые въ нихъ вопросы не будутъ урегулированы законодательнымъ актомъ*, и отмѣнить постановленіе отъ 2-го Апрѣля 1903 года, о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, съ разъясненіями и дополненіями къ оному, и повелѣнія отъ 10-го Ноября 1903 года, коими отдѣльному корпусу жандармовъ предоставлены служебныя права въ Великомъ Княжествѣ; пунктъ 12 Постановленія отъ 10-го Іюля 1902 года, объ измѣненіи формъ и порядка обнародованія узаконеній и правительственныхъ распоряженій въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ; Постановленіе отъ

8-го Сентября 1902 года, объ измѣненіи въ нѣкоторыхъ частяхъ Учрежденія Императорскаго Финляндскаго Сената, Постановленіе отъ того же числа, о расширеніи полномочій губернаторовъ Финляндіи и Постановленіе отъ 26-го Марта 1903 года, объ утвержденіи инструкцій Финляндскому Генералъ-Губернатору и его Помощнику, равно какъ Постановленіе отъ того же числа, объ измѣненіи инструкціи губернаторамъ, и Уставъ о воинской повинности отъ 12-го Іюля 1901 года, Постановленіе отъ 31-го Іюля 1902 года, объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ, касающихся службы чиновъ гражданскаго вѣдомства въ Финляндіи, Постановленіе отъ 14-го Августа 1902 года, о порядкѣ удаленія отъ службы должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ, Постановленіе отъ того же числа, о порядкѣ возбужденія судебнаго преслѣдованія за служебныя преступленія должностныхъ лицъ, и Постановленіе отъ 2-го Іюля 1900 года о публичныхъ собраніяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Мы повелѣваемъ Сенату немедленно приступить къ пересмотру остальныхъ требующихъ измѣненій и перечисленныхъ въ петиціи постановленій.

Независимо отъ сего Мы признали за благо Высочайше поручить Сенату:

1) Составить проектъ новаго Сеймоваго Устава въ смыслѣ современнаго преобразованія организаціи финскаго народнаго представительства, съ примѣненіемъ началъ всеобщаго и равнаго права подачи голосовъ при избраніи народныхъ представителей;

2) Выработать проекты основныхъ законоположеній, предоставляющихъ народному представительству право повѣрять закономѣрность служебныхъ распоряженій членовъ Правительства и обезпечивающихъ гражданамъ края свободу слова, собраній и союзовъ, и

3) Составить проектъ закона о свободѣ печати и немедленно издать объявленіе о прекращеніи дѣятельности предварительной цензуры.

Проекты эти, по коимъ уже отчасти совершены подготовительныя работы, Мы ожидаемъ отъ Сената столь благовременно, чтобы они могли быть переданы Земскимъ Чинамъ на томъ чрезвычайномъ Сеймѣ, созывъ котораго Мы одновременно съ симъ повелѣли.

Мы твердо уповаемъ, что намѣченныя Нами мѣры, внушенныя попеченіемъ о благѣ Финляндіи, послужатъ къ укрѣпленію узъ, соединяющихъ финскій народъ съ его Монархомъ.

«НИКОЛАЙ».

Въ Петергофѣ
22-го Октября (4-го Ноября)
1905 года.

№ 29.

Высочайшее Постановленіе 20 Апрѣля (3 Мая) 1906 г.— относительно русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ административныхъ учрежденій Финляндіи.

(Сборн. Пост. Финл. 1906 г. № 17 с. 1).

§ 1.—1) Всеподданнѣйшіе проекты сеймовыхъ предложеній и заключающихся въ нихъ законовъ, равно какъ и постановленій, подлежащихъ обнародованію административнымъ порядкомъ, излагаются какъ на русскомъ, такъ и на финскомъ и шведскомъ языкахъ, но къ докладу Его Императорскому Величеству Государю Императору и Великому Князю представляется только русскій текстъ.

Къ всеподданнѣйшимъ представленіямъ Сейма и къ принятымъ Сеймомъ законопроектамъ, распоряженіемъ Сената, также пріобщается русскій текстъ.

2) Къ всеподданнѣйшимъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества Имя представленіямъ и заключеніямъ Императорскаго Финляндскаго Сената, составляемымъ въ подлинникѣ на финскомъ или шведскомъ языкѣ, пріобщается всегда *переводъ на русскій языкъ*.

3) *Русскій переводъ* финскаго или шведскаго подлинника пріобщается также къ отношеніямъ Сената къ Генералъ-Губернатору.

4) Вышеизложенныя правила относятся какъ къ Общему Собранію обоихъ Департаментовъ Сената, такъ и къ Судебному и Хозяйственному Департаментамъ, а опредѣленія п.п. 2 и 3 также къ Прокурору Сената.

§ 2.—1) Всѣ упомянутые къ § 1 проекты и исходящія бумаги *переводятся* на русскій языкъ состоящими въ Сенатѣ присяжными и отвѣтственными переводчиками.

2) Русскіе переводы упомянутыхъ въ п. п. 1 и 2 § 1 всеподданнѣйшихъ представленій и проектовъ подлежатъ провѣркѣ, для установленія точнаго ихъ соотвѣтствія съ подлинниками, въ особой провѣрочной комиссіи изъ трехъ членовъ, назначаемыхъ Хозяйственнымъ Департаментомъ Сената.

3) Главный переводчикъ русскаго языка или, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, одинъ изъ помощниковъ его участвуетъ въ занятіяхъ провѣрочной комиссіи въ качествѣ члена и завѣряетъ вѣрность провѣренныхъ въ комиссіи переводовъ.

§ 3. Всѣ исходящія бумаги Генералъ-Губернатора и его Канцеляріи составляются на русскомъ языкѣ. Къ бумагамъ, препровождаемымъ Генералъ-Губернаторомъ и его Канцеляріею въ Сенатъ, а также въ другія финляндскія правительственныя установленія и къ должностнымъ лицамъ въ предѣлахъ края, пріобщается финскій или шведскій переводъ [1]).

§ 4.—1) Всѣ исходящія бумаги Министра Статсъ-Секретаря и Статсъ-Секретаріата, препровождаемыя къ Генералъ-Губернатору и въ его Канцелярію, составляются на русскомъ языкѣ; къ бумагамъ, коими сообщается рѣшеніе Государя Императора и Великаго Князя, пріобщается засвидѣтельствованный переводъ на финскій или шведскій языки.

2) Законы и постановленія, утвержденные Его Императорскимъ Величествомъ, передаются Генералъ-Губернатору и въ Сенатъ въ изложеніи какъ на русскомъ, такъ и на финскомъ и шведскомъ языкахъ.

3) Переписка Статсъ-Секретаріата съ прочими финляндскими властями ведется на финскомъ или шведскомъ, а съ русскими властями на русскомъ языкѣ.

§ 5. Финляндская Паспортная Экспедиція употребляетъ русскій языкъ въ перепискѣ съ Генералъ-Губернаторомъ и его Канцеля-

---

[1]) Высочайшимъ Постановленіемъ отъ 18 (31) Декабря 1909 года № 71 с. 1— о Канцеляріи Финляндскаго Генералъ-Губернатора и о чинахъ, при Финляндскомъ Генералъ-Губернаторѣ состоящихъ,

установлено:

3. Все дѣлопроизводство Канцеляріи Генералъ-Губернатора ведется исключительно на русскомъ языкѣ, и всѣ исходящія бумаги Генералъ-Губернатора, его Канцеляріи и состоящихъ при немъ должностныхъ лицъ составляются на русскомъ языкѣ и отправляются по назначенію безъ приложенія къ нимъ переводовъ на мѣстные финскій или шведскій языки.

ріею и съ русскими властями, а въ остальной перепискѣ финскій или шведскій языкъ.

§ 6. Къ представленіямъ Губернаторовъ Генералъ-Губернатору и къ перепискѣ ихъ съ русскими властями пріобщается русскій переводъ, завѣренный присяжнымъ переводчикомъ. Представленія Губернаторовъ къ Генералъ-Губернатору по дѣламъ, не подлежащимъ оглашенію, а также вся переписка въ видѣ писемъ и телеграммъ, излагается на русскомъ языкѣ.

§ 7.—1) Состоящіе въ нѣкоторыхъ городахъ при Магистратахъ переводчики русскаго языка обязаны, въ случаѣ надобности, исполнять обязанности переводчика для перевода съ русскаго языка и на русскій по судебнымъ дѣламъ въ мѣстныхъ Ратгаузскомъ Судѣ и Магистратѣ.

2) Относительно знанія русскаго языка, какъ условія назначенія на нѣкоторыя должности въ губернскомъ правленіи и по губернской администраціи, въ Выборгской губерніи сохраняютъ силу изданныя передъ симъ правила.

3) Сенатъ опредѣляетъ, въ какихъ мѣстахъ края отъ чиновниковъ, занимающихъ извѣстныя должности въ почтовыхъ учрежденіяхъ, на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, при полицейскихъ учрежденіяхъ и въ таможняхъ, требуется знаніе русскаго языка.

§ 8. Высочайшее объявленіе отъ 3 Декабря 1866 года, объ обязанности судебныхъ и другихъ присутственныхъ мѣстъ Финляндіи принимать прошенія и документы, писанные на русскомъ языкѣ, остается въ силѣ.

§ 9.—1) Должности присяжныхъ переводчиковъ русскаго языка сохраняются въ тѣхъ учрежденіяхъ и присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ таковыя въ настоящее время имѣются.

2) Въ судебныхъ мѣстахъ въ пограничныхъ съ Имперіею мѣстностяхъ назначаются, въ случаѣ надобности, присяжные переводчики русскаго языка.

§ 10. Сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго печатается какъ въ финскомъ и шведскомъ изданіяхъ, такъ и въ русскомъ.

§ 11. Настоящее постановленіе вступаетъ въ силу взамѣнъ Высочайшаго Манифеста отъ 7 (20) Іюня 1900 года, о введеніи рус-

скаго языка въ дѣлопроизводство нѣкоторыхъ административныхъ присутственныхъ мѣстъ Великаго Княжества Финляндскаго и Высочайшаго Постановленія отъ 19 Іюня 1902 года, объ употребленіи русскаго языка въ исходящихъ отъ финляндскихъ правительственныхъ установленій бумагъ, дѣйствіе которыхъ посему прекращается. Равнымъ образомъ, прекращается дѣйствіе нѣкоторыхъ изданныхъ передъ симъ опредѣленій объ обязательномъ требованіи знанія русскаго языка отъ лицъ, назначаемыхъ на административныя должности, поскольку означенныя опредѣленія не согласуются съ правилами настоящаго постановленія.

№ 30.

Законъ 7 (20) Августа 1906 г.—о свободѣ слова, собраній и союзовъ.

(Сборн. Пост. Финл. 1906 г. № 38 с. 1).

Божіею Милостію,

Мы, Николай Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ чрезъ сіе: По передачѣ Земскимъ Чинамъ Высочайшаго предложенія относительно основныхъ законоположеній о свободѣ слова, собраній и союзовъ и по обсужденіи сего законодательнаго вопроса въ порядкѣ, установленномъ въ § 71 Сеймоваго Устава отъ 3/15 Апрѣля 1869 года, Мы признали за благо симъ утвердить къ руководству принятый Земскими Чинами законъ по сему предмету слѣдующаго, слово въ слово, содержанія:

ЗАКОНЪ

о свободѣ слова, собраній и союзовъ.

Въ развитіе и для обезпеченія общихъ правъ финляндскихъ гражданъ симъ установляются слѣдующія опредѣленія, имѣющія силу основного закона:

Финляндскіе граждане пользуются свободою слова и правомъ издавать въ печати письменныя изложенія или изображенія и предварительно не должны быть чинимы сему препятствія.

Финляндскіе граждане имѣютъ право, безъ предварительнаго разрѣшенія, собираться для обсужденія общественныхъ дѣлъ или для другихъ дозволительныхъ цѣлей и образовывать общества, преслѣдующія задачи, не противныя закону или нравственности.

Правила о томъ, что должно быть соблюдаемо при пользованіи этими правами, имѣютъ быть изданы въ установленномъ для общихъ законовъ порядкѣ.

Для вящшаго утвержденія подписали Мы сіе Собственноручно.

«НИКОЛАЙ».

Въ Петергофѣ 7/20 Августа 1906 года.

Министръ Статсъ-Секретарь *А. Лангофъ.*

№ 31.

Высочайше утвержденное 20 Мая 1908 г. положеніе Совѣта Министровъ о порядкѣ направленія финляндскихъ дѣлъ, касающихся интересовъ Имперіи.

(Собр. узак. 1908 г., 549).

Совѣтъ Министровъ полагалъ:

Въ соотвѣтствіе съ возложенною на Совѣтъ Министровъ задачею объединенія дѣятельности отдѣльныхъ частей государственнаго управленія и на основаніи статей 10 и 11 Основныхъ Государственныхъ Законовъ (Свод. Зак., т. I, ч. I, изд. 1906 г.), въ отношеніи порядка направленія финляндскихъ дѣлъ, постановить:

1) На Совѣтъ Министровъ возлагается сужденіе о томъ, какія изъ возникающихъ по Великому Княжеству Финляндскому дѣлъ затрагиваютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересы Имперіи и посему требуютъ ближайшаго со стороны Министерствъ и Главныхъ Управленій соображенія.

2) Соотвѣтственно сему, одновременно съ передачей Министру Статсъ-Секретарю Финляндіи дѣлъ, требующихъ всеподданнѣйшаго доклада, Финляндскій Генералъ-Губернаторъ препровождаетъ второй экземпляръ ихъ, со своимъ заключеніемъ и относящимися къ дѣлу документами, къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ для обсужденія въ означенномъ Совѣтѣ.

3) Къ числу дѣлъ, упомянутыхъ въ предыдущей (2) статьѣ, относятся: 1) проекты законовъ для Великаго Княжества Финляндскаго какъ сеймовыхъ, такъ и административныхъ; 2) проекты Высочайшихъ предложеній финляндскому сейму; 3) всеподданнѣйшія петиціи и представленія сейма, и 4) всеподданнѣйшія представленія Императорскаго Финляндскаго Сената, касающіяся: а) предметовъ управленія, имѣющихъ общее значеніе; б) испрошенія Высочайшаго разрѣшенія на составленіе проектовъ законовъ и предложеній сейму, и в) сеймовыхъ петицій и представленій сейма.

4) На предварительный просмотръ Совѣта Министровъ сообщаются также проекты всеподданнѣйшихъ докладовъ, составляемыхъ Финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ или Министромъ Статсъ-Секретаремъ по ихъ собственному почину и касающихся предметовъ, въ статьѣ 3 указанныхъ.

5) По полученіи означенныхъ выше (ст. 3 и 4) проектовъ, Предсѣдатель Совѣта Министровъ, въ кратчайшій, по возможности, срокъ, увѣдомляетъ Финляндскаго Генералъ-Губернатора или Министра Статсъ-Секретаря, по принадлежности, о заключеніи Совѣта по данному дѣлу, и безъ такого заключенія дѣло не можетъ быть доложено Государю Императору.

6) Въ тѣхъ случаяхъ, когда Совѣтъ Министровъ не найдетъ возможнымъ согласиться съ предположеннымъ подлежащими властями Великаго Княжества направленіемъ или разрѣшеніемъ дѣла, или когда Министръ Статсъ-Секретарь не согласится съ заключеніемъ Совѣта Министровъ, Финляндскій Генералъ-Губернаторъ и Министръ Статсъ-Секретарь представляютъ по сему дѣлу всеподданнѣйшій докладъ не иначе, какъ совмѣстно съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ или подлежащимъ Имперскимъ Министромъ.

7) Финляндскій Генералъ-Губернаторъ и Министръ Статсъ-Секретарь о воспослѣдовавшихъ (ст. 3 и 4) по ихъ докладамъ Высочайшихъ повелѣніяхъ немедленно сообщаютъ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, съ препровожденіемъ списковъ съ удостоившихся Высочайшаго утвержденія законоположеній и предложеній, а также самыхъ всеподданнѣйшихъ докладовъ.

Государь Императоръ, въ 20 день Мая 1908 года, положеніе сіе Высочайше утвердить соизволилъ.

№ 32.

Высочайшее повелѣніе Императорскому Финляндскому Сенату, отъ 17/30 Сентября 1908 года (переводъ съ нѣмецкаго).

1. При ассигнованіи суммъ для построекъ на уже существующихъ финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ и на окончаніе уже начатыхъ желѣзнодорожныхъ вѣтвей должна быть принята въ соображеніе необходимость приведенія этихъ дорогъ въ состояніе, обезпечивающее передвиженіе по нимъ русскаго подвижного состава.

2. При заказѣ новыхъ локомотивовъ и вагоновъ, таковые должны быть пріобрѣтены того же типа, какъ обращающіеся на Имперскихъ желѣзныхъ дорогахъ, причемъ одинаковость типа понимается въ томъ смыслѣ, чтобы вновь заказываемые локомотивы и вагоны, по внѣшнему объему, соотвѣтствовали русскому подвижному составу.

3. Въ смѣтѣ коммуникаціоннаго фонда за 1909 годъ должна быть предвидѣна извѣстная сумма на перестройку такихъ зданій и другихъ учрежденій финляндскихъ дорогъ, которыя (по произведеннымъ соотвѣтствующимъ опытамъ) окажутся стѣсняющими свободное обращеніе русскаго подвижного состава; величина этой суммы опредѣляется въ соотвѣтствіи съ вырабатываемой финляндскимъ желѣзнодорожнымъ управленіемъ программою и съ очередью предпринимаемыхъ перестроекъ.

II.

№ 33.

Прокламація гр. Буксгевдена 18 Февраля 1808 г., изданная въ Фридрихсгамѣ (на шведскомъ языкѣ).

«Вопреки вашей конституціи, шведскій Король совершилъ столь же неожиданное, сколь несправедливое нападеніе на Наши границы» (рѣчь идетъ о войнѣ 1788 г.).

Такъ какъ, тѣмъ не менѣе, могутъ быть многія обстоятельства и дѣла, для рѣшенія коихъ доброе сосѣдское согласіе, до-

вѣріе жителей къ обсужденіямъ и единство мысли при рѣшеніи нужны будутъ, то вы симъ приглашаетесь, столь скоро, какъ то окажется необходимымъ, выслать депутатовъ вашихъ отъ каждой провинціи въ законномъ порядкѣ, какъ то принято на обыкновенныхъ вашихъ государственныхъ сеймахъ (Riksmöte), кои могутъ собраться въ городѣ Або для совѣщанія о всемъ томъ, что можетъ быть совершено далѣе для блага края.

Великое Княжество Финляндское такимъ образомъ съ этого момента и впредь до времени (tills vidare) будетъ почитаться *наравнѣ съ остальными завоеванными провинціями* Русскаго Государства, которыя подъ мягкимъ правленіемъ предшественниковъ Е. И. В., а нынѣ подъ Его Скипетромъ пользуются счастливымъ спокойствіемъ, съ сохраненіемъ всѣхъ привилегій, свободнымъ отправленіемъ Религіи (правъ и преимуществъ), какими они пользовались искони и какими они пользуются нынѣ,—и еще болѣе».

Sveriges Krig Åren 1808 och 1809, utgifvet af generalstabens Krigshistoriska Afdelning. I Д. 1890.

№ 34.

Высочайшій Манифестъ 20 Марта 1808 г.—о покореніи Шведской Финляндіи и о присоединеніи оной навсегда къ Россіи.

(Полн. Собр. Зак. 1808 г. № 22911).

Изъ Декларацій, въ свое время изданныхъ, извѣстны праведныя уваженія, подвигнувшія Насъ къ разрыву съ Швеціею и къ введенію войскъ Нашихъ въ Шведскую Финляндію. Безопасность Отечества Нашего взыскивала отъ Насъ сея мѣры.

Явная преклонность Короля Шведскаго къ Державѣ, Намъ непріязненной, новый союзъ его съ нею и, наконецъ, насильственный и неимовѣрный поступокъ, съ Посланникомъ Нашимъ въ Стокгольмѣ учиненный, происшествіе, столько же оскорбительное достоинству Имперіи Нашей, какъ и противное всѣмъ правамъ, въ просвѣщенныхъ Государствахъ свято наблюдаемымъ, превратили мѣру воинской осторожности въ необходимый разрывъ и содѣлали войну неизбѣжною.

Всевышній пріосѣнилъ помощію Своею праведное Наше дѣло. Войски Наши съ мужествомъ, имъ обычнымъ, борясь съ

препятствіями и превозмогая всѣ трудности, имъ предстоявшія, пролагая себѣ путь чрезъ мѣста, кои въ настоящее время считались непроходимыми; повсюду встрѣчая непріятеля и храбро поражая его, овладѣли и заняли всю почти Шведскую Финляндію.

Страну сію, оружіемъ Нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи, и въ слѣдствіе того повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство.

Возвѣщая о семъ присоединеніи вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ, удостовѣрены Мы, что раздѣляя съ Нами чувства признательности и благодаренія къ Промыслу Всемогущаго, проліютъ они теплыя ихъ молитвы, да вседѣйствующая Его сила предъидетъ храброму воинству Нашему въ дальнѣйшихъ его подвигахъ, да благословитъ и увѣнчаетъ оружіе Наше успѣхами и отстранитъ отъ предѣловъ Отечества Нашего бѣдствія, коими враги потрясти его искали.

№ 35.

Именной, объявленный Военной Коллегіи Министромъ Военныхъ Сухопутныхъ силъ 1 Мая 1808 г.—о довольствованіи фуражемъ находящихся въ Финляндіи строевыхъ и подъемныхъ лошадей.

(Полн. Собр. Зак. 1808 г. № 22995).

Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: Шведскую Финляндію, присоединенную Высочайшимъ Манифестомъ, послѣдовавшимъ въ 20 день минувшаго Марта, навсегда къ Россійской Имперіи, *считать наравнѣ съ Финляндскою Губерніею* въ Сѣверной полосѣ; а въ слѣдствіе того, довольствіе фуражемъ находящихся въ томъ краю строевыхъ и подъемныхъ лошадей войскъ нашихъ производить по существующимъ на то положеніямъ, и именно: строевыхъ съ 1 Августа по 16 Іюня, а подъемныхъ съ 16 Сентября по 16 Мая, остальное жъ за тѣмъ время должны онѣ оставаться на подножномъ корму.

№ 36.

Универсалъ Абоскаго Гофгерихта о формахъ и титулахъ въ бумагахъ Гофгерихта 1808 г. Мая 27.

(Placater, I, p. 9).

Вслѣдствіе отношенія Его Превосходительства Главнокомандующаго и проч., высокоблагороднаго графа Буксгевдена отъ 25 сего мѣсяца, съ сего числа въ *Императорскомъ* Гофгерихтѣ должны употребляться слѣдующіе установленные обороты:

1) «По повелѣнію Его Императорскаго Величества Александра I Самодержца Всероссійскаго приговоръ или рѣшеніе Императорскаго Абоскаго Гофгерихта».

2) Въ контекстѣ: «Императорскій Абоскій Гофгерихтъ».

3) Въ универсалахъ и отношеніяхъ также: «Императорскій Абоскій Гофгерихтъ».

4) Приговоры и резолюціи Императорскаго Абоскаго Гофгерихта подписываются: «По приказанію Императорскаго Абоскаго Гофгерихта».

№ 37.

Высочайше утвержденный 25 Декабря 1808 г. Императорскій Титулъ.

(Полн. Собр. Зак. 1808 г. № 23421).

Божіею поспѣшествующею милостію, Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса-Таврическаго, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и *Финляндскій*, Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій и всея Сѣверныя страны Повелитель и Государь Иверскія, Карталинскія, Грузинскія и Кабардинскія земли; Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; На-

слѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая, и прочая.

№ 38.

Фридрихсгамскій мирный трактатъ 5 (17) Сентября 1809 г.

(Выдержки *).

Ст. IV. Его Величество Король Шведскій какъ за Себя, такъ и за преемниковъ Его престола и королевства Шведскаго, отказывается неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и преемниковъ Его престола и Россійской Имперіи отъ всѣхъ Своихъ правъ и притязаній на Губерніи ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ Державы Шведской, а именно: на губерніи Кимменегордскую, Ниландскую и Тавастгускую, Абоскую и Біернеборгскую съ островами Аландскими, Саволакскую и Корельскую, Вазовскую, Улеаборгскую и часть западной Ботніи до рѣки Торнео, какъ то постановлено будетъ въ слѣдующей статьѣ о назначеніи границъ.

Губерніи сіи со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ собственности и Державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются.

На сей конецъ Его Величество Король Шведскій обѣщаетъ и обязуется, самымъ торжественнымъ и наисильнѣйшимъ образомъ, какъ за Себя, такъ и преемниковъ Своихъ и всего Королевства Шведскаго, никогда не чинить притязанія, ни посредственнаго, ни непосредственнаго, на помянутыя губерніи, области, острова и земли, коихъ всѣ жители, по силѣ вышеупомянутаго отреченія, освобождаются отъ подданства и присяги въ вѣрности, учиненной ими Державѣ Шведской.

Ст. V. Море Аландское (Alands haff), заливъ Ботническій и рѣки Торнео и Муоніо будутъ впредь служить границею между Имперіею Россійскою и Королевствомъ Шведскимъ.

---

*) Здѣсь приводятся выдержки изъ трактата по офиціальному русскому тексту. На шведскомъ языкѣ трактатъ также обнародованъ въ «Сборн. Постан. Вел. Княж. Финляндскаго».

Въ равномъ разстояніи отъ береговъ, ближайшіе острова къ твердой землѣ Аландской и Финляндской будутъ принадлежать Россіи, а прилегающіе къ берегамъ Швеціи, будутъ принадлежать ей.

Въ устьѣ рѣки Торнео, островъ Бьоркіо, портъ Ріодгамъ и полуостровъ, на которомъ лежитъ гор. Торнео, будутъ самыми дальними пунктами россійскихъ владѣній, и граница простираться будетъ вдоль рѣки Торнео, до соединенія обоихъ рукавовъ сей рѣки; близъ чугуннаго завода Кенгисъ, откуда граница пойдетъ по теченію р. Муоніо, мимо Муоніониски, Муоніоефреби, Палоіонса, Кютане, Енонтекиса, Келоттіерва, Петтико, Нюймакки, Раунулы и Кильписьярви, даже до Норвегіи.

По вышеписанному теченію рѣкъ Торнео и Муоніо острова, лежащіе съ восточной стороны ихъ фарватера, будутъ принадлежать Россіи, а лежащіе съ западной, Швеціи.

По размѣнѣ ратификацій, немедленно назначены будутъ Инженеры съ одной и другой стороны, кои явятся на мѣста, для постановленія границъ вдоль рѣкъ Торнео и Муоніо, по вышеначертанной линіи.

Ст. VI. Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ Имъ нынѣ областей: обезпечивъ, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и ихъ преимущества; то Его Шведское Величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія либо условія.

№ 39.

Именный, объявленный правящимъ должность С.-Петербургскаго Военнаго Губернатора Балашевымъ, въ предписаніи Оберъ-Полиціймейстеру 27 Сентября 1809 г.— о поступаніи съ пріѣзжающими финляндцами по тѣмъ же правиламъ, какъ и съ прибывающими изъ внутреннихъ Россійскихъ Губерній.

(Полн. Собр. Зак. 1809 г. № 23863).

Тайный Совѣтникъ, Статсъ-Секретарь Сперанскій сообщилъ мнѣ Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, чтобы

по настоящему окончанію всѣхъ дѣлъ относительно новоприсоединенной Финляндіи и по рѣшительномъ присоединеніи сего края къ Россіи, съ пріѣзжающими сюда финляндцами отнынѣ поступаемо было точно на тѣхъ правилахъ, какъ и со всѣми тѣми, кои изъ внутреннихъ Россійскихъ губерній прибываютъ, каковое и объявляю Вашему Превосходительству для надлежащаго по оному поступленія.

№ 40.

Учрежденіе объ управленіи водяными и сухопутными сообщеніями 20 Ноября 1809 г.

(Выдержки).

(Полн. Собр. Зак. 1809 г. № 23996).

ГЛАВА I.—Штатъ.

§ 1. Для лучшаго управленія внутренними Водяными и Сухопутными сообщеніями, они раздѣляются на 10 Округовъ.

ГЛАВА LII.—Граница и пространство восьмого Округа.

§ 514. Сей Округъ содержитъ въ себѣ *всю Финляндію, включая туда и новоприобрѣтенный край.*

§ 515. Хотя здѣсь много рѣкъ, которыя можно бы сдѣлать судоходными, однакожъ ни по одной изъ нихъ нѣтъ судоходства. Водяныя сообщенія въ Финляндіи производятся по весьма пространнымъ озерамъ, пересѣкающимъ край сей въ различныхъ направленіяхъ, большею же частію отъ Сѣвера къ Югу. Система озера Саймы въ старой Финляндіи наиболѣе извѣстна; и для большей удобности судоходства сдѣланы тамъ многіе прорѣзы подъ именемъ каналовъ, какъ то: Кутвелентайпольскій, Кіафенскій, Кукентійпольскій и Телатайпольскій. Различныя системы озеръ Пугувези, Капавези и проч. весьма мало извѣстны. Въ новоприобрѣтенной Финляндіи внутреннія сообщенія также весьма далеко простираются по обширнымъ озерамъ, изъ коихъ система большого озера Паяна наиболѣе заслуживаетъ вниманія.

Рѣки въ Финляндіи вообще очень быстры и съ водопадами. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ суть: Вокса, Кимень, Борго, Кума, Улеа и Торнео.

§ 516. Въ семъ Округѣ содержатся слѣдующіе большіе тракты: a) Большой Санктпетербургскій трактъ черезъ Выборгъ, Фридрихсгамъ, Або и Вазу до Торнео, по Губерніи Санктпетербургской 44 версты, по Выборгской до Луизы 210 верстъ, по новой Финляндіи до Або 270 верстъ, а отъ Або черезъ Вазу, Улеаборгъ до Торнео 780 верстъ. b) Отъ Петербурга до Кексгольма, по Губерніи Санктпетербургской 36 верстъ, Выборгской 68 верстъ до Кексгольма, и еще 100 верстъ до Сердоболя. c) Большая дорога отъ Борго въ Тавастгусъ, а оттуда въ Або 230 верстъ. d) Дорога отъ Тавастгуса до Гельзингфорса 60 верстъ. e) Дорога изъ Фридрихсгама и Выборга черезъ Вильманстрандъ до Нейшлота 295 верстъ въ Выборгской Губерніи.

ГЛАВА LIII.—Водяныя сообщенія.

§ 517 и 518. Смотри §§ 282 и 283. (Положенія о управленіи вторымъ Округомъ).

§ 519. Начальникъ Округа отвѣтствуетъ за содержаніе въ порядкѣ существующихъ нынѣ построеній на четырехъ каналахъ, составляющихъ систему озера Саймы, и обязанъ исполнять изданныя на сей предметъ постановленія.

§ 520. Онъ приложитъ особенное попеченіе къ тому, чтобы составить подробныя и основательныя изысканія относительно внутреннихъ водяныхъ сообщеній *по всей вообще Финляндіи*, и преподать всю нужную теорію къ улучшенію и распространенію оныхъ, вникая во всѣ дѣйствія и обязанности Коммисіи, учрежденной тамъ отъ штатовъ *провинціи*.

§ 521. По сему онъ долженъ обратить главнѣйшее вниманіе на сіи изысканія, располагая оныя по положенію мѣстъ благоразумными распоряженіями. Въ семъ отношеніи Начальникъ Округа обязанъ въ теченіи первыхъ лѣтъ быть во всегдашнихъ разъѣздахъ, дабы управлять физическими изслѣдованіями и гидротехническими работами, снятіемъ плановъ и проч.

§§ 522—537. (Смотри главы XI §§ 220—235 Положенія о управленіи первымъ Округомъ).

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Сенату, 26 Марта, распубликованнымъ 26 Апрѣля 1836 г. (Полн. Собр. Зак. 1836 г.

№ 9030),—о преобразованіи нѣкоторыхъ изъ подвѣдомственныхъ Главному Управленію Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій мѣстъ и особыхъ учрежденій по губерніямъ—между прочимъ опредѣлено: «Изъ числа существующихъ нынѣ девяти Округовъ Путей Сообщенія, упразднить VIII, заключающій въ себѣ Великое Княжество Финляндское, по незначительности тамъ искусственныхъ водяныхъ путей, остальные затѣмъ восемь округовъ соединить въ пять».

№ 41.

Въ дѣлѣ Государственнаго Совѣта, Комитета Предсѣдателей, бывшаго въ 1810 и 1811 годахъ, о соединеніи Старой и Новой Финляндіи подъ одно именованіе и одинъ образъ управленія.

(Архивъ Государственнаго Совѣта, журн. № 15 по архиву № 35, 1811 года).

1) Въ Запискѣ о соединеніи обѣихъ Финляндій (№ 4) значится:

Въ семъ затруднительномъ положеніи всѣхъ мѣръ, кои доселѣ были пріемлемы къ образованію сей губерніи, присоединеніе Новой Финляндіи къ Россіи представляетъ средство самое удобное и простое. Въ самомъ дѣлѣ, если опытомъ довнано, что управленіе Новой Финляндіи основано на началахъ положенію сего края, выгодамъ его земледѣлія, пользамъ его обывателей и привязанности ихъ къ Россіи наиболѣе сообразнымъ; если опытомъ довнано, что старая Финляндія единымъ уклоненіемъ отъ сихъ началъ постепенно низведена была въ настоящее ея состояніе, *если наконецъ обѣ сіи провинціи нынѣ равно принадлежатъ къ Имперіи, къ той-же и единой покорены верховной власти:* то не можетъ быть никакого основанія различать ихъ ни въ имени, ни въ жребіи, ни въ образѣ управленія, *и подобно тому, какъ изъ двухъ прежнихъ разновременныхъ завоеваній составилась одна губернія, нынѣ должно изъ трехъ составить одну провинцію.*

Выгода сего соединенія состоитъ въ слѣдующемъ:

I. Образованіе Финляндской губерніи, коимъ Правительство съ 1765 года безъ успѣха занималось, само собою симъ соединеніемъ совершится. Губернія сія, ставъ наравнѣ съ прочими губер-

ніями Финляндскими, нечувствительно воспріиметъ тотъ же самый образъ управленія, коимъ они ко благу ихъ обывателей пользуются.

II. Право земской собственности, нынѣ въ Финляндской губерніи толико слабое и неизвѣстное, утвердится само собою на общихъ основаніяхъ гражданскаго закона, коимъ управляется Финляндія; жалобы, пререканія и поводы къ безпокойству исчезнутъ.

III. Въ теченіе краткаго времени подъ общимъ и свойственнымъ сему краю управленіемъ, положеніе сей губерніи безъ сомнѣнія исправится. Бѣдность хижины, упадокъ земледѣлія и нравовъ не будутъ уже представляться въ преддверіи самой столицы въ укоризну закону и управленію.

IV. *Различіе между старою и новою Финляндіею исчезнетъ. Страна сія составитъ одно нераздѣльное цѣлое, Имперіи принадлежащее.* Симъ союзъ ея еще болѣе утвердится.

Два возраженія могутъ быть здѣсь сдѣланы.

Первое. Съ присоединеніемъ старой Финляндіи, число рекрутъ, съ нее поступающихъ, сложится на другія губерніи.—На сіе примѣтить можно, что въ Финляндіи вообще положено возстановить со временемъ Милицію.

Второе. Уменьшатся казенные доходы.—Доходы сіи за содержаніемъ правительственныхъ и судныхъ мѣстъ весьма неважны. *Вообще о Финляндскихъ доходахъ сдѣлано постановленіе, чтобъ остатки ихъ причисляемы были къ Казначейству Имперіи.*

На сихъ основаніяхъ составленъ проектъ Манифеста, при семъ прилагаемый.

2) Въ Черновомъ журналѣ Собранія Предсѣдателей Государственнаго Совѣта отъ 28 Ноября 1811 г. указывается:

Въ Собраніи Предсѣдателей Государственнаго Совѣта по Высочайшему повелѣнію разсматривался проектъ Манифеста о соединеніи Старой и Новой Финляндіи подъ одно именованіе и одинъ образъ управленія.—Собраніе Предсѣдателей признало проектъ сей настоящему положенію *сихъ провинцій* сообразнымъ.

3) Въ примѣчаніи на проектъ Манифеста о началахъ управленія Выборгскою губерніею Сперанскаго обозначено:

1) *Въ введеніи слово incorporé à Notre Empire лишнее. Оно можетъ подать поводъ къ толкованіямъ и, хотя въ существѣ своемъ оно и справедливо, но безъ нужды нѣтъ причины о семъ упоминать.*

№ 42.

Высочайшее Объявленіе и Постановленіе 5 (17) Ноября 1811 г.—объ учрежденіи таможенной черты между Выборгомъ и Кексгольмомъ и о ввозѣ финляндскихъ продуктовъ въ прочія губерніи Россійской Имперіи.

(Сборн. Постан. Вел. Кн. Финл. на швед. яз., т. I стр. 163—164).

По оказавшимся особеннымъ причинамъ и обстоятельствамъ Мы Высочайше рѣшили установить таможенную охранную черту между Выборгомъ и Кексгольмомъ съ цѣлью предупрежденія ввоза иностранныхъ товаровъ *изъ Великаго Княжества Финляндскаго въ прочія губерніи Нашей Имперіи* (till de öfrige Gouvernementen af Wårt Kejsaredöme), и въ виду сего Мы повелѣли Министру Финансовъ, по соглашенію съ Нашимъ Генералъ-Губернаторомъ въ Финляндіи, опредѣлить тѣ предметы и товары финляндскаго производства, которые безъ взноса пошлинъ могутъ быть ввозимы *оттуда въ Наши прочія провинціи* (till Wåre öfrige Provincer), и дать о семъ надлежащія предписанія таможеннымъ чиновникамъ, а также и въ прочемъ тщательно наблюдать какъ за тѣмъ, чтобы, съ одной стороны, ввозъ иностранныхъ товаровъ чрезъ учрежденіе сей таможенной охраны былъ предупрежденъ, такъ и за тѣмъ, чтобы, съ другой стороны, торговое движеніе *внутри государства* (inrikes) сдѣлалось свободнымъ и безпрепятственнымъ; почему Мы и симъ Высочайше объявляемъ, что назначеніе вышеупомянутой таможенной охраны состоитъ не въ томъ, чтобы въ какой-либо мѣрѣ ограничивать ввозъ и распространеніе собственныхъ продуктовъ Финляндіи, но, напротивъ, въ томъ, чтобы благопріятствовать симъ свободнымъ сношеніямъ, и на семъ основаніи Мы также Высочайше повелѣли какъ Нашему Министру Финансовъ, такъ и Генералъ-Губернатору всевозможнымъ образомъ оберегать таковыя сношенія, такъ какъ помянутая таможенная охрана учреждена лишь для предупрежденія многихъ вредныхъ предпріятій, замѣченныхъ *не со стороны Финляндіи, а со стороны остальной Россіи* (ifrån det öfrige af Ryssland); и сія таможенная черта будетъ находиться лишь временно и упразднена будетъ по введеніи въ Финляндіи въ дѣйствіе соста-

вленнаго Нашимъ Правительствующимъ Совѣтомъ и нынѣ на разсмотрѣніи находящагося Торговаго Постановленія. Посему Мы, Высочайше одобривъ составленные Министромъ Финансовъ и прилагаемые къ сему Нашему Объявленію перечни финляндскихъ товаровъ, дозволенныхъ къ ввозу *изъ Финляндіи въ прочія русскія провинціи* (till de öfrige Ryske Provincerne), вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше постановляемъ:

1) Что товары, включенные въ перечень № 1, могутъ быть ввозимы безпрепятственно и безпошлинно *изъ Великаго Княжества Финляндскаго въ прочія губерніи Нашей Имперіи* (ifrån Storfurstendömet Finland till de öfrige Gouvernementerne af Wårt Kejsaredöme), но должны быть снабжены такимъ цертификатомъ или свидѣтельствомъ, какъ показываетъ прилагаемая при семъ форма № 3, для удостовѣренія въ томъ, что они дѣйствительно финляндскія произведенія и изготовлены въ Финляндіи; товары сіи дозволяется препровождать лишь чрезъ Выборгскую таможню, прочія же дороги и таможни для нихъ должны считаться закрытыми.

2) Что, напротивъ того, товары, внесенные въ перечень № 2, могутъ быть ввозимы безъ подобнаго свидѣтельства.

3) Что всякій ввозъ иностранныхъ товаровъ изъ Финляндіи въ Россію въ силу сего совершенно воспрещается.

№ 43.

Высочайшій Рескриптъ 6 Сентября 1812 г. на имя и. д. финляндскаго Генералъ-Губернатора, графа Армфельда.

(Выдержка).

Согласясь въ 1 день прошедшаго Августа на устроеніе воинства въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ сдѣланными на сей предметъ добровольными пожертвованіями тамошнихъ жителей, признали Мы нужнымъ въ разсужденіи составленія и устроенія сего войска постановить слѣдующее.

2) Какъ цѣлью составленія сего войска главнѣйшее есть защищеніе того края, то посему и не будетъ войско сіе употреблено въ войнѣ иначе, какъ на случай нападенія непріятеля *на Финляндію или на другія владѣнія Россійской Имперіи* по берегамъ Балтійскаго моря.

Высочайшій Рескриптъ 5 Марта 1822 г. на имя финляндскаго Генералъ-Губернатора, графа Штейнгеля.

(Выдержка).

Снисходя на прошеніе Финляндскихъ войскъ, изъявившихъ похвальное желаніе быть употребленными не только на защиту отечественнаго ихъ края и владѣній Россійской Имперіи по берегамъ Балтійскаго моря, но раздѣлять съ войсками Россійскими честь и славу военныхъ подвиговъ вездѣ, гдѣ представится къ тому случай, повелѣваю отмѣнить вторую статью рескрипта, даннаго Мною Генералу отъ Инфантеріи Графу Армфельду 6-го Сентября 1812 года.

№ 44.

Высочайшее Постановленіе 19 Іюня 1816 года—о торговлѣ и таможенныхъ сборахъ въ Финляндіи.

(Выдержка).

(Сборн. Постан. Вел. Кн. Финл. на шведск. яз., т. II, стр. 200).

. . . Въ виду сего учрежденная между Финляндіей и Россіей таможенная черта сохраняется и на будущее время, при тщательнѣйшемъ однако наблюденіи за тѣмъ, чтобы водяное и сухопутное сообщеніе по ввозу русскихъ товаровъ въ Финляндію и *финляндскихъ продуктовъ въ Наши прочія провинціи* (till Wåre öfrige Provincer) было впредь, какъ и до сихъ поръ, свободно и безпрепятственно, согласно съ изданными о томъ ранѣе постановленіями.

№ 45.

Высочайшее Постановленіе 20 Іюня 1816 года—о продажѣ водки въ финляндскихъ крѣпостяхъ и о распространеніи на Выборгскую губернію воспрещенія ввозить водку въ Финляндію.

(Выдержка).

(Сборн. Постан. Вел. Кн. Финл. на шведск. яз., т. II, стр. 253).

. . . Въ связи съ симъ Мы также соизволили распространить и на Выборгскую губернію Наше изданное 6 (18) сентября

1811 г. Высочайшее воспрещеніе ввозить водку въ Финляндію, и повелѣли Нашему Сенату и Генералъ-Губернатору тщательно и строго наблюдать за тѣмъ, чтобы *въ Финляндію изъ прочихъ провинцій Россійскаго государства* (från de öfrige Provincerne i Ryska Riket till Finland) не ввозилась водка въ большемъ количествѣ, чѣмъ то, какое требуется для расположенныхъ въ Финляндіи морскихъ экипажей.

№ 46.

Высочайшее Объявленіе 5 Октября 1816 года—о почтовомъ вѣдомствѣ въ Финляндіи.

(Выдержка).

(Сборн. Постан. Вел. Кн. Финл. на шведск. яз., т. II, стр. 269).

Такъ какъ, въ виду связи финляндскаго почтоваго вѣдомства съ русскимъ, сохраненіе въ финляндскихъ почтовыхъ конторахъ иного способа взвѣшиванія, чѣмъ тотъ, какой употребляется *въ остальномъ государствѣ* (i det öfriga Riket), производило бы безпорядокъ и потерю времени для завѣдующихъ почтовыми конторами при отчетности и контролѣ приходящихъ изъ Россіи и отправляемыхъ туда писемъ, вѣсъ которыхъ въ таковомъ случаѣ приходилось бы исчислять и обозначать двумя различными способами, то Мы Высочайше постановляемъ, что почтовый вѣсовой сборъ съ писемъ, отправляемыхъ изъ финляндскихъ почтовыхъ конторъ, впредь долженъ быть вычисляемъ *по принятому вообще въ Русскомъ государствѣ вѣсу* (efter den i Ryska Riket allmänneligen antagne vigt), который нынѣ утверждается также и для финляндскихъ почтовыхъ конторъ.

№ 47.

Высочайшее Постановленіе 13 (25) Марта 1819 года—о увольненіи финляндскихъ уроженцевъ рабочаго и прочихъ званій въ Россійскія губерніи.

(Выдержка).

До свѣдѣнія Нашего дошло, что въ теченіе прошедшихъ лѣтъ значительное число *финляндскихъ обывателей* изъ класса

рабочаго народа и слугъ, переселившись *изъ Финляндіи въ другія области Имперіи Нашей*, долгое время оставались въ оныхъ, и что для опредѣленія права ихъ на таковое переселеніе не существовало доселѣ другого руководства, кромѣ правилъ, содержащихся въ изданныхъ до присоединенія Финляндіи къ Всероссійской Имперіи постановленіяхъ, о вступленіи въ годичное услуженіе и о наймѣ рабочихъ *внутри Государства*.

№ 48.

Высочайшій Манифестъ Императора Александра I отъ 16 Августа 1823 г.—о назначеніи Наслѣдникомъ Великаго Князя Николая Павловича.

(Выдержка).

(Въ 1825 г. Манифестъ этотъ обнародованъ и въ Финляндіи на русскомъ, шведскомъ и финскомъ языкахъ).

Послѣ сего Мы остаемся въ спокойномъ упованіи, что въ день, когда Царь Царствующихъ, по общему для земнородныхъ закону, воззоветъ Насъ отъ сего временнаго Царствія въ вѣчность, Государственныя сословія, которымъ настоящая непреложная воля Наша и сіе законное постановленіе Наше въ надлежащее время по распоряженію Нашему должно быть извѣстно, немедленно принесутъ вѣрноподданническую преданность свою назначенному Нами наслѣдственному Императору *единаго нераздѣльнаго Престола* Всероссійскія Имперіи, Царства Польскаго и Княжества Финляндскаго.

№ 49.

Высочайшій Манифестъ 17 Марта 1826 г.—объ упраздненіи Коммисіи Финляндскихъ Дѣлъ въ С.-Петербургѣ и объ учрежденіи Статсъ-Секретаріата Великаго Княжества Финляндіи.

(Выдержка).

(Plac., V, стр. 85).

Отд. II, § 14. *По предмету всѣхъ состоявшихся или послѣдующихъ въ Имперіи общихъ распоряженій и постановленій, кои могутъ*

относиться и до Великаго Княжества Финляндскаго, Статсъ-Секретарь сносится съ состоящими въ Имперіи Министерствами и Правительственными мѣстами, кои напротивъ того имѣютъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся до исполненія дѣйствующихъ въ Финляндіи Постановленій и предписаній или поданія законнаго содѣйствія по встрѣчающимся въ томъ краю случаямъ, сноситься съ Финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ.

№ 50.

Высочайшее постановленіе 2 (14) Октября 1829 г.—о цензурѣ и книжной торговлѣ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.

(Выдержка).

(Сбор. Пост. Финл. 1829 г., № 82).

Объявляемъ чрезъ сіе: что Мы, желая привесть узаконенія, дѣйствующія нынѣ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, по части цензуры и книжной торговлѣ, въ надлежащую согласность съ постановленіями, изданными въ семъ же отношеніи *для прочихъ частей Имперіи Нашей*, и дабы чрезъ то отвратить неудобства, могущія произойти отъ противодѣйствія разнообразныхъ учрежденій *по предмету, въ существѣ своемъ одинаковому для всѣхъ частей Государства*, признали за благо по предварительномъ истребованіи отзыва Нашего Финляндскаго Сената, повелѣть . .

№ 51.

Всеподданнѣйшій докладъ графа Блудова 1 Февраля 1851 г. № 10—объ Основныхъ Законахъ Великаго Княжества Финляндскаго.

(Архивъ Государственнаго Совѣта, всеподданнѣйшіе доклады по Второму Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, т. XI, 1851—1852 г.г., стр. 4041).

Тайный Совѣтникъ Валленъ испрашиваетъ разрѣшенія, не слѣдуетъ ли изъ составляемаго Свода Финляндскихъ Законовъ исключить главу, которой имъ дано наименованіе Законовъ Основныхъ.

Сообразивъ сей вопросъ съ прежними предположеніями моими по составленію сего Свода, я нахожу, что еще въ 1842 году Вашему Императорскому Величеству благоугодно было удостоить Высочайшаго одобренія мысль мою объ исключеніи означенной Главы изъ Свода. Сообщенный мнѣ въ то время Тайнымъ Совѣтникомъ Валленомъ въ переводѣ проектъ оной доказываетъ, что неудобно и даже нѣтъ возможности составить изъ сего отдѣльную часть Свода Законовъ. Въ его проектѣ всего 34 статьи; но если, какъ необходимо, исключить изъ него всѣ тѣ постановленія, которыя не слѣдовало помѣщать въ оный, каковы суть, напримѣръ, статьи о наслѣдіи Престола, о вѣроисповѣданіи Царствующаго Лица, ни по удобству, ни по приличію не принадлежащія къ мѣстнымъ законамъ Финляндіи, или же объ устройствѣ Сената и другихъ судебныхъ мѣстъ и Властей, что должно быть отнесено къ *учрежденіямъ*, или наконецъ о присвоенныхъ разнымъ классамъ жителей правахъ, опредѣляемыхъ въ своемъ мѣстѣ и именно въ законахъ о состояніяхъ, то останется едва ли *три* или *четыре* постановленія уже съ достаточною сообразно съ достоинствомъ и прямодушіемъ Великаго Монарха полнотою и ясностію изображенныя въ самомъ актѣ присоединенія Великаго Княжества Финляндскаго къ Россіи и которыя, если Вашему Императорскому Величеству будетъ угодно на сіе соизволить, могутъ быть повторены тѣми жъ словами въ Высочайшемъ, при окончательномъ утвержденіи и изданіи Свода манифестѣ. Сей манифестъ, будучи помѣщенъ въ самомъ началѣ Свода, совершенно замѣнитъ, такъ называемые, Основные Законы.

Докладывана Его Императорскому Величеству въ С.-Петербургѣ 1 Февраля 1851 г. Всѣ означенныя въ сей всеподданнѣйшей докладной запискѣ предположенія удостоены Высочайшаго одобренія. Государю Императору однако-жъ (угодно), чтобы въ экземплярѣ составленнаго въ 1842 году означенія предметовъ, долженствующихъ войти въ Сводъ Законовъ, Учрежденій и Уставовъ Великаго Княжества Финляндскаго, который будетъ сообщенъ Г. Тайному Совѣтнику Валлену, *не упоминалось о Высочайшемъ Манифестѣ касательно обнародованія сего Свода, ибо сіе должно зависѣть отъ усмотрѣнія Его Величества при самомъ изданіи Свода въ свѣтъ.*

№ 52.

Рескриптъ Гофгерихтамъ и проч. 1-го Марта 1852 года— о томъ, что слѣдуетъ соблюдать при опредѣленіи русскихъ уроженцевъ на финляндскую гражданскую службу.

(Сборникъ рескриптовъ на шведск. яз., т. VI, стр. 6).

Мы, Николай Первый и проч.

По встрѣтившемуся поводу Мы Высочайше признали за благо постановить относительно опредѣленія русскихъ уроженцевъ на должности гражданскихъ чиновниковъ въ Финляндіи, что къ поступленію на финляндскую гражданскую службу впредь слѣдуетъ допускать лишь *тѣхъ изъ* Нашихъ *подданныхъ, приписанныхъ въ русскихъ губерніяхъ*, которые имѣютъ право на вступленіе въ гражданскую службу на основаніи законовъ, дѣйствующихъ вообще въ Имперіи въ семъ отношеніи.

№ 53.

Высочайшій Его Императорскаго Величества Рескриптъ Генералъ-Губернатору Финляндіи 14 (26) Мая 1867 г.— по поводу переданнаго собраннымъ въ 1867 г. земскимъ чинамъ Финляндіи предложенія Его Величества о свободѣ печати и объ условіяхъ пользованія ею.

(Сбор. Пост. Финл. 1867 г. № 16).

Вслѣдствіе возникшаго недоразумѣнія по поводу несоотвѣтственнаго толкованія обстоятельства о передачѣ земскимъ чинамъ Высочайшаго предложенія о свободѣ печати, безъ предварительнаго обсужденія онаго въ Финляндскомъ Сенатѣ, Мы Высочайше повелѣваемъ Нашему Финляндскому Сенату, на точномъ основаніи указанныхъ ему законами правъ и обязанностей, объявить въ всеобщее свѣдѣніе:

1) что *Финляндскій Сенатъ до сихъ поръ никакимъ закономъ никогда не былъ облеченъ значеніемъ и правами существовавшаго до 1789 г. шведскаго Государственнаго Совѣта*, и слѣдовательно не могъ и не долженъ былъ безъ особаго на то указанія быть признаваемъ непремѣннымъ учрежденіемъ (какъ до 1789 г. Госу-

дарственный Совѣтъ), для обсужденія въ общемъ собраніи передаваемыхъ Государемъ Сейму предложеній и

2) что переданное нынѣшнему Сейму предложеніе о свободѣ печати было по особому Высочайшему повелѣнію, предварительно Нашего утвержденія, обсуждено въ особомъ Совѣтѣ, созванномъ по личному Нашему выбору изъ 10 главнѣйшихъ чиновъ Великаго Княжества, въ томъ числѣ Предсѣдатель, Вице-Предсѣдатель и пять членовъ Сената, Министръ Статсъ-Секретарь, его Товарищъ и Предсѣдатель Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

№ 54.

Высочайшій Его Императорскаго Величества Рескриптъ Земскимъ Сословіямъ Великаго Княжества Финляндскаго 15 (27) Марта 1872 г. по всеподданнѣйшей петиціи ихъ объ изданіи закона о печати въ Финляндіи.

Намъ доложена была всеподданнѣйшая петиція ваша объ изданіи по взаимному Нашему съ Земскими Сословіями соглашенію закона о печати въ Финляндіи; но какъ мѣропріятія по сему предмету въ Великомъ Княжествѣ по законамъ края зависятъ исключительно только отъ единой Нашей власти, и Мы не имѣемъ намѣренія уступать ни одного изъ присвоенныхъ Намъ законами правъ; при томъ не усматриваемъ повода измѣнить существующее нынѣ постановленіе о печати въ Финляндіи *тѣмъ менѣе, что подобныя же основанія указаны Нами для печати въ прочихъ частяхъ Нашего Государства*, то Мы на помянутую петицію Монаршаго соизволенія не изъявляемъ.

Напоминаемъ при этомъ Земскимъ Сословіямъ, что ежели Мы признали возможнымъ обезпечить послѣдовательность политической дѣятельности народныхъ представителей Финляндіи дарованіемъ періодическихъ собраній и права подавать на Наше воззрѣніе петиціи на основаніи утвержденнаго Нами Сеймоваго Устава, то этимъ вящшимъ знакомъ Монаршаго довѣрія, какъ и изъяснено въ помянутомъ уставѣ, ни въ чемъ не измѣняется единственно Намъ принадлежащее право иниціативы по вопросамъ, касающимся основныхъ законовъ края, а потому и время и способъ возбужденія такихъ вопросовъ зависятъ исключительно отъ Нашего благоусмотрѣнія.

№ 55.

Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ 22 Ноября (4 Декабря) 1872 г., по поводу всеподданнѣйшаго отзыва Земскихъ Чиновъ Великаго Княжества Финляндскаго на сообщенное имъ Высочайшее Его Императорскаго Величества предложеніе касательно гербоваго сбора.

По всеподданнѣйшемъ докладѣ Намъ отзыва Земскихъ Чиновъ минувшаго Сейма, на сообщенное имъ Наше предложеніе касательно гербоваго сбора въ Великомъ Княжествѣ, Мы, по поводу условія, сдѣланнаго Земскими Чинами при принятіи означеннаго сбора, признаемъ за благо симъ Высочайше объявить, что, за состоявшимся о семъ сборѣ на Сеймѣ 1809 г. безусловнымъ *заключеніемъ* Земскихъ Чиновъ, основаннымъ на установившемся въ прежнее время обычаѣ, *Мы сохраняемъ за Собою право располагать гербовою пошлиною*, наравнѣ съ другими доходами статнаго вѣдомства, ко благу и пользѣ Великаго Княжества.

№ 56.

Высочайшій Манифестъ 1 (13) Марта 1881 г. о вступленіи на Престолъ Государя Императора Александра III.

. . . Смиряясь предъ таинственными велѣніями Божественнаго Промысла и вознося ко Всевышнему мольбы объ упокоеніи чистой души усопшаго Родителя Нашего, Мы вступаемъ на *Прародительскій Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго.*

(Въ Высочайшемъ Манифестѣ 14 (26) Марта 1881 г. о назначеніи Правителемъ Государства Великаго Князя Владиміра Александровича говорится также только о единомъ *Престолѣ Всероссійскомъ* и нѣтъ упоминанія о какомъ либо особомъ «*престолѣ Великаго Княжества Финляндскаго*».—См. Сборн. Постан. Велик. Княж. Финляндскаго за 1881 г., № 7, стр. 4).

№ 57.

Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ 1 (13) Декабря 1890 г. о пріостановленіи приведенія въ дѣйствіе уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго отъ 19 Декабря 1889 г. и дополнительныхъ къ сему уложенію узаконеній отъ того же числа и о передачѣ Земскимъ Чинамъ Финляндіи предстоящаго сейма Высочайшаго предложенія объ измѣненіи означенныхъ, вновь изданныхъ уголовныхъ узаконеній.

(Сборн. Пост. Финл. 1890 г. № 27, стр. 1).

Божіею Милостію

Мы, Александръ Третій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и проч., и проч., и проч. Объявляемъ чрезъ сіе: Въ видахъ устраненія неудобствъ и затрудненій, кои обусловливаются предстоящимъ $\frac{\text{20 Декабря 1890 г.}}{\text{1 Января 1891 г.}}$ приведеніемъ въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго и дополнительныхъ къ сему уложенію узаконеній, Мы возложили на Министра Юстиціи и Главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ войти въ сношеніе съ Генералъ-Губернаторомъ и Министромъ Статсъ-Секретаремъ Финляндіи относительно опредѣленія мѣръ, которыя надлежало бы принять для достиженія означенной цѣли.

Нынѣ, одобривъ заключеніе, выработанное по сему предмету въ особомъ совѣщаніи изъ упомянутыхъ выше лицъ, Мы признали за благо повелѣть:

1) Объ измѣненіи вновь изданныхъ для Финляндіи уголовныхъ узаконеній, въ чемъ сіе вызывается необходимостью, предложить Земскимъ Чинамъ созваннаго къ 8/20 Января 1891 г. сейма.

2) Приведеніе въ дѣйствіе сихъ узаконеній пріостановить, впредь до утвержденія Нами представленія Земскихъ Чиновъ по указанному въ предшедшемъ пунктѣ предложенію.

3) Постановленія дѣйствующихъ законоположеній, касающіяся производства дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ, совершае-

мымъ въ Имперіи жителями Великаго Княжества и въ семъ краѣ жителями Имперіи, сохранить въ силѣ и по введеніи въ ономъ новаго уголовнаго уложенія, съ тѣмъ, чтобы присутственныя мѣста и должностныя лица Финляндіи при постановленіи и исполненіи приговоровъ о жителяхъ Имперіи принимали въ соображеніе права и преимущества, коими обвиняемые пользуются по законамъ Имперіи.

Для вящшаго же удостовѣренія подписали Мы сіе Собственноручно.

№ 58.

Высочайшій Рескриптъ Генералъ-Губернатору Финляндіи 28 Февраля 1891 г.,—по поводу рѣчей ландмаршала и тальмановъ при открытіи Сейма 1891 года.

(Собр. Пост. Финл. 1891 г. № 13 с. 1).

При открытіи вами, по Моему повелѣнію, $^{8}/_{20}$ Января сего года сейма Земскихъ Чиновъ Финляндіи, ландмаршалъ и тальманы сословій, повергая Мнѣ чувства вѣрноподданнической преданности, почли при этомъ своимъ долгомъ довести до Моего свѣдѣнія о тревожномъ настроеніи въ краѣ, вызванномъ нѣкоторыми мѣропріятіями, предначертанными Мною въ цѣляхъ достиженія болѣе тѣснаго единенія Великаго Княжества съ прочими частями Россійской Державы.

Непрестанныя попеченія Мои о благосостояніи и внутреннемъ развитіи Финляндіи и многочисленныя доказательства Моего благоволенія и довѣрія къ ея населенію не оправдываютъ подобнаго настроенія въ краѣ.

Только невѣрное истолкованіе тѣхъ началъ, на коихъ зиждутся отношенія Великаго Княжества къ Имперіи и къ Верховной Власти, и распространеніе сихъ заблужденій среди населенія, во вредъ истиннымъ его интересамъ, могли породить такое прискорбное явленіе.

Финляндскій край, состоя съ начала нынѣшняго столѣтія, а въ нѣкоторой его части и ранѣе, въ собственности и Державномъ

обладаніи Имперіи Россійской, получилъ по волѣ блаженныя памяти Императора Александра I особый порядокъ внутренняго управленія и Всемилостивѣйшее удостовѣреніе о сохраненіи за нимъ его правъ, преимуществъ, религіи и коренныхъ законовъ. Таковое удостовѣреніе подтверждаемо было и Его Державными Преемниками.

Сіи права и преимущества, особое церковное устройство и законы края не только сохраняютъ понынѣ свое дѣйствіе, но и получили во многихъ частяхъ своихъ дальнѣйшее развитіе, въ соотвѣтствіе потребностямъ населенія Финляндіи. Такимъ образомъ судьба Великаго Княжества подъ Скипетромъ Россійскимъ доказала, что единеніе его съ Россіею не препятствовало свободному развитію мѣстныхъ его учрежденій, а достигнутое Финляндіею благосостояніе непреложно свидѣтельствуетъ о соотвѣтствіи такого единенія собственнымъ ея выгодамъ. Тѣмъ не менѣе несогласованность нѣкоторыхъ постановленій Финляндіи съ общими государственными узаконеніями и недостаточная опредѣлительность законоположеній, касающихся отношеній Великаго Княжества къ Имперіи, подаютъ къ сожалѣнію поводъ къ превратному пониманію дѣйствительнаго значенія мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ достиженія цѣлей, общихъ всѣмъ частямъ Государства Россійскаго. Я надѣюсь однако, что благоразуміе финскаго народа разсѣетъ это заблужденіе, а правильное пониманіе собственныхъ выгодъ побудитъ его стремиться къ вящшему скрѣпленію узъ, связывающихъ Финляндію съ Россіею.

Поручаю Вамъ передать отъ Моего Имени Моимъ вѣрноподданнымъ въ Финляндіи, что Я расположенъ относиться съ прежними благоволеніемъ, заботами и довѣріемъ къ финскому народу, неизмѣнно охраняя дарованныя ему Россійскими Монархами права и преимущества и что въ намѣренія Мои не входитъ измѣнять начала дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія.

Я вѣрю выраженнымъ чрезъ ландмаршала и тальмановъ сейма вѣрноподданническимъ чувствамъ ко Мнѣ всѣхъ сословій края, сердечно благодарю за нихъ и въ правѣ ожидать отъ преданности Мнѣ населенія Финляндіи единодушнаго содѣйствія къ осуществленію Моихъ предначертаній, клонящихся къ укрѣпленію государственной связи Великаго Княжества съ Имперіею.

№ 59.

Проектъ основныхъ положеній для выработки проекта Высочайшаго предложенія Земскимъ Чинамъ Финляндіи по дѣлу объ изданіи законовъ общихъ для всей Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, одобренный Финляндскими Членами Особаго Совѣщанія для разсмотрѣнія всеподданнѣйшей записки Финляндскаго Генералъ-Губернатора по дѣлу о кодификаціи основныхъ законовъ Великаго Княжества Финляндскаго подъ предсѣдательствомъ Н. Х. Бунге (1891—1893 г.г.): баронома фонъ-Альфтаномъ, фонъ-Деномъ, Прокопе и Прокуроромъ Финляндскаго Сената Калоніусомъ.

(Выдержка).

VIII. По обозначеннымъ въ статьѣ 1 предметамъ общій *для всей Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго* законъ можетъ, если свойство дѣла того требуетъ, ограничиться установленіемъ лишь главныхъ руководящихъ началъ, съ тѣмъ, чтобы подробныя по дѣлу правила были опредѣлены въ особыхъ постановленіяхъ по Финляндіи и по другимъ частямъ Имперіи.

№ 60.

Протоколъ, веденный при открытіи десятаго общаго Сейма Великаго Княжества Финляндскаго, въ тронной залѣ Императорскаго Дворца въ Гельсингфорсѣ, 26 Января 1894 года.

(Выдержка).

(Сбор. Пост. Финл. 1894 г. № 13 с. 1).

Генералъ-Губернаторъ, занявъ мѣсто у ступеней трона, прочелъ Собственноручно Его Императорскимъ Величествомъ и Великимъ Княземъ подписанную рѣчь на русскомъ языкѣ къ Земскимъ Чинамъ, слѣдующаго содержанія:

«Представители финскаго народа».

Въ непрестанномъ попеченіи о всѣхъ вѣрныхъ Моихъ подданныхъ Я призналъ за благо созвать васъ нынѣ на предстоящій

сеймъ для обсужденія новыхъ важныхъ для благосостоянія края законодательныхъ мѣръ.

Въ числѣ оныхъ находится и законопроектъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ новомъ уголовномъ уложеніи, каковой законопроектъ вамъ будетъ переданъ *въ окончательной уже редакціи*.

№ 61.

Высочайшій Его Величества Государя Императора Николая Втораго Манифестъ 20 Октября (1 Ноября) 1894 г.— о вступленіи Его Императорскаго Величества на Прародительскій Его Величества Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго.

Божіею Милостію,

Мы, Николай Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая и прочая, и прочая. Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ: Богу Всемогущему угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ прервать драгоцѣнную жизнь горячо любимаго Родителя Нашего Государя Императора Александра Александровича. Тяжкая болѣзнь не уступила ни лѣченію, ни благодатному климату Крыма, и 20-го Октября Онъ скончался въ Ливадіи, окруженный Августѣйшей Семьей Своей, на рукахъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы и Нашихъ.

Горя Нашего не выразить словами, но его пойметъ каждое русское сердце, и Мы вѣримъ, что не будетъ мѣста въ обширномъ Государствѣ Нашемъ, гдѣ бы не пролились горячія слезы по Государю, безвременно отошедшему въ вѣчность и оставившему родную землю, которую Онъ любилъ всею силою Своей русской души и на благоденствіе которой Онъ полагалъ всѣ помыслы Свои, не щадя ни здоровья Своего, ни жизни. И не въ Россіи только, а далеко за ея предѣлами никогда не перестанутъ чтить память Царя, олицетворявшаго непоколебимую правду и миръ, ни разу не нарушенный во все Его Царствованіе.

Но да будетъ святая воля Всевышняго и да укрѣпитъ Насъ незыблемая вѣра въ премудрость Небеснаго Промысла, да утѣшитъ

Насъ сознаніе, что скорбь Наша—скорбь всего возлюбленнаго народа Нашего, и да не забудетъ онъ, что сила и крѣпость святой Руси—въ ея единеніи съ Нами и въ безпредѣльной Намъ преданности. Мы же, въ этотъ скорбный, но торжественный часъ вступленія Нашего на *Прародительскій Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго*, вспоминаемъ завѣты усопшаго Родителя Нашего и, проникшись ими, пріемлемъ священный обѣтъ передъ Лицомъ Всевышняго всегда имѣть единою цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи и устроеніе счастья всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ.

Всемогущій Богъ, Ему-же угодно было призвать Насъ къ сему великому служенію, да поможетъ Намъ. Возвнося горячія молитвы къ Престолу Вседержителя объ упокоеніи чистой души незабвеннаго Родителя Нашего, повелѣваемъ всѣмъ Нашимъ подданнымъ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Георгію Александровичу, Которому быть и титуловаться Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, доколѣ Богу угодно будетъ благословить рожденіемъ Сына предстоящій бракъ Нашъ съ Принцессою Алисою Гессенъ-Дармштадтскою.

№ 62.

«Финляндія. Обзоръ періодической печати. Январь—Февраль 1900 года».

Въ изданіи этомъ на стр. 61 значится: «Согласно Высочайшей резолюціи отъ 7 (19) Мая 1899 г., при представленіи въ будущемъ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, касающихся средствъ сообщенія, предпочтеніе должно отдаваться приведенію въ надлежащее во всѣхъ отношеніяхъ состояніе нынѣ существующихъ желѣзнодорожныхъ линій, и должна быть принята во вниманіе необходимость соединенія желѣзнодорожной сѣти въ Финляндіи съ таковою же въ Имперіи.

Эта Высочайшая воля была подтверждена Его Величествомъ при Высочайшемъ одобреніи, 12 Февраля 1900 года, проекта предложенія земскимъ чинамъ по коммуникаціонному фонду. При этомъ Государю Императору благоугодно было повелѣть: 1) чтобы

на будущее время предположенія Сената по расширенію желѣзнодорожной сѣти, за исключеніемъ подъѣздныхъ путей мѣстнаго значенія, были докладываемы Его Величеству вмѣстѣ съ заключеніями Министровъ Военнаго, Финансовъ и Путей Сообщенія, и, во 2-хъ, чтобы возможныя сбереженія въ коммуникаціонномъ фондѣ были обращаемы на упорядоченіе существующихъ желѣзныхъ дорогъ и ихъ подвижнаго состава, какъ было указано въ Высочайшей резолюціи 7 Мая 1899 года.

№ 63.

Высочайшее Постановленіе 15 (28) Мая 1909 г.—о церемоніалахъ открытія и закрытія Сеймовъ Финляндіи.

(Выдержки).

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему представленію Императорскаго Финляндскаго Сената, въ присутствіи Своемъ въ Царскомъ Селѣ 15 (28) Мая 1909 года Высочайше утвердить соизволилъ слѣдующіе церемоніалы къ руководству въ тѣхъ случаяхъ, когда Генералъ-Губернатору поручено открыть или закрыть Сеймъ Великаго Княжества Финляндскаго.

А. Церемоніалъ открытія перваго по производству новыхъ выборовъ Сейма и при закрытіи послѣдняго передъ новыми выборами Сейма.

I. Церемоніалъ открытія.

5. По окончаніи богослуженія Вице-Предсѣдатели, Члены и Прокуроръ Императорскаго Сената, Тальманъ и Вице-Тальманы Сейма, а также сеймовые депутаты и прочія лица, которыя имѣютъ присутствовать при церемоніи въ тронной залѣ, отправляются въ Императорскій Дворецъ. Помощникъ Генералъ-Губернатора, Вице-Предсѣдатели, Члены и Прокуроръ Императорскаго Сената, а равно Свита Генералъ-Губернатора собираются тамъ въ назначенныхъ для сего покояхъ. Тѣмъ временемъ въ тронной залѣ, въ одномъ концѣ которой поставленъ *Императорскій тронъ*, сеймовые депутаты, по указанію Церемоніймейстера, занимаютъ мѣста вдоль продольныхъ стѣнъ залы, по правую и лѣвую сторону Императорскаго трона. При этомъ Тальманъ Сейма становится

первымъ на правой сторонѣ, а Вице-Тальманы становятся возлѣ него. Прочія имѣющія право присутствовать лица занимаютъ назначенныя имъ мѣста.

II. Церемоніалъ закрытія.

4. По окончаніи богослуженія Вице-Предсѣдатели, Члены и Прокуроръ Императорскаго Сената, Тальманъ и Вице-Тальманы Сейма, а также сеймовые депутаты и прочія лица, которыя имѣютъ присутствовать при церемоніи въ тронной залѣ, отправляются въ Императорскій Дворецъ. Помощникъ Генералъ-Губернатора, Вице-Предсѣдатели, Члены и Прокуроръ Императорскаго Сената, а равно Свита Генералъ-Губернатора собираются тамъ въ назначенныхъ для сего покояхъ. Тѣмъ временемъ въ тронной залѣ, въ одномъ концѣ которой поставленъ *Императорскій тронъ*, сеймовые депутаты, по указанію Церемоніймейстера, занимаютъ мѣста вдоль продольныхъ стѣнъ залы, по правую и лѣвую сторону Императорскаго трона. При этомъ Тальманъ Сейма становится первымъ на правой сторонѣ, а Вице-Тальманы становятся возлѣ него. Прочія имѣющія право присутствовать лица занимаютъ назначенныя мѣста.

№ 64.

Высочайшій Рескриптъ Финляндскому Генералъ-Губернатору 24 Августа (6 Сентября) 1909 г.—о дѣлахъ, относящихся къ области административнаго законодательства, и о составленіи проекта Высочайшаго предложенія Сейму Финляндіи касательно измѣненія постановленій объ общинномъ самоуправленіи.

(Собр. Пост. Финл. 1909 г. № 52 с. 2).

При разсмотрѣніи нѣкоторыхъ представленныхъ на благовоззрѣніе Наше проектовъ и Высочайшихъ предложеній Финляндскому Сейму обратили Мы вниманіе на то, что нерѣдко въ составъ передаваемыхъ Сейму законопроектовъ включаются правила, относящіяся къ области административнаго законодательства, которое, составляя въ Финляндіи непосредственную прерогативу Верховной Императорской Власти, подлежитъ измѣненію и допол-

ненію единственно по Ея изволенію. Тѣмъ самымъ дается поводъ для неправильныхъ заключеній о послѣдовавшемъ, будто бы, согласіи Монарха на передачу въ сферу сеймоваго законодательства тѣхъ или иныхъ опредѣленій, ранѣе входившихъ въ составъ законодательства административнаго или экономическаго.

Не желая между тѣмъ ни въ малѣйшей степени поступаться принадлежащими Россійскимъ Государямъ правами по изданію административныхъ законовъ Финляндіи, Мы, по поводу усмотрѣннаго Нами подобнаго смѣшенія разнородныхъ постановленій въ выработанномъ Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ проектѣ Высочайшаго предложенія Сейму о почтовой гоньбѣ, Всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ объявить Нашему Финляндскому Сенату, чтобы, при составленіи имъ на будущее время проектовъ Высочайшихъ предложеній Сейму, тщательно соблюдалось правило о невключеніи въ составъ означенныхъ проектовъ опредѣленій, относящихся къ области административнаго законодательства, при чемъ неукоснительно имѣлось бы въ виду, что, допуская въ исключительныхъ случаяхъ внесеніе такихъ опредѣленій въ сеймовое законодательство, Мы тѣмъ не менѣе всегда удерживаемъ за Собою право считать ихъ нормами административными, измѣненіе коихъ зависитъ отъ единоличной власти Нашей.

Независимо отъ сего, при обозрѣніи вышеупомянутаго законопроекта о почтовой гоньбѣ, усмотрѣли Мы также, что, на основаніи дѣйствующихъ законовъ Финляндіи объ общинномъ самоуправленіи, проживающіе въ предѣлахъ общинъ или владѣющіе тамъ недвижимою собственностью Имперскіе уроженцы не состоятъ полноправными членами общинъ, хотя и несутъ одинаковыя съ ними обязанности. Признавая справедливымъ уравнять означенныхъ лицъ съ финляндскими гражданами во всѣхъ правахъ и преимуществахъ послѣднихъ по участію въ общинномъ (городскомъ и сельскомъ) самоуправленіи, поручаемъ вамъ предложить Императорскому Финляндскому Сенату незамедлительно выработать и представить на благовоззрѣніе Наше проектъ Высочайшаго предложенія Сейму о соотвѣтственномъ въ предуказанномъ Нами направленіи измѣненіи постановленій объ общинномъ (городскомъ и сельскомъ) самоуправленіи.

№ 65.

Высочайшій Манифестъ.

О производствѣ финляндскою казною государственному казначейству денежныхъ платежей, взамѣнъ отбыванія жителями Великаго Княжества Финляндскаго личной воинской повинности (Собр. Узак. 9 Октября 1909 г. № 199; Сб. Пост. Финл. № 56).

Божіею Милостію,

Мы, Николай Вторый,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Защита Престола и Государства составляетъ первѣйшую и священнѣйшую обязанность всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ. Установленіе сей обязанности и равномѣрное распредѣленіе тяготы ея между населеніемъ всего Государства являются вопросами общегосударственными и потому не могутъ быть окончательно разрѣшаемы въ порядкѣ мѣстнаго законодательства.

Подтверждая вслѣдствіе сего, что вопросъ объ исполненіи воинской повинности населеніемъ Финляндіи подлежитъ окончательному рѣшенію въ порядкѣ законодательства общегосударственнаго, признали Мы за благо временно, впредь до воспослѣдованія такового рѣшенія, не привлекать жителей Великаго Княжества Финляндскаго къ отбыванію личной воинской повинности и взамѣнъ ея возложить на финляндскую казну обязанность вносить въ государственное казначейство, подобно внесеннымъ уже ранѣе за силою Манифеста Нашего отъ $^{16}/_{29}$ Марта 1905 г., дальнѣйшіе ежегодные денежные платежи на военныя нужды, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

1. Платежи на военныя нужды опредѣляются на 1908 и 1909 гг.—по 10 милліоновъ марокъ, а на послѣдующіе годы—въ размѣрахъ, предуказанныхъ Нами въ особомъ предложеніи Нашемъ, сего числа Финляндскому Сейму даннымъ.

2. Источниками для производства платежей за 1908 и 1909 гг. служатъ доходы милиціоннаго фонда, пополняемые для сего сбереженіями статнаго фонда.

3. Такъ какъ, однако, отнесеніе дальнѣйшихъ, послѣ 1909 г., военныхъ платежей на статный фондъ могло бы повлечь за собою затрудненія въ покрытіи прочихъ необходимыхъ расходовъ, удовлетворяемыхъ изъ сего фонда, то платежи за 1910 и послѣдующіе годы имѣютъ быть покрываемы изъ доходовъ милиціоннаго фонда, пополняемыхъ для сего средствами, ассигнуемыми Сеймомъ Финляндіи, согласно основаніямъ, изъясненнымъ въ томъ же предложеніи Нашемъ.

4. Платежи на военныя нужды вносятся въ сроки, опредѣляемые по соглашенію Министра Финансовъ съ Финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ, однако, не позже послѣдней четверти каждаго года, причемъ двадцать милліоновъ марокъ за 1908 и 1909 гг. уплачиваются въ государственное казначейство въ теченіе послѣдней четверти сего года.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Въ Ливадіи.

24 Сентября / 7 Октября. 1909 года.

№ 66.

Высочайшій Манифестъ 14 (27) Марта 1910 года по поводу законопроекта о порядкѣ изданія касающихся Великаго Княжества Финляндскаго законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія.

Божіею Милостію,

Мы, Николай Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Утвердивъ Манифестомъ 20 Февраля 1906 года главныя основанія осуществленія Нами законодательной власти въ едине-

ніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою, Мы, съ тѣмъ вмѣстѣ, объявили, что о порядкѣ обсужденія законопроектовъ общихъ для Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго Нами въ свое время будутъ преподаны надлежащія указанія.

Во исполненіе сего, повелѣли Мы 28 Марта минувшаго 1909 года образовать для выработки новыхъ по указанному предмету правилъ особую коммисію изъ представителей Имперіи и Финляндіи въ равномъ числѣ. По обсужденіи въ Совѣтѣ Министровъ предположенныхъ коммисіею правилъ, составленъ законопроектъ о порядкѣ изданія законовъ общегосударственныхъ, который Мы признаемъ за благо подвергнуть окончательному разсмотрѣнію въ общемъ законодательномъ порядкѣ.

Оставляя въ силѣ существующія правила объ изданіи мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ Финляндскаго края относящихся, Мы нашли полезнымъ предоставить Сейму Финляндіи высказать свое заключеніе по содержанію упомянутаго законопроекта съ тѣмъ, чтобы заключеніе Сейма было внесено затѣмъ на обсужденіе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

Придавая настоящему дѣлу существенное значеніе въ устроеніи Державы Нашей, Мы твердо уповаемъ, что Государственная Дума и Государственный Совѣтъ исполнятъ упадающую на нихъ задачу, къ вящшему укрѣпленію единства и неразрывности Государства Россійскаго и ко благу всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ.

Вслѣдствіе сего повелѣваемъ:

1. Представленный Намъ Совѣтомъ Министровъ законопроектъ о порядкѣ изданія касающихся Великаго Княжества Финляндскаго законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія внести на разсмотрѣніе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

2. Предоставить Финляндскому Сейму сообщить свое заключеніе по содержанію сего законопроекта, подлежащее передачѣ на обсужденіе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

3. Назначить Сейму для сообщенія заключенія мѣсячный со дня полученія имъ упомянутаго законопроекта срокъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 14 день Марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ десятое, Царствованія же Нашего въ шестнадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

№ 67.

Высочайшій Манифестъ 6 Августа 1905 г. (П. С. З. 26656)—объ учрежденіи Государственной Думы.

(Выдержка).

. . . . О порядкѣ участія въ Государственной Думѣ выборныхъ отъ Великаго Княжества Финляндскаго по вопросамъ общихъ для Имперіи и сего края узаконеній будетъ Нами указано особо . . . .

Высочайшій Манифестъ 20 Февраля 1906 г. (П. С. З. 27423)—о измѣненіи учрежденія Государственнаго Совѣта и о пересмотрѣ учрежденія Государственной Думы.

(Выдержка).

. . . . . О порядкѣ обсужденія законопроектовъ, общихъ для Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго, Нами въ свое время будутъ преподаны надлежащія указанія. . . .

ОГЛАВЛЕНІЕ ПРИЛОЖЕНІЙ:

I. Къ нѣмецкому тексту.

стр.

№ 1. Высочайшій Манифестъ 5 (17) Іюня 1808 г.—о присоединеніи Вел. Кн. Финляндскаго къ Россіи 129

№ 2. Высочайшій Манифестъ 15 (27) Марта 1809 г. объ утвержденіи правъ Вел. Кн. Финляндіи 131

№ 3. Рѣчь Императора Александра I при открытіи Сейма 16 (28) Марта 1809 г. 132

№ 4. Высочайше утвержденный 22 Февраля 1809 г. Церемоніалъ принесенія присяги 133

№ 5. Высочайшая рѣчь послѣ принесенія присяги земскими чинами 17 (29) Марта 1809 г. 134

№ 6. Высочайшій Манифестъ 23 Марта (4 Апрѣля) 1809 г. . . . 135

№ 7. Рѣчь Императора Александра I при закрытіи Сейма 7 (19) Іюля 1809 г. 136

№ 8. Высочайшій Манифестъ 1 (13) Октября 1809 г.—о заключеніи мира между Россіей и Швеціей 138

№ 9. а) Вводная часть Высочайшаго Манифеста 28 Марта (9 Апрѣля) 1840 г.—о денежной системѣ въ Вел. Кн. Финляндскомъ . 141

б) Вводная часть Манифеста отъ того же числа о переложеніи оброчныхъ статей въ Вел. Кн. Финляндіи 142

№ 10. Реляція о строѣ Финляндіи 142

№ 11. Текстъ присяги шведскихъ Королей 143

№ 12. Высочайшій Манифестъ 15 (27) Марта 1810 г. (Выдержка) . 143

№ 13. Адресъ Императорскаго Финляндскаго Сената Императору Николаю I 18 (30) Декабря 1825 г. 144

№ 14. а) Рѣчь епископа Тенгстрема при открытіи Сейма 16 (28) Марта 1809 г. 145

Выдержка изъ рѣчи Петра Клокарса, оратора крестьянскаго сословія 147

стр.

б) Рѣчь епископа Тенгстрема при закрытіи Сейма 7 (19) Іюля 1809 г. (Выдержка) 147

№ 15. а) Въ русскомъ текстѣ Высочайшаго Манифеста 22 Августа (3 Сентября) 1826 г.—о помилованіи и прощеніи разныхъ учинившихъ преступленія и подпавшихъ взысканіямъ жителей Вел. Кн. Финляндіи 148

б) Точно также въ Высочайшемъ объявленіи 9 (21) Апрѣля 1826 г.—о ссылкѣ осужденныхъ къ смертной казни, но отъ оной помилованныхъ преступниковъ на публичную работу въ отдаленныя сибирскія губерніи 149

№ 16. Высочайшій Манифестъ 9 (21) Октября 1827 г.—о поставленіи верстовыхъ столбовъ по дорогамъ въ Финляндіи . . . 149

№ 17. Рѣчь Государя Императора Александра II къ земскимъ чинамъ Финляндіи при открытіи Сейма въ Гельсингфорсѣ 6 (18) Сентября 1863 г. (на французскомъ языкѣ, выдержка) 150

№ 18. а) Высочайшее Положеніе 22 Марта 1865 г. о Финляндскомъ Кадетскомъ Корпусѣ 153

б) Высочайшій Манифестъ 23 Марта (4 Апрѣля) 1860 г.—объ измѣненіи монетной единицы для Великаго Княжества Финляндскаго 153

в) Законъ 28 Іюля (9 Августа) 1877 г.—о монетѣ Великаго Княжества Финляндскаго 154

№ 19. Связь съ Россіей особо выражена въ главахъ I (О тѣхъ, кто подлежитъ дѣйствію финляндскаго уголовнаго права), XI (О преступленіяхъ противъ Верховной власти) и XII (О государственной измѣнѣ) 155

№ 20. Высочайшій Манифестъ 31 Мая (12 Іюня) 1890 г.—о почтовой части Великаго Княжества Финляндіи 156

№ 21. Высочайшее Постановленіе 19 Іюля (1 Августа) 1891 г.—о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ порядка производства дѣлъ и замѣщенія должностей въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ Великаго Княжества Финляндскаго 157

№ 22. Высочайшее Постановленіе 2 (14) Марта 1899 г.—объ измѣненномъ порядкѣ учрежденія въ Финляндіи учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ и завѣдыванія оными . 159

№ 23. Выдержки изъ программы Генералъ-Губернатора Н. И. Бобрикова 160

№ 24. Высочайшій Манифестъ 3 (15) Февраля 1899 г. 162

№ 25. Высочайшій Манифестъ 7 (20) Іюня 1900 г.—о введеніи рус-

стр.

скаго языка въ дѣлопроизводство нѣкоторыхъ административныхъ присутственныхъ мѣстъ Великаго Княжества Финляндскаго 165

№ 26. а) Высочайшее Постановленіе 27 Іюня (10 Іюля) 1902 г.—объ измѣненіи формъ и порядка обнародованія узаконеній и правительственныхъ распоряженій въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ 167

б) Высочайшее Постановленіе 18 (31) Іюля 1902 г.—объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ, касающихся службы чиновъ гражданскаго вѣдомства въ Финляндіи 170

№ 27. Высочайшее Постановленіе 27 Мая (9 Іюня) 1904 г.—о мѣрахъ къ объединенію денежныхъ системъ Имперіи Великаго Княжества Финляндскаго 170

№ 28. Высочайшій Манифестъ 22 Октября (4 Ноября) 1905 г. . . 172

№ 29. Высочайшее Постановленіе 20 Апрѣля (3 Мая) 1906 г.—относительно русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ административныхъ учрежденій Финляндіи 174

№ 30. Законъ 7 (20) Августа 1906 г.—о свободѣ слова, собраній и союзовъ 177

№ 31. Высочайше утвержденное 20 Мая 1908 г. положеніе Совѣта Министровъ о порядкѣ направленія финляндскихъ дѣлъ, касающихся интересовъ Имперіи 178

№ 32. Высочайшее повелѣніе Императорскому Финляндскому Сенату, отъ 17 (30) Сентября 1908 г. (переводъ съ нѣмецкаго) . . . 180

II. Къ русскому тексту.

№ 33. Прокламація гр. Буксгевдена 18 Февраля 1808 г., изданная въ Фридрихсгамѣ (на шведскомъ языкѣ) 180

№ 34. Высочайшій Манифестъ 20 Марта 1908 г.—о покореніи Шведской Финляндіи и о присоединеніи оной навсегда къ Россіи 181

№ 35. Именной, объявленный Военной Коллегіи Министромъ Военныхъ Сухопутныхъ силъ 1 Мая 1808 г.—о довольствованіи фуражемъ находящихся въ Финляндіи строевыхъ и подъемныхъ лошадей 182

№ 36. Универсалъ Абоскаго Гофгерихта о формахъ и титулахъ въ бумагахъ Гофгерихта 1808 г. Мая 27 183

№ 37. Высочайше утвержденный 25 Декабря 1808 г. Императорскій Титулъ 183

стр.

№ 38. Фридрихсгамскій мирный трактатъ 5 (17) Сентября 1809 г. (Выдержки) 184

№ 39. Именный, объявленный правящимъ должность С.-Петербургскаго Военнаго Губернатора Балашевымъ, въ предписаніи Оберъ-Полиціймейстеру 27 Сентября 1809 г.—о поступленіи съ пріѣзжающими финляндцами по тѣмъ же правиламъ, какъ и съ прибывающими изъ внутреннихъ Россійскихъ губерній . 185

№ 40. Учрежденіе объ управленіи водяными и сухопутными сообщеніями 20 Ноября 1809 г. (Выдержки) 186

№ 41. Въ дѣлѣ Государственнаго Совѣта, Комитета Предсѣдателей, бывшаго въ 1810 и 1811 г.г., о соединеніи Старой и Новой Финляндіи подъ одно именованіе и одинъ образъ управленія 188

№ 42. Высочайшее объявленіе и постановленіе 5 (17) Ноября 1811 г.—объ учрежденіи таможенной черты между Выборгомъ и Кексгольмомъ и о ввозѣ финляндскихъ продуктовъ въ прочія губерніи Россійской Имперіи 190

№ 43. а) Высочайшій Рескриптъ 6 Сентября 1812 г. на имя и. д. финляндскаго Генералъ-Губернатора, графа Армфельта. (Выдержка) 191

б) Высочайшій рескриптъ 5 Марта 1822 г. на имя финляндскаго Генералъ-Губернатора, графа Штейнгеля. (Выдержка) 192

№ 44. Высочайшее Постановленіе 19 Іюня 1816 г. о торговлѣ и таможенныхъ сборахъ въ Финляндіи. (Выдержка) 192

№ 45. Высочайшее Постановленіе 20 Іюня 1816 г.—о продажѣ водки въ финляндскихъ крѣпостяхъ и о распространеніи на Выборгскую губернію воспрещенія ввозить водку въ Финляндію. (Выдержка) 192

№ 46. Высочайшее Объявленіе 5 Октября 1816 г.—о почтовомъ вѣдомствѣ въ Финляндіи. (Выдержка) 193

№ 47. Высочайшее Постановленіе 13 (25) Марта 1819 г.—объ увольненіи финляндскихъ уроженцевъ рабочаго и прочихъ званій въ Россійской губерніи (Выдержка) 193

№ 48. Высочайшій Манифестъ Императора Александра I отъ 16 Августа 1823 г.—о назначеніи Наслѣдника Великаго Князя Николая Павловича. (Выдержка) 194

№ 49. Высочайшій Манифестъ 17 Марта 1826 г.—объ упраздненіи Коммисіи Финляндскихъ Дѣлъ въ С.-Петербургѣ и объ учрежденіи Статсъ-Секретаріата Великаго Княжества Финляндіи. (Выдержка). 194

стр.

№ 50. Высочайшее Постановленіе 2 (14) Октября 1829 г.—о цензурѣ и книжной торговлѣ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. (Выдержка) 195

№ 51. Всеподданнѣйшій докладъ графа Блудова 1 Февраля 1851 г. № 10 объ Основныхъ Законахъ Великаго Княжества Финляндскаго. 195

№ 52. Рескриптъ Гофгерихтамъ и проч. 1-го Марта 1852 г. о томъ, что слѣдуетъ соблюдать при опредѣленіи русскихъ уроженцевъ на финляндскую гражданскую службу 197

№ 53. Высочайшій Его Императорскаго Величества Рескриптъ Генералъ-Губернатору Финляндіи 14 (26) Мая 1867 г. 197

№ 54. Высочайшій Его Императорскаго Величества Рескриптъ Земскимъ Сословіямъ Великаго Княжества Финляндскаго 15 (27) Марта 1872 г. по всеподданнѣйшей петиціи ихъ объ изданіи закона о печати въ Финляндіи 198

№ 55. Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ 22 Ноября (4 Декабря) 1872 г., по поводу всеподданнѣйшаго отзыва Земскихъ Чиновъ Великаго Княжества Финляндскаго на сообщенное имъ Высочайшее Его Императорскаго Величества предложеніе касательно гербоваго сбора 199

№ 56. Высочайшій Манифестъ 1 (13) Марта 1881 г. о вступленіи на Престолъ Государя Императора Александра III 199

№ 57. Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ 1 (13) Декабря 1889 г. о пріостановленіи приведенія въ дѣйствіе уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго отъ 19 Декабря 1889 г. и дополнительныхъ къ сему уложенію узаконеній отъ того же числа и о передачѣ Земскимъ Чинамъ Финляндіи предстоящаго сейма Высочайшаго предложенія объ измѣненіи означенныхъ, вновь изданныхъ уголовныхъ узаконеній. 200

№ 58. Высочайшій Рескриптъ Генералъ-Губернатору Финляндіи 28 Февраля 1891 г.—по поводу рѣчей ландмаршала и тальмановъ при открытіи Сейма 1891 г. 201

№ 59. Проектъ основныхъ положеній для выработки проекта Высочайшаго предложенія Земскимъ Чинамъ Финляндіи по дѣлу объ изданіи законовъ общихъ для всей Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, одобренный Финляндскими Членами Особаго Совѣщанія для разсмотрѣнія всеподданнѣйшей записки Финляндскаго Генералъ-Губернатора по дѣлу о кодификаціи основныхъ законовъ Великаго Княжества

стр.

Финляндскаго подъ предсѣдательствомъ Н. Х. Бунге (1891—1893 г.г.): баономъ фонъ-Альфаномъ, фонъ-Деномъ, Прокопе и Прокуроромъ Финляндскаго Сената Калоніусомъ. (Выдержка). 203

№ 60. Протоколъ, веденный при открытіи десятаго общаго Сейма Великаго Княжества Финляндскаго, въ тронной залѣ Императорскаго Дворца въ Гельсингфорсѣ, 26 Января 1894 г. (Выдержка) 203

№ 61. Высочайшій Его Величества Государя Императора Николая Втораго Манифестъ 20 Октября (1 Ноября) 1894 г. о вступленіи Его Императорскаго Величества на Прародительскій Его Величества Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго. 204

№ 62. «Финляндія. Обзоръ періодической печати. Январь—Февраль 1900 г.». Глава III, стр. 61 205

№ 63. Высочайшее Постановленіе 15 (28) Мая 1909 г.—о церемоніалахъ открытія и закрытія Сеймовъ Финляндіи. (Выдержки). . 206

№ 64. Высочайшій Рескриптъ Финляндскому Генералъ-Губернатору 24 Августа (6 Сентября) 1909 г.—о дѣлахъ, относящихся къ области административнаго законодательства, и о составленіи проекта Высочайшаго предложенія Сейму Финляндіи касательно измѣненія постановленій объ общинномъ самоуправленіи. 207

№ 65. Высочайшій Манифестъ 24 Сентября (7 Октября) 1909 г. о производствѣ финляндскою казною государственному казначейству денежныхъ платежей, взамѣнъ отбыванія жителями Великаго Княжества Финляндскаго личной воинской повинности . 209

№ 66. Высочайшій Манифестъ 14 (27) Марта 1910 г. по поводу законопроекта о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія 210

№ 67. Извлеченія изъ Манифеста 6 Августа 1905 г.—объ учрежденіи Государственной Думы и изъ Манифеста 20 Февраля 1906 г.—объ измѣненіи учрежденія Государственнаго Совѣта и о пересмотрѣ учрежденія Государственной Думы 212

Берендтсъ, Э. Финансовое право Великаго Княжества Финляндскаго въ XIX столѣтіи. Спб. 1900.

Берендтсъ, Э. Краткій обзоръ финансовъ В. Кн. Финляндскаго. Спб. 1900.

Берендтсъ, Э. Императорскій Александровскій Университетъ въ Финляндіи. Спб. 1900.

Берендтсъ, Э. Лекціи по административному праву Вел. Кн. Финляндскаго. 2 тома. Спб. 1903.

Берендтсъ, Э. Н. Къ финляндскому вопросу. По поводу рѣчи члена Гос. Думы П. Н. Милюкова 13 Мая 1908 г. при разсмотрѣніи запросовъ по финляндскому управленію. Спб. 1910.

Берендтсъ, Э. Н. По поводу воззваній иностранныхъ ученыхъ относительно правъ Финляндіи. Спб. 1910.

Behrendts. Ueber Grenzmarkenpolitik und die finnländische Frage ins besondere, Rede, gehalten am 14. I. 1907, St. Petersburg. 1907.

Бородкинъ, М. Исторія Финляндіи. Время Императора Александра I. Спб. 1909.

Бородкинъ, М. Исторія Финляндіи. Время Императора Александра II. Спб. 1908.

Бородкинъ, М. Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н. И. Бобрикова. Спб. 1905.

Бородкинъ, М. Финляндія въ русской печати. Библіографическій указатель книгъ и статей о Финляндіи. Спб. 1902.

Бородкинъ, М. Война 1854—1855 г. на Финскомъ побережьѣ. Спб. 1904.

Бородкинъ, М. Итоги столѣтія. Харьковъ. 1909.

Condition juridique de la Finlande. Paris. 1902.

Главнѣйшія событія и мѣропріятія правительства въ періодъ 1905—1909 г.г. Спб. 1910.

Евреиновъ, Г. А. Національные вопросы на инородческихъ окраинахъ Россіи. Схема политической программы. Спб. 1908.

Ewreinow, Grégoire. Exposé de la question finlandaise. St. Pétersbourg. 1910.

Ewreinow, G. Zur finnischen Frage. Spb. 1909.

Еленевъ, Ѳ. Ученіе о финляндскомъ государствѣ. Спб. 1893.

Elénew, Th. Les prétentions des séparatistes finlandais. Paris. 1895.

Изнанка Революціи—вооруженное возстаніе въ Россіи на японскія средства. Спб. 1906.

Le revers de la révolution. L'insurrection en Russie, armée aux frais du Japon. Edition du journal «Golos Prawdy» St.-Pétersbourg. 1909.

Каменскій, Н. Современное положеніе Финляндіи съ точки зрѣнія обороны государства. Спб. 1908.

Корево, Н. Н. Алфавитный указатель къ постановленіямъ, относящимся до Вел. Кн. Финляндскаго, т. I (А—І), т. II (К—П), т. III (Р—Я). Спб. 1907—1909.

Корево, Н. Н. Изданія мѣстныхъ законовъ Россійской Имперіи (изъ «Библіотеки Окраинъ Россіи»), № 4 (стр. 23 и слѣд.). Спб. 1907.

Коркуновъ, Н. М. Финляндскій сеймъ. Юридическая лѣтопись. 1891 г. № 1.

Коркуновъ, Н. М. Русское государственное право, т. I. Спб. 1892.

Кочкаревъ, Н. А. Программы финляндскихъ партій. Спб. 1909.

Липранди, А. П. (Волынецъ, А.). Финляндскій вопросъ. Къ столѣтію присоединенія Финляндіи къ Россіи. Спб. 1909.

Луото, Карлъ. Правда. Переводъ съ финскаго. Спб. 1910.

Малышевъ, К. Общее уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія Финляндіи. Спб. 1891.

Малышевъ, Кронидъ. Курсъ общаго гражданскаго права Россіи. Спб. 1878.

Мессарошъ, П. И. Финляндія—государство или русская окраина? Спб. 1898.

О «Разсказахъ прапорщика Столя» (Fänrik Ståls sägner). Спб. 1910.

Ординъ, К. Ф. Конституція Финляндіи въ изложеніи мѣстнаго сенатора Л. Мехелина. Спб. 1888.

Ординъ, К. Ф. Покореніе Финляндіи. 2 тома съ картою Финляндіи. 1889 г. (первое изданіе).

Ординъ, К. Ф. Собраніе сочиненій по финляндскому вопросу. Т. I.—Изслѣдованія, статьи, записки и письма. Съ портретомъ автора и предисловіемъ издателя, Б. К. Ордина. Спб. 1908; тт. II и III—второе изданіе «Покореніе Финляндіи» съ предисловіемъ издателя Б. К. Ордина и картою Финляндіи во II томѣ. Спб. 1909.

Osten-Sacken, Baron Wolf von der. Die Staatsrechtliche Stellung des Grossfürstenthums Finnland im Russischen Reiche. Tübingen. 1909.

Osten-Sacken, Baron Wolf von der, dr. Russland und Finnland. Zur Kritik der Bornhakschen Construction des staatsrechtlichen Verhältnisses. St. Petersburg. 1910.

Остенъ-Сакенъ, Баронъ Вольфъ фонъ-деръ. Государственно-правовое положеніе Великаго Княжества Финляндскаго въ Россійскомъ государствѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей автора. Спб. 1910.

Петровскій, С. Финляндская окраина Россіи. Сборникъ статей, очерковъ, писемъ, документовъ и иныхъ матеріаловъ для изученія такъ называемаго «Финляндскаго вопроса». Москва. Выпускъ I—1891, вып. II—1894, вып. III—1

Румянцевъ, А. Ф[illegible]оружается! Союзъ «Сила» («Voima»). Спб. 1907.

Рейнъ, Т. Іоганнъ-[illegible]ьгельмъ Снельманъ. Историко-біографическій очеркъ, сокращенный переводъ со шведскаго. Спб. 1903.

Сергѣевскій, Н. Д. Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ. Спб. 1902.

Сергѣевскій, Н. Д. Сеймовый уставъ Вел. Кн. Финляндскаго. Библіотека Окраинъ Россіи, № 1. Спб. 1907.

Сергѣевскій, Н. Д. Финляндское уголовное уложеніе. Библіотека Окраинъ Россіи, № 2. 1907.

Сергѣевскій, Н. Д. Запросы по финляндскому управленію въ Государственной Думѣ 1908 года. Библіотека Окраинъ Россіи, № 6. Спб. 1908.

Смирнова, С. Угнетенная страна. Замѣтки о Финляндіи. Спб. 1908.

Смирнова, С. Покореніе сердецъ. Спб. 1909.

Суворовъ, П. Къ вопросу о равноправіи. Положеніе русскихъ въ Финляндіи и финляндцевъ въ Имперіи. Спб. 1907.

Souvoroff, P. Question Finlandaise. Spb. 1908.

Судопроизводство и судоустройство Финляндіи. Изданіе комиссіи по систематизаціи финляндскихъ законовъ. Спб. Гос. Тип. 1901.

Таганцевъ, Н. С. Высочайшій Манифестъ 1 декабря 1880 года и Финляндское Уголовное уложеніе. Юридич. Лѣтопись. 1891, I т. Изданъ особо. Спб. 1910.

Таганцевъ, Н. С. По поводу предстоящаго введенія особаго уложенія для В. Кн. Финляндіи. Записка отъ 23 Іюня 1890 г. Спб. 1910.

Федоровъ, Евг. Подготовка финляндской революціи 1889—1905 гг. Спб. 1907.

Финляндская окраина въ составѣ Русскаго Государства. Спб. 1906.

Финляндія. Изданіе Н. Поповой, подъ редакціей Д. Протопопова. Спб. 1888.

Шиловскій, П. Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи. Спб. 1903.

Якубовъ, К. Сборникъ дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законоположеній и относящихся къ нимъ узаконеній и актовъ. Гельсингфорсъ. 1889.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ

I. 25

КОПИРОВАНИЕ

9.10.03